

Slavia Christiana

ЯЗЫК · ТЕКСТ · ОБРАЗ

ЦЕНТР МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СЛАВЯНСКОЙ
КНИЖНОСТИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

UNIVERSITÀ DEGLI STUDI DI FIRENZE

КАФЕДРА СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР
ФАКУЛЬТЕТА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ
МГУ имени М.В. ЛОМОНОСОВА

при поддержке Российского центра науки и культуры в Риме
(Представительство Россотрудничества в Италии)

«ИНДРИК»
МОСКВА
2018

ВОСЬМЫЕ РИМСКИЕ КИРИЛЛО- МЕФОДИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Рим — Флоренция
5—10 ФЕВРАЛЯ 2018 г.

Организационный комитет конференции

Н. Запольская (председатель)

И. Вернер

М.Обижаева

А. Михайленко

М. Гаврилков (секретарь)

Е. Смирнова (секретарь)

Ответственные редакторы

сборника материалов конференции

Н. Запольская

М. Обижаева

Восьмые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения.

Материалы конференции

(Рим — Флоренция, 5–10 февраля 2018 г.).

М: Индрик. 2018. — 164 с.

ISBN 978-5-91674-484-2

Сборник содержит материалы международной научной конференции *Восьмые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения* (5–10 февраля 2018 г.), организованной Институтом славяноведения РАН при поддержке Российского центра науки и культуры в Италии и Флорентийского университета. Доклады были прочитаны в тематических секциях: «Эпоха Константина и Мефодия в историко-филологическом контексте: события, тексты, люди», «Новое о старом: современные исследования славянского рукописного и книгопечатного наследия», «Славянские языки: типология и история», «Альтернативные пути формирования русского литературного языка в до-моновосковский период: деятельность иностранных ученых и переводчиков», «Функциональность славянской книжности», «Единство и множественность мира Максима Грека».

ISBN 978-5-91674-484-2

© Оформление,

Издательство «Индрик», 2018

СО Д Е Р Ж А Н И Е

А. Альберти (<i>Италия, Болонья</i>) Филологическая деятельность тырновских книжников XIV века и восстановление кирилло- мефодиевского наследия	— 5 —
С. Аршембо (<i>Франция, Париж</i>) В поисках «духа русского языка»: «Русская грамматика и методика» Жана Сойе (Париж, 1724)	11 12
М. К. Брагоне (<i>Италия, Павия</i>) Переводы и размышления о церковнославянском и русском языках в XVIII веке: перевод И.В. Пауса «Colloquia Latino-Germanica» И.Г. Сейболда	14
И. Вернер (<i>Россия, Москва</i>) Церковнославянский язык в истории чешской библейской традиции: новые тексты и новые интерпретации	15
С. Власов (<i>Россия, Санкт-Петербург</i>), Л. Московкин (<i>Россия, Санкт-Петербург</i>) «Грамматика французская и русская» 1730 года: результаты комплексного анализа	21
А. Вранеш (<i>Сербия, Белград</i>), Л. Маркович (<i>Сербия, Белград</i>) Руска и српска филологија у Библиотеци «Језик и књижевност»	26
Д. Грбич (<i>Сербия, Белград</i>) Културно-историјски контекст српске рецепције превода Симеона Тодорског «Чтири книги w истинномъ Христианствѣ» (Хале 1735)	30

Дж. Дзиффер (<i>Италия, Удине</i>)	
Чем мы обязаны Черноризцу Храбру?	32

Р. Евстифеева (<i>Италия, Рим</i>)	
Политический язык «Придворного человека»	33

М. Живова (<i>Италия, Рим</i>)	
К проблеме интерпретации разночтений в параллельных текстах русской минеи XVI в. ТСЛ 541: позиции допустимой вариативности и функциональная синонимия	37

К. Жильцов (<i>Россия, Москва</i>)	
К вопросу о значении прозвища «Упирь» в записи писца Толковых пророков 1047 года	39

А. Журавель (<i>Германия, Галле</i>)	
К вопросу о редакциях «Книги Паломник» Антония Новгородского	41

Н. Зайц (<i>Словения, Любляна</i>)	
Молитвенные произведения преп. Максима Грека	47

Н. Запольская (<i>Россия, Москва</i>)	
Проблема легитимации славянского литургического языка	53

Н. Запольская (<i>Россия, Москва</i>)	
Рефлексия над церковнославянским языком: от «имманентной» грамматики к теоретической.....	55

О. Зиберт (<i>Германия, Галле</i>)	
«Простой» язык «русских» переводов Симеона Тодорского (Галле 1729–1735): переводческие стратегии и возможности их анализа с помощью электронной базы данных	60

А. Золтан (*Венгрия, Будапешт*)

Венгерское сложное будущее в славянском контексте 65

В. Легких (*Австрия, Вена*)

Русская княжеская служба как отдельная категория 70

С. Менгель (*Германия, Галле*)

Концепции русского литературного языка нового типа
в трудах иностранных ученых и переводчиков начала
XVIII века, их рецепция и распространение 74

Е. Мишина (*Россия, Москва*)

Повествовательные стратегии древнерусских хождений 76

Н. Мосягина (*Россия, Санкт-Петербург*)

Гимнография великомученику князю Лазарю
Хребеляновичу в древнерусских нотированных рукописях ... 79

Н. Мосягина (*Россия, Санкт-Петербург*)

Мастер-класс по древнерусскому богослужебному
пению: «Канон молебный ко Пресвятой Богородице»
греческого распева 84

Н. Николаева (*Россия, Казань*)

Евангелие-апракос XIV века из собрания Научной
библиотеки Казанского университета (ОРРК № 2072):
палеографические и структурно-содержательные
особенности 85

М. Новак (*Россия, Казань*)

Древнеславянский перевод Евфалианы: синтаксис
и лексика оглавления к первому посланию Коринфянам 89

М. Обижаева (*Россия, Москва*)

К вопросу о функциях родного языка в новых
культурно-исторических условиях: сербский язык
накануне XIX века 94

Е. Остапчук (*Польша, Варшава*)

Предисловие Феофилакта, архиепископа Болгарского,
к Евангелию от Матфея и житие ев. Матфея (св. Софония)
в старопечатных кириллических богослужебных
четвероевангелиях 97

Т. Пентковская (*Россия, Москва*)

Церковь и храм в церковнославянских новозаветных
переводах 100

П. Петрухин (*Россия, Москва*)

Об одной особенности орфографии берестяных грамот ... 105

А. Плотникова (*Россия, Москва*)

Церковнославянская традиция как способ исправления
региональной антропонимической лексики у староверов
Латгалии 108

Т. Попович (*Сербия, Белград*)

Slavia Orthodoxa и литература нового времени
(XIX–XXI вв.) 113

Ф. Ромоли (*Италия, Пиза*),

М. К. Ферро (*Италия, Кьети-Пескара*)

Именования и атрибуты Богородицы.
К созданию многоязычного лексикона религиозных
и философско-богословских слов 120

Е. Рыбникова (*Россия, Кемерово*)

Корреляция значений «соборность»
и «совместность» в древнерусском языке
(на материале книжных памятников XI–XIV вв.) 124

Н. Солонская (*Украина, Киев*)

Атрибуційні помітки в «руських книгах» з Галле,
що зберігаються в бібліотеках Києва, як свідчення
їхнього поширення та рецепції 129

В. С. Томеллери (<i>Италия, Мачерата</i>) Апостольский символ веры (<i>Symbolum Apostolorum</i>) в церковнославянском переводе Дм. Герасимова.....	131
Р. Фишер (<i>Австрия, Вена</i>) Патриарх Фотий, значение его деятельности для славянского православного культурного пространства	133
А. Циммерлинг (<i>Россия, Москва</i>) Предикативы и дативно-предикативные предложения в старославянском и древнерусском языках	138
Т. Челбаева (<i>Германия, Галле</i>) К предыстории первой грамматики русского языка Г. В. Лудольфа (« <i>Grammatika Russica</i> », Оксфорд, 1696)	145
О. Чумичева (<i>Россия, Москва</i>) Максим Грек об иконах: особенности присвоения идей в русской культуре	147
И. Шпадиер (<i>Сербия, Белград</i>) Старое о новом — речь средневековья и современная культура	151
М. Шульга (<i>Россия, Москва</i>) «Нерегулярности» в развитии русских флексивных форм	155
И. Юрьева (<i>Россия, Москва</i>) О грамматических ориентирах в ранней летописной традиции	159

Альберто Альберти

Болонский университет, Италия

a.alberti@unibo.it

**Филологическая деятельность тырновских книжников
XIV века и восстановление кирилло-мефодиевского наследия**

—
11

В сообщении рассматривается богатое книжное наследие эпохи царя Ивана Александра (1331–1371). Исследователи обычно толкуют деятельность Тырновской литературной школы как результат своего рода “покровительства книжности” со стороны царской семьи и правящих классов того времени. Однако при более внимательном рассмотрении становится очевидно, что типология и конкретное содержание текстов, написанных в течение четырех десятилетий царства Ивана Александра, ясно показывают стремление к восстановлению “кирилло-мефодиевского” наследия, т. е. “славянских” и монашеских корней книжной культуры, — действительно, последние десятилетия Второго Болгарского Царства отличаются именно диалектикой между этим “возвратом к прошлому” и влиянием современной ему византийской культуры.

Ключевые слова: *текстология, Священное Писание, XIV век, Второе болгарское царство*

Alberto Alberti

University of Bologna, Italy

a.alberti@unibo.it

**The Philological Practice of the 14th Century Tărnovo School
and the Rescue of the Cyrillo-Methodian Legacy**

The present survey analyzes the rich literary production during the reign of Ivan Aleksandăr (1331–1371).

—
12
—

Scholars usually explain the activity of the “Târnovo School” as the outcome of a generic “protection of culture” on the part of the imperial family and ruling classes of that time. Actually, typology and content of texts copied during the forty-year reign of Ivan Aleksandăr clearly show the aim to recover the cyrillo-methodian tradition and the legacy of the first Bulgarian Empire, namely, the “Slavonic” and monastic roots of literary culture. As a matter of fact, the last decades of the second Bulgarian Empire are characterized by the dialectic between this sort of “return to the past” and the influence of the contemporary Byzantine culture.

Key words: *Textual Criticism, Holy Scriptures, 14th century, Second Bulgarian Empire*

Сильви Аршембо

Парижский университет Сорбонна, Франция

sylvie.archaimbault@paris-sorbonne.fr

В поисках «духа русского языка»: «Русская грамматика и методика» Жана Сойе (Париж, 1724)

В докладе уделяется особое внимание второму тому грамматики, т. е. «Методике», где автор стремится сопоставить русские и французские фразы, стремясь таким образом приблизиться к «духу русского языка».

Ключевые слова: *первые грамматики русского языка, XVIII век, Ж. Сойе*

В двухтомной грамматике русского языка в сопоставлении с французским под названием «Grammaire et Methode russe et françoise» (1724) Жан Сойе, переводчик с церковнославянского, русского и польского языков в Королевской библиотеке, ставит своей целью описать «русский канцелярский язык», выбира-

ет гражданскую азбуку и фиксирует норму «приказного языка», который «отличается эlegantностью и энергией».

В докладе уделяется особое внимание второму тому грамматики, т. е. «Методике». Здесь автор стремится сопоставить русские и французские фразы, располагая параллельно четыре текстовых блока для каждого примера. Таким представлением материала подчёркивается разница в конструкциях обоих языков. Помимо этого, предложения-образцы позволяют упражняться в переводе с иностранного языка на родной и наоборот, а также запоминать характерные структуры русского языка. Таким образом, Сойе стремится приблизиться к «духу русского языка».

13

Sylvie Archaimbault

Université Paris Sorbonne, France

sylvie.archaimbault@paris-sorbonne.fr

**In search of the “Spirit of the Russian language”:
the “Russian Grammar and Methodology” by Jean Sohier
(Paris, 1724)**

The focus of the talk will be on the second volume of the Grammar, i.e. the „Methodology“, in which the author is striving to oppose Russian and French phrases in order to hereby approach the „spirit of the Russian language“.

Key words: *first grammars of the Russian language, 18th century, J. Sohier*

Мария Кристина Брагоне

Павийский университет, Италия

mariacristina.bragone@unipv.it

—
14
—

**Переводы и размышления о церковнославянском
и русском языках в XVIII веке: перевод И. В. Пауса
«Colloquia Latino-Germanica» И. Г. Сейболда**

Переводы И. В. Пауса представляют большой интерес для изучения его лингвистической концепции русского литературного языка начала XVIII века. В докладе рассматривается один из этих переводов.

Ключевые слова: *русский литературный язык, XVIII век, И. В. Паус*

В интенсивных взаимоотношениях между пиетистским центром в Галле и Россией, которые сложились в первой трети XVIII века, значительную роль играли немецкие ученые, занимавшиеся в России дидактической и миссионерской деятельностью. Среди них выделяется Иоганн Вернер Паус (1670–1735), который в течение своей плодотворной жизни, среди прочего, занимался лингвистическими вопросами и переводческой деятельностью.

Переводы Пауса представляют большой интерес для изучения его лингвистической концепции русского литературного языка начала XVIII века. Здесь особое значение имеют переводы, сделанные Паусом вскоре после его прибытия в Россию, поскольку позволяют составить представление о его уровне владения новым языком и о формировании его лингвистических взглядов. В связи с этим в докладе будет рассмотрен перевод сочинения «Colloquia latino-germanica» немецкого филолога Иоганна Сейбольда, выполненный Паусом в 1707 году.

Maria Christina Bragone

Università di Pavia, Italy

mariacristina.bragone@unipv.it

Translations and reflections on Church Slavonic and the Russian language in the 18th century: the translation of J. W. Paus «Colloquia Latino-Germanica» by J. G. Seybold

—
15
—

The translations by J. W. Paus are of great interest for the exploration of his linguistic concept of the Russian literary language at the beginning of the 18th century. The talk will focus on one of these translations.

Key words: *Russian literary language, 18th century, J.W. Paus*

Инна Вернер

Институт славяноведения РАН, Россия

inna.verner@mail.ru

Церковнославянский язык в истории чешской библейской традиции: новые тексты и новые интерпретации

Доклад посвящен двум ранее неизвестным в истории чешского библейского перевода XIX в. текстам: четвероевангелию в переводе Ф. Новотного и Новому Завету в переводе Н. П. Апраксина. Оба перевода обращаются к греческому и церковнославянскому источникам. Языковые характеристики текстов позволяют говорить о более или менее последовательной церковнославянской интерференции на различных языковых уровнях, мотивированной стремлением переводчиков актуализировать «общеславянские» элементы в чешском литературном языке. Исследуемые переводы вписаны в историю русских и чешских славянофильских филологических проектов второй половины XIX в.

Ключевые слова: *библейские переводы, чешская Библия, Новый Завет, «общеславянский» язык*

Влияние чешских текстов на церковнославянские библейские переводы XV–XVI вв. имеет в славистике давнюю традицию изучения, тогда как о противоположном церковнославянском влиянии на чешский литературный язык и чешскую Библию, имевшем место как в раннесредневековый период, так и в относительно недавнем прошлом, известно гораздо менее. Однако последние исследования позволяют не только попытаться поставить проблему такого влияния в XII–XIV в. как проблему преемственности на чешской почве старославянского наследия [Станковска 2015], но и с уверенностью говорить об имевшем место в XIX в. влиянии церковнославянского языка на чешские библейские переводы, которые возникали в период чешского национального возрождения и формирования литературного языка [Bartoň 2014, Вернер 2018]. Речь идет о как минимум двух чешских переводах Нового Завета, появившихся в начале и в самом конце XIX в., независимо друг от друга. Это незаслуженно забытый перевод интеллектуала первой волны чешского национального возрождения Ф. Новотного, опубликованный в Праге в 1810–1811 г., и двуязычный церковнославянско-чешский Новый Завет, изданный Н. П. Апраксиным в 1892–1897 гг. в Петербурге.

Первый текст представляет собой четвероевангелие (до недавнего исследования Й. Бартона считалось, что опубликовано было лишь Евангелие от Матфея, однако теперь точно известно, что утрачены лишь оставшиеся в рукописи переводы деяний и посланий апостольских), переводчиком которого стал священник из Млада Болеслава, один из представителей ученого круга Й. Добровского, автор первого в богемистике комплексного исследования чешской библейской традиции с XIII в. до 1810 г. и создатель одного из первых чешских граммати-

—

16

—

ческих руководств («Правила чешского языка» 1818 г.). За основу чешского перевода Новотный взял как латинскую Вульгату, так и греческий Новый Завет (причем в текстологическом отношении оба источника были равноправны, а в лингвистическом греческому во многих случаях отдавалось предпочтение), а третьим его источником стал церковнославянский текст, скорее всего, в издании Елизаветинской Библии 1751 г. Перевод Новотного можно охарактеризовать как систематическую, методологически осмысленную и довольно чуткую языкотворческую практику, нацеленную на моделирование высокого «библейского» стиля, некоторые элементы которого могли бы войти и в складывающуюся общелитературную чешскую норму [Bartoň 2014: 195].

Новый Завет в переводе Апраксина стал единственным полностью реализованным проектом из программы общеславянского церковного книгоиздания, которая была задумана П. А. Гильтебрандтом по случаю празднования памяти Мефодия (1885 г.) и являлась продолжением церковно-политических мероприятий, сосредоточенных вокруг кирилло-мефодиевского наследия по случаю празднования тысячелетия Моравской миссии (1863 г.) [Кравецкий 2013: 240–259]. Этот перевод изначально предназначался для чехов, переселившихся на Волынь в 1860-е гг. и перешедших в православие. Однако, будучи изданным в Праге, текст Апраксина вскоре стал востребованным для нужд Чешской православной церкви, и ныне имеет официально признанный ею статус. Поставленная Гильтебрандтом задача сближения славянских языков через возвращение к общему письменному наследию была реализована Апраксиным с помощью Кралицкой Библии 1579–94 гг., ставшей наряду с католическим изданием Библии 1864 г. чешским источником переводчика, и современного Апраксину церковнославянского текста, напечатанного в издании параллельно с новым чешским пе-

реводом, который сам Апраксин назвал «русским». «Русский» чешский перевод представляет собой последовательную, целенаправленную церковнославянскую интерференцию на различных языковых уровнях, результаты которой призваны вернуть в чешский литературный язык его изначальную близость к церковнославянскому и наглядно эту общность «визуализовать» с помощью параллельного представления славянских текстов [Вернер 2018].

Особенности языка «русского» перевода Апраксина оказываются соотносимы с лингвистическими инновациями Новотного, инспирированными церковнославянским языком, и включают в себя словообразовательные, лексические, грамматические формы (среди которых особое место занимают причастия, а среди них — атрибутивные причастия прошедшего времени, в чешской лингвистике обычно трактуемые как результат влияния русского языка). У обоих переводчиков «открытыми» для церковнославянского влияния выступают, помимо лексики, «смежные» грамматические формы, имеющие общее происхождение, но различающиеся на синхронном уровне объемом реализуемых в них грамматических категорий и/или статусом в системе литературного языка.

В обоих случаях церковнославянский выступает посредником греческого и задает эталонную модель греко-славянского соответствия. Это не исключает и прямого обращения к греческому языку и тексту (в меньшей степени у Апраксина, более последовательно у Новотного). В этом отношении оба перевода полностью оправдывают неоднократно декларированную в предисловиях к чешским католическим библейским изданиям XIX в. лингвистическую необходимость греческого для целей библейского перевода.

Обращение переводчиков как к чешской библейской традиции в ее развитии, так и к традиции церковнославянской реализует в себе как «ретроспективную»

лингвистическую идеологию (попытку возвращения к идеалу единого славянского литургического языка и к общему для славян кирилло-мефодиевскому наследию, в большей степени проявляющуюся у Апраксина), так и «перспективные» опыты предложения варианта складывающегося литературного чешского языка (в качестве которого Новотный видит высокий т. н. «священно-письменный» («svatopísemský») библейский стиль, некоторые элементы которого обязаны своим статусом церковнославянской лексике и грамматике; несколько более нейтральным, однако также консервативно ориентированным является и «славянизированный» чешский язык Апраксина).

19

Переводы Новотного и Апраксина объединяет как схожее представление о том, каков должен быть тип чешского литературного языка, так и конкретная лингвистическая методология перевода. Не будучи связанными отношениями текстовой приемственности, эти переводы, тем не менее, посредством во многом совпадающего набора маркированных форм воплощают в себе общую идею реставрации в чешском литературном языке «общеславянской» традиции. Современный переводчикам церковнославянский язык при этом выступает в функции индикатора, своего рода «лакмусовой бумаги», позволяющей выявить изначально заложенные в чешском языке потенциальные общеславянские инварианты.

Литература

Вернер 2018 — Вернер И. В. Чешская Библия в истории русской культуры и письменности и vice versa: чешско-церковнославянский Новый Завет Н. П. Апраксина 1892–1897 гг. // Славяноведение, № 2. 2018.

Кравецкий 2013 — Кравецкий А. Г. Петербургские полиглотты конца XIX века // Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка 2012–2013. М., 2013. С. 240–259.

Станковска 2015 — Станковска П. Взаимоотношения восточнославянской редакции Евангелия и старочешского перевода Библии // *Latopisy Akademii Supraskiej*. Białystok, 2015. T.6. S. 19–29.

Bartoň 2014 — Bartoň J. Zapomenutý překlad pozapomenutého obrozence: české čtveroevangelium Františka Novotného z Luže. // *Clavibus unitis* 3/2014. S. 157–169.

Inna Verner

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia
inna.verner@mail.ru

Church Slavonic language in the history of the Czech biblical tradition: new texts and new interpretations

The paper deals with two previously unknown texts in the history of the Czech biblical translation of the XIX century: the Four Gospels translated by F. Novotný and the New Testament translated by N.P. Apraksin. Both translations used Greek and Church Slavonic sources. The linguistic peculiarities of the texts allow us to speak about the more or less consistent Church Slavonic interference at various levels motivated by the translators' desire to actualize the "Common Slavonic" elements in the Czech literary language. The analyzed translations are inscribed in the history of Russian and Czech Slavophile philological projects of the second half of the XIXth century.

Key words: *Bible translations, Czech Bible, New Testament, Common Slavonic language*

Сергей Власов

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
vir3@pochta.ru

Леонид Московкин

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
moskovkin.leonid@yandex.ru

21

«Грамматика французская и русская» 1730 года: результаты комплексного анализа

В докладе представлены результаты десятилетнего исследования первого в России печатного учебника русского языка для иностранцев «Грамматика Французская и Русская». Доказывается, что эта грамматика — не школьный учебник, а практический курс разговорного русского языка для иностранных купцов. Ее автором был немецко-русский билингв, начинавший изучать французский язык, предположительно Иоганн Каспар Тауберт. В грамматике представлен образец разговорного русского языка петербургских немцев.

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, учебник, «Грамматика Французская и Русская», И. К. Тауберт*

«Грамматика Французская и Русская» (далее — ГФР), первый учебник русского языка для иностранцев, изданный в России [Grammaire Francoise et Russe 1730], до сих пор остается малоизученным произведением. Отдельные аспекты ГФР рассматривались в работах российских и зарубежных ученых [Вомперский 1969; Успенский 1992; Đurović 1992; Đurović 1995 и др.], однако не были удовлетворительно решены вопросы определения ее типа, цели и адресата, а также ее атрибуции. Требовался анализ языка не только русской, но и французской части грамматики.

Целью исследования явилось комплексное изучение ГФР в историко-педагогическом, лингвистическом и библиологическом аспектах. Методы исследования: лингводидактический анализ текста грамматики, анализ европейских педагогических идей периода XVII — начала XVIII века, сравнение ГФР с аналогичными по типу учебными книгами, анализ языка грамматики (русского и французского), комплексный анализ причин языковых ошибок автора в русской и французской частях текста, анализ академической лингвистической традиции 1720—1730-х гг. и т. д. Основные результаты исследования представлены ниже.

Исследование ГФР показало, что эта грамматика, построенная в форме французско-русского разговорника, отличается от школьных грамматик, которые строились по образцу латинской грамматики Элия Доната. Она наследует традиции двуязычных европейских практических грамматик XVII в., предназначенных для интенсивного изучения иностранных языков. Основным источником ГФР послужила итальянская грамматика Дж. Венерони для французов «*Le Maître italien*». Об этом свидетельствуют сходство структуры этих учебников и способов введения грамматических форм, совпадение тематически связанных слов и их последовательности. Автор ГФР мог пользоваться каким-либо из изданий грамматики Дж. Венерони с немецким переводом, которые выходили в Германии, начиная с 90-х годов XVII в.

ГФР представляет собой учебник разговорного русского языка, в котором функциональные аспекты превалируют над системными. Это обуславливает ее ярко выраженную практическую направленность и позволяет характеризовать ее как протокоммуникативный учебник. Адресатом ГФР являются не ученики гимназии, а иностранные купцы, знающие французский язык, проживающие в России или намеревающиеся приехать в Россию. Доказательством этого являются

слова и фразы, необходимые для ведения торговли, а также французское название ГФР.

ГФР по форме и содержанию имеет мало общего с изданными до 1730 года грамматиками русского языка и церковнославянского языков, а также с материалами академических грамматистов И. В. Пауса, М. Шванвица и В. Е. Адодурова. Ее автор самостоятельно создавал русскую грамматику, например, сводил все имена существительные только к двум склонениям. Это дает основание утверждать, что ГФР не входит в состав ГАГ (грамматик академической гимназии) и находится вне академической лингвистической традиции.

Исследование языка русской и французской частей ГФР выявило большое количество языковых ошибок и показало, что ее автор:

- владел разговорным русским языком, но был плохо обучен русской (церковнославянской) орфографии, о чем свидетельствует множество орфографических ошибок в русской части текста;

- допускал во французской части текста орфографические, лексические и грамматические ошибки, характерные для начальной стадии изучения французского языка;

- еще не освоил грамматику какого-либо языка и в силу этого плохо владел грамматической терминологией.

Автором ГФР не был, как это принято считать, академический переводчик И. С. Горлицкий. Исследование русских и французских автографов Горлицкого показало, что в них имеют место отдельные описки, но при этом никогда не встречаются ошибки, характерные для автора ГФР. Автором ГФР был человек, недавно начавший изучать французский язык, предположительно ученик академической гимназии.

Комплексный анализ причин языковых ошибок показал, что автором ГФР был немец, хорошо знавший разговорный русский язык (немецко-русский билингв).

Влияние немецкого языка проявляется и в русской, и во французской частях текста ГФР.

История создания ГФР связана с историей создания французской грамматики для академической гимназии. Французская грамматика, составленная учителем французского языка Ш.-А. Декомблем и в 1729 г. переведенная на русский язык И. С. Горлицким, готовилась к изданию, но так и не была напечатана. Вместо нее в академической типографии под названием «Грамматика Французская и Русская» была издана грамматика русского языка для французов.

Стремление руководителя Академии наук И. Д. Шумахера выдать ГФР за французскую грамматику позволяет предположить, что при ее издании были допущены финансовые нарушения, вынудившие скрывать факт ее создания и издания. Сохранить в тайне создание и издание ГФР мог только человек, который пользовался исключительным доверием И. Д. Шумахера, скорее всего, его родственник.

Полученные данные об авторе ГФР (немецко-русский билингв, ученик гимназии, человек из близкого окружения И. Д. Шумахера), позволяют предположить, что автором ГФР был Иоганн Каспар Тауберт, родившийся в Санкт-Петербурге в немецкой семье и выросший в интернациональной среде. Он владел разговорным русским языком, во время создания грамматики был учеником петербургской академической гимназии, изучал французский язык в классе Ш.-А. Декомбля и был родственником И. Д. Шумахера.

Один из важных выводов исследования состоит в следующем: в ГФР, если не считать списка церковнославянских слов с сокращениями, представлен разговорный русский язык петербургских немцев, или точнее, разговорный русский язык интернациональной купеческо-разночинной среды. Он представляет собой петербургское просторечие, включающее элементы диалектов и иностранные заимствования и осложненное влиянием немецкого языка.

Литература

Вомперский 1969 — Вомперский В. П. Неизвестная грамматика русского языка И. С. Горлицкого 1730 г. // Вопросы языкознания. 1969. № 3. С. 125–131.

Успенский 1992 — Успенский Б. А. Доломоновские грамматики русского языка (итоги и перспективы) // *Slavica Suecana. Series B—Studies*. 1992. Vol. 1. P. 63–169. —

Grammaire Francoise et Russe 1730 — *Grammaire Francoise et Russe en Langue moderne accompagnée d'un petit Dictionnaire pour la Facilité du Commerce*. Грамматика Французская и Руская нынѣшняго языка сообщена съ малымъ Леѣиконѣмъ ради удобства сообщества. СПб., 1730. 64 с. —

Đurovič 1992 — Đurovič L. Грамматика Академической гимназии // *Slavica Suecana. Series B—Studies*. 1992. Vol. 1. P. 171–211.

Đurovič 1995 — Đurovič L. Sources of Gorlickij's *Grammaire françoise et russe* // *Acta Universitatis Stockholmiensis*. Vol. 24. *Slavic Studies*. С. 51–61.

Sergey Vlasov

Saint Petersburg University, Russia
vir3@pochta.ru

Leonid Moskovkin

Saint Petersburg University, Russia
moskovkin.leonid@yandex.ru

“Grammaire Francoise et Russe” (1730): results of complex analysis

The article presents the results of a ten-year study of “Grammaire Francoise et Russe”, the first Russian language textbook for foreigners printed in Russia. It is proved that this grammar is not a school textbook but a practical course in spoken Russian for foreign merchants. Its author was a German-Russian bilingual who began to study French,

presumably Johann Caspar Taubert. A sample of the spoken Russian language of St. Petersburg Germans is presented in this grammar.

Key words: *Russian as a foreign language, textbook, "Grammaire Francoise et Russe", I. C. Taubert*

—
26

—
Александра Вранеш

Универзитет у Београду, Србија

aleksandra.vranes@gmail.com

Љиљана Марковић

Универзитет у Београду, Србија

ljiljana.markovic@gmail.com

Руска и српска филологија у Библиотеци

«Језик и књижевност»

Објављивањем на руском језику Библиотеке „Језик и књижевност“, која се састоји од четири кола: „Српска књижевност“, „Студије о језику и књижевности“, „Руска емиграција у Београду“ и „Библиотекарство, архивистика и музеологија“ омогућено је представљање српске усмене и средњовековне књижевности и српске и руске науке о књижевности и културним везама. Библиотека „Језик и књижевност“ је на сајмовима књига у Москви добила признања: Удружења издавача и књижара Русије, Централног директората сајмова Русије и Дома „Солжењицин“. На Сајму књига у Београду додељена јој је Награда за издавачки подухват године.

Кључне речи: *језик, књижевност, култура, руско-српске књижевне везе*

Библиотека сведочи о прожимањима руског и српског језика и књижевности, српске и руске образовне, културне и научне заједнице. Чланови Научног са-

вета и Уређивачког одбора, као и рецензенти, научници су светског гласа, међу њима су и чланови и Руске и Српске академије наука. Аутори и приређивачи књига су професори Филолошког факултета у Београду, док су преводиоци књига на руски језик угледни наставници, научници и матерњи говорници руског језика, а секретар редакције Вукосава Ђапа Иветић. Библиотека до сада обухвата 20 књига, почињући старословенским и руским и српским књижевним језиком кроз историју, народном и средњовековном књижевношћу, и стижући до века у коме живимо. Библиотека се објављује под покровитељством председника Републике Србије, а уз подршку Министарства културе и информисања и Министарства спољних послова. Књиге: *Руски језик у истраживањима српских слависта* (прир. акад. Предраг Пипер и проф. др Ксенија Кончаревић); *Руски погледи на српски језик, књижевност и културу* (прир. проф. др Драгана Мршевић Радовић и проф. др Бошко Сувајџић); *Радови из науке о језику Катедре за српски језик Филолошког факултета* (прир. проф. др Вељко Брборић и проф. др Рајна Драгићевић); *Путевима српског језика, књижевности и културе — Том 1* (прир. др Живојин Станојчић, проф. др Драгана Мршевић Радовић, проф. др Јелица Јокановић Михајлов и проф. др Александар Милановић); *Старословенски језик и Руски књижевни језик Марије Ремњове*; *Српска женска књижевност (до 1915. године)* (прир. проф. др Биљана Дојчиновић); *Књижевна Русија. Поглед из Србије* (аутор проф. др Александар Петров); и *Српска мисао о руској књижевности*, (прир. проф. др Тања Поповић), представљају важне доприносе руске научне мисли србистици, и српске научне мисли русистици. Књиге: *Српска народна поезија* (прир. проф. др Бошко Сувајџић) *Српска народна проза* (прир. проф. др Снежана Самарџија); и *Хрестоматија српске средњовековне књижевности* (прир. проф. др Томислав Јовановић), оживљавају поетику традиције и духовност српског на-

рода. Нарочиту пажњу привућиће у овој едицији књиге „о различитим аспектима руског Београда, у периоду између два светска рата Бобана Турића, *Руска класика у сликама* Ирине Антанасијевић и прва ишчитавања и објављивања рукописа Сергеја Смирнова (*Успомене*) и Јевгенија Ањичкова (*Драме. Приповетке*) Корнелије Ичин. У колу Библиотекарство, архивистика и музеологија објављене су *Српска библиографија у периодици* и *Библиографија* аутора Александре Вранеш и *Књига о књизи*, коју су приредили Александра Вранеш и Љиљана Марковић, која обухвата културолошке, социолошке и књижевне прилоге о књизи као духовном, научном и естетском феномену. Филолошки факултет наглашава значај преводилаца: академика Светлане Толстој, проф. др Ивана Чароте, Ивана Пријме, Андреја и Марије Тарасјев, Јелене Сагалович, Ирине Гучкове, Александре Матрусове, Јевгеније Патаракине, Олге Сарајкине, Вјачеслава Чарског, Светославе Цветкове, Ане Сергејеве, Полине Королькове, Дарје Вашченко, Марине Паушић, Микити Супрунчуку, Марине Петковић, Јелене и Иване Недић, чије су знање, висока професионалност и одговорност према повереном им задатку, и надасве љубав према српском наслеђу и науци оживели српску реч руском читаоцу.

Aleksandra Vranes

University of Belgrade, Serbia

aleksandra.vranes@gmail.com

Ljiljana Markovic, PhD

University of Belgrade, Serbia

ljiljana.markovic@gmail.com

—
29

**Russian and Serbian Philology
in Edition Language and Literature**

Publishing on Russian language in Edition Language and Literature, which consists of four circles: Serbian Literature, Studies on Language and Literature, Russian Emigration in Belgrade and Library Science, Archivistics and Museology, enabled the presentation of Serbian and Russian oral and medieval literature and Serbian and Russian science about literature and cultural connections. At the book fair in Moscow it is awarded by: Association of Publishers and Bookstores of Russia, Central Directorate of Russian Trade Fair and Solzhenitsyn House. At the Book Fair in Belgrade it won the Publishers Award for the year 2015.

Key words: *language, literature, culture, Russian-Serbian literary connections*

Драгана Грбић

Институт за књижевност и уметност, Србија

drherald@gmail.com

—
30
—

**Културно-историјски контекст српске рецепције
превода Симеона Тодорског «Четири книги
ω истинномъ Христїанствѣ» (Хале 1735)**

Доклад посвящен анализу культурно-исторического контекста рецепции «русского» перевода Симеона Тодорского «Четырех книг об истинном христианстве» И. Арндта (Галле, 1735) в Сербии, которая в то время входила в состав Австрийской империи.

Ключевые слова: *русский и церковнославянский языки у православных славян, «простой» язык, XVIII век, Симеон Тодорский*

Једна од важних последица политичких, религијских, економских и културних прилика у којима су се нашли Срби насељени на територији Хабзбуршке монархије после Велике сеобе (1690) била је употреба рускословенског језика. Срби су напустили дотадашњу употребу српскословенског језика и као званични језик цркве усвојили рускословенски, који је био у употреби током неколико деценија 18. века.

Занимљив пример у којем се огледа преплитање политичких, религијских и културних околности које су утицале да Срби после Велике сеобе напусте употребу српскословенског језика и као званични језик цркве усвоје рускословенски, представља рецепција једног превода Симеона Тодорског. Превод дела Ј. Арндта (J. Arndt „Vier Bücher vom wahren Christenthum“, Magdeburg 1610) «Четири книги ω истинномъ Христїанствѣ» (Хале 1735) био је веома распрострањен међу Србима у Хабзбуршкој монархији.

Рецепција у се развијала директно у односима Тодорског са црквеним лицима из Карловачке митрополије, али и у односима са српским студентима који су студирали у Халеу или на Кијевској академији. У том контексту важно је истаћи две чињенице. При преводу Тодорски није користио „стандардни“ црквенословенски, својствен оновременим канонским религиозним текстовима у Русији, него је тежио „простом“ народном језику, у складу са пијетистичким идејама из Халеа. Отуда текст који је био реципиран у Србији није спадао у канон религиозних руских текстова. 1743. године Свети Синод је у Русији забранио превод Тодорског.

— 31 —

Dragana Grbich

Institute for literature and arts, Serbia

drherald@gmail.com

The «Four Books on True Christianity» by J. Arndt (Halle, 1735): the Serbian reception of the translation in historico-cultural context

The talk is devoted to the analysis of the historico-cultural context of the reception of the „Russian“ translation of the „Four Books on True Christianity“ by J. Arndt (Halle, 1735) in Serbia, which, at that time, was part of the Austro-Hungarian Empire.

Key words: *Russian and Church Slavonic amongst the orthodox Slavs, 18th century, Simeon Todorsky*

Джорджо Дзиффер

Университет Удине, Италия

giorgio.ziffer@uniud.it

— **Чем мы обязаны Черноризцу Храбру?**

32

— Сначала автор задаётся вопросом: чего бы мы не знали о Константине-Кирилле (и Мефодии), если бы Черноризец Храбр не написал своего произведения «О письменех» или же если бы оно до нас не дошло? И о том, чего бы мы не знали о старославянском языке, не зная этого важнейшего кирилло-мефодиевского источника?

Однако можно поставить и другие вопросы. Чему нас учит богатая рукописная традиция этого текста, насчитывающая более ста рукописей и старопечатных изданий? Что нам показывает история изучения этого текста за два последних столетия?

Ответы на данные вопросы нам позволят, наверное, как можно точнее определить значение произведения Черноризца Храбра для современных исследований о письменности *Slavia Christiana*.

Ключевые слова: *Черноризец Храбр, старославянский язык, Slavia Christiana*

Giorgio Ziffer

University of Udine, Italy

giorgio.ziffer@uniud.it

What do we owe to Chernorizets Hrabar?

The author will deal with such questions as what we would not know about Constantine-Cyril (and Methodius) if Chernorizets Hrabar had not written his work ‘On the letters’, or if it had not come down to us. And what we would

not know about the Old Church Slavonic language if we were not to know this most important Cyrillo-Methodian source.

Key words: *Chernorizets Hrabar, the Old Church Slavonic language, Slavia Christiana*

Рива Евстифеева

Римский университет «Тор Вергата», Италия

professoressa.riva@gmail.com

—
33
—

Политический язык «Придворного человека»

В докладе предпринимается попытка проанализировать подход С. Волчкова к передаче общественно-политической лексики в «Придворном человеке» (1739), переведенном через французское посредство с испанского трактата Б. Грасиана «*Oráculo manual y arte de prudencia*» (1647).

Ключевые слова: *перевод в XVIII в., общественно-политическая лексика, переводческие стратегии, С. Волчков, Б. Грасиан*

«Карманный оракул, или Искусство благоразумия» Б. Грасиана (1647) представляет собой руководство по достижению личного совершенства, которое предполагает, в частности, и успех в свете, поскольку совершенство должно быть как внутренним, интеллектуальным, так и внешним, практическим. Идеальный человек Грасиана — и герой, и политик, и интеллектуал (до «Искусства благоразумия» испанский иезуит опубликовал трактаты *El Héroe*, *El Político*, *El Discreto*, сами названия которых представляют в синтетическом виде его философскую программу).

Французская версия трактата, опубликованная Н. Амло де ла Уссей с посвящением Людовику XIV, смещает акценты, перенося предписания Грасиана

исключительно в область придворной политической карьеры. Не будучи в силах передать сложные паронимические словесные игры, которыми насыщена словесная ткань «оракула» и которые выходили за пределы стилистических ожиданий французской публики второй половины XVII в., воспитанной в картезианской ясности и строгих предписаниях янсенисткой грамматики, Амло прибегает к обобщающим, абстрактным терминам, способным передать, по крайней мере, самый общий смысл грасиановской фразы.

С. Волчков, человек не слишком богатой филологической культуры (не знавший классических языков и получивший, судя по всему, лишь домашнее образование), вынужден переводить общие понятия на язык конкретной, зримой реальности. Так он поступает, например, с лексикой, обозначающей интеллектуальные качества (о чем мы уже рассказывали на «Кирилло-Мефодиевских чтениях»), но и в обращении с политическими терминами наблюдается тот же подход. Именно поэтому при чтении «Придворного человека» следует учитывать, что такие термины, как «любовь», «счастье», «друг» выступают в нем исключительно в качестве концептов общественно-политического языка, а не в своем более непосредственном значении.

Весьма тонко понимающий семантику текста-источника («переводческие вольности» почти никогда не связаны с неправильным истолкованием отдельных фрагментов оригинала и почти без исключений опираются на другие его фрагменты), но не всегда способный ясно передать ее средствами родного языка, Волчков постоянно прибегает к неосновным значениям используемых им терминов. Такая необходимость опираться на вторичные значения приводит к тому, что зачастую текст невозможно понять без обращения к оригиналу (см., например, «Всяк да хранит честь, должную своему чину», где «честь» передает французское *majesté*; такого рода примеров в тексте бесчисленное множество).

Кроме того, переводчик не ставил перед собой задачи создать стройную терминологическую систему, в результате чего один и тот же концепт он передает множеством различных лексем, не заботясь о постоянстве соответствий. Таким образом, каждый из использованных терминов оказывается, с одной стороны, полисемичен, с другой стороны — синонимичен другим терминам. В некоторых случаях такая синонимия в целом ожидаема — см. пары «польза — интерес» (в значении «выгода»), «наука — искусство» (в значении «набор умений, необходимых для какого-то дела»). Но нередко соположение терминов в рамках синонимического ряда оказывается весьма своеобразным — см. «разсуждение — избирание», «разумной — состоятельной».

В докладе будет предпринята попытка описать систему общественно-политических понятий в тексте «Придворного человека». К анализу будут также привлечены данные лексикографических опытов Волчкова — наиболее плодovitого переводчика XVIII в., чья деятельность пришлась на период выработки лексического фонда русского литературного языка нового образца.

Riva Evstifeeva

University of Rome “Tor Vergata”, Italy
professoressa.riva@gmail.com

Political language of “The Courtly man” (“Pridvornoj chelovek”)

Servej Volchkov’s “Pridvornoj chelovek” (1741) is a Russian version of a Spanish Late Baroque treatise, “Oráculo manual, y arte de prudencia” (1647) by Jesuit Baltasar Gracián, based upon its French version (“L’homme de cour”, 1684, by Nicolas Amelot de la Hossaye). Volchkov was the most prolific translator of the XVIIIth century in Russia, nevertheless his strategies for adaptating a complex

philosophical, political and moral aphorisms of Gracián and Amelot's comments on this, full of tacitean references, has never been the object of analysis. In the present paper we examine the system of political lexic in Volchkov's text, with the focus on his frequent recourse to the secondary meanings of the polysemic terms.

Key words: *translation in the XVIIIth century, political vocabulary, translation strategies, Volchkov, Gracián*

Маргарита Живова

Университет «Roma Tre», Италия

zhivova2002@gmail.com

**К проблеме интерпретации разночтений
в параллельных текстах русской минеи XVI в.
ТСЛ 541: позиции допустимой вариативности
и функциональная синонимия**

Доклад посвящен проблеме интерпретации разночтений в параллельных текстах русской служебной минеи XVI в. на разных языковых уровнях: графико-орфографическом, грамматическом, лексическом, синтаксическом. Анализ и попытка классификации этих разночтений могла бы позволить создать лингвистический портрет автора-составителя памятника.

Ключевые слова: *служебная минея, письменный язык, вариативность*

Доклад отражает начальный этап исследования лингво-стилистических особенностей русской повседневной служебной минеи на март (XVI в.) из собрания Троице-Сергиевой лавры № 541. На сегодня эта минея, если и известна исследователям, то лишь по описанию Троицкого собрания 1878 г., где она названа «замечательной». «Замечательна» она тем, что разительно

отличается от подавляющего большинства подобных текстов как предшествующих, так и последующего периода, вплоть до появления первых русских печатных миней. Отличие, в первую очередь бросающееся в глаза и отмеченное авторами описания, в том, что помимо обычных для мартовской минеи памятей, составитель ее добавляет целый ряд служб святым, которым службы не предусматривались и не существовали. Тексты этих служб он компилирует по большей части из других служб того же месяца, хотя для некоторых служб обнаруживаются и не-мартовские источники.

—
37
—

В силу нестандартности этой минеи, при исследовании ее приходится исходить из гипотез, не всегда верифицируемых. Помимо вопроса, каковы были причины и цели создания этого довольно специфического памятника, представляется существенным определить круг его источников, а также стратегии автора-составителя и методы его работы. Очевидно, что главным источником был некий протограф, т. е. мартовский том служебной минеи, откуда он переписывал (возможно, редактируя в той или иной мере) основные, «стандартные» службы, а затем их же использовал — полностью или частично — для создания новых служб, т. е. переписывал еще раз. Так, например, для трех из пяти служб русским святым в качестве одного из канонов составитель использует канон Феофилакту Никомидийскому. Таких текстов-доноров в данной минее одиннадцать, и, соответственно, мы имеем целый ряд параллельных текстов, написанных одной рукой в рамках одной рукописи. Однако во всех этих параллельных текстах имеются разночтения. Разночтения эти самого разного характера: помимо осознанных (редакционных) изменений, связанных с переадресацией текста другому/другим святым (т. е. изменение фактологических деталей), имеются и разночтения на языковом уровне. К ним относятся разночтения графико-орфо-

—
38
—
графические (использование графических и орфографических вариантов), лексические, синтаксические (порядок слов или соотношение парадигматических единиц), грамматические (замена одних грамматических форм другими), а также, кажущиеся на первый взгляд нерелевантными для исследования, разночтения, связанные, по-видимому, с непониманием или недостаточным пониманием текста. Анализ и попытка классификации и интерпретации языковых разночтений могли бы позволить создать лингвистический портрет автора-создателя данной рукописи, одного из представителей очень особого периода в истории русского письменного языка, предвещающего начало пути становления языка Нового времени.

Margarita Zhivova

Roma Tre University, Italy

zhivova2002@gmail.com

**The problem of the interpretation of variants
in parallel texts of Russian office menaia of the XVI s.:
positions of variability and functional synonymy**

The paper is dedicated to the interpretation of linguistic variants in parallel texts in the office menaia TSL 541 on the different language levels: graphic-orthographic, lexical, grammatical and stylistic. An analysis, classification and interpretation of linguistic variants may allow us to create a linguistic portrait of the author of this manuscript.

Key words: *office menaia, literary language, variability*

Кузьма Жильцов

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российский государственный архив древних актов, Россия*
kuzma.zhiltsov@gmail.com

**К вопросу о значении прозвища «Упирь»
в записи писца Толковых пророков 1047 года**

39

В докладе рассматривается семантика древнерусского прозвища «Упирь», делается вывод о том, что использование такого прозвища было мотивировано стремлением подчеркнуть аскетизм его носителя.

Ключевые слова: *Упырь, ономастика, славянская мифология*

Запись писца Толковых пророков 1047 года, сохранившаяся в нескольких поздних списках, давно обратила на себя внимание исследователей [Шеберг 1996; Столярова 2000: 11–13; Одесский 2011; и др.]. Прежде всего, благодаря имени писца, который обозначил себя как «попъоупирьлихьи». Бросающаяся в глаза парадоксальность подобного сочетания долгое время не находила убедительного объяснения. Однако в 2014 г. М. Бобрик обратила внимание на то, что прилагательное «лихьи» в древнерусской книжности могло употребляться с оттенком «слабый, бессильный». Опираясь на этот факт, она предложила видеть здесь самоуничижительную формулировку писца, аналогичную лат. «humilis» [Бобрик 2014: 269].

Обращение к летописному описанию прибытия на Русь митрополита Иоанна III (1089) позволяет развить гипотезу М. Бобрик и дать соответствующее разъяснение и слову «оупирь». Согласно «Повести временных лет» простой народ дал греку-скопцу прозвище, которое разные списки летописи передают то как

«навь(е)», то как «мертвецъ»[ПСРЛ 1/1 (1926): стлб. 208; ПСРЛ 2 (1908): стлб. 200]. В славянской мифологии и *нави*, и *упыри* относятся к категории «заложных покойников», т. е. умерших неестественной смертью людей, не получивших после смерти успокоения и поэтому мстящих живым [Славянские древности 1995: 283–286; Славянские древности 2004: 351–353]. В рассмотренном летописном фрагменте «навь(е)», очевидно, употреблено не в прямом, мифологическом, значении этого слова, но в значении переносном. Вероятно, подобным образом могло функционировать и синонимичное ему понятие «упырь».

Таким образом, характеристика «оупирьлихьи», по-видимому, была применена писцом Толковых пророков, с одной стороны, чтобы подчеркнуть собственную ничтожность («лихьи» как «слабый, бессильный»), с другой — ради акцентирования приверженности к аскетизму (прозвище «оупирь» в значении «живой мертвец»). Перед нами, тем самым, явление чисто христианской культуры, хотя и приобретенное на славянской почве определённый «инфернальный» колорит.

Литература

Бобрик 2014 — Бобрик М. А. Лих ли поп Упырь?: значение эпитета «лихьи» в записи писца Толковых пророков // Русский язык в научном освещении. М., 2014. № 1. С. 265–271.

Одесский 1908 — Одесский М. П. Упыри в древней книжности: из комментария к словарю И. И. Срезневского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2011. № 1 (43). С. 53–60.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. Л., 1926; Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908.

Славянские древности — Славянские древности. Т. 1. М., 1995; Т. 3. М., 2004.

Столярова 2000 — *Столярова Л. В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000.

Шеберг 1996 — *Шеберг А.* Эпир — рунорезец Уппланда и придворный проповедник Новгорода / пер. Г. Коваленко // Чело. Новгород, 1996. № 2. С. 7–10.

41

Kuzma Zhiltsov

Lomonosov Moscow State University, Russian State Archive of Ancient Documents, Russia

kuzma.zhiltsov@gmail.com

The Semantics of Nickname “Upr’ Lichoy” in the Scribe’s Entry of Tolkovye Proroki of 1047

The following study examines the semantics of Old Russian nickname “Upr’”. It is deduced that the use of such nickname was caused by intention to emphasize the asceticism of person.

Key words: *Upr’*, *onomastics*, *Slavic mythology*

Анна Журавель

Галле-Виттенбергский университет им. Мартина Лютера, Германия

anna.jouravel@slavistik.uni-halle.de

К вопросу о редакциях «Книги Паломник»

Антония Новгородского

В истории изучения «Книги Паломник» Антония Новгородского принято различать две редакции. В предлагаемом докладе рассматривается один из списков, который до настоящего времени считался сокращенной редакцией текста.

Ключевые слова: *издание, текстология, «Книга Паломник» Антония Новгородского*

Путевые заметки Добрыни Ядрейковича, в будущем новгородского архиепископа Антония, не раз оказывались в поле зрения исследователей и привлекались в качестве источника, как для восстановления христианской археологии [Effenberger 2015: passim], так и для изучения литургических и иеротопических вопросов. [Лидов, 2009: 161–201; 209–223; 259–289; Garzaniti 2010; 2013: passim]. Антоний, посетивший на рубеже XIII столетия Константинополь, оставил нам обстоятельное описание Царьградских святынь, не сравнимое с другими произведениями подобного рода. Именно в этой обстоятельности и заключаются одновременно и ценность его «Книги Паломник», запечатлевшей богатство Византийской столицы до ее разграбления крестоносцами в 1204 году, и ее беда. Оценка учеными Антониевых заметок, составленных, на первый взгляд, в виде сухого перечня святынь и святых, колеблется уже с момента обнаружения первых списков между признанием в них достоверного исторического источника [Бельский 1890: 19] и чересчур строгим суждением, согласно которому заметки паломника «не представля[ли] ни малейшаго интереса для русских читателей» [Голубинский 1997: 837].

Тем не менее, после издания памятника в 1872 году [Савваитов 1872] по одному*, а в 1899 году уже по пяти** спискам [Лопарев 1899], к тексту обращались довольно часто, в то время как его историей до сих пор не зани-

* Савваитовский список (С): Санкт-Петербург, РНБ, ОСПК, Q.IV.412, лл. 1–13 (середина XVII в.).

** Списки Музейный (М): Москва, ГИМ, Музейск. собр., 1428, лл. 34–43, 48 об.–57 об. (первая половина XVII в.); Библиотечный (Б): Санкт-Петербург, РНБ, ОСПК, Q.XVII.184, лл. 55 об.–70 об., 78 об.–84 об. (первая треть XVI–II в.); Копенгагенский (К): Копенгаген, Королевская библиотека, NKS 553с, лл. 507 об.–514 об. (середина XVII в.); Общества любителей древней письменности (О): Санкт-Петербург, РНБ, ОЛДП, Q. 240, лл. 4 об.–8 об. (датирован 1742 г.). Пятый список (Я) был найден А. И. Яцимирским незадолго до завершения работы Лопарева и был опубликован в приложении к изданию: Москва, РНБ, Музейн. собр. f. 181, № 10261, лл. 156–185 (начало XVI в.).

мались. Ссылаясь на недостаточное количество материала для ее выявления, Х. М. Лопарев лишь высказал предположение, что текст сохранился в двух авторских редакциях, первая из которых была создана до разграбления города, а вторая уже под впечатлением этого события [Лопарев 1899: ХХІ]. На необоснованность этой гипотезы с текстологической точки зрения уже обратила внимание О. А. Белоброва. Указывая на фрагментарность списков «второй редакции» (их всего два, они принадлежат XVII [К] и XVIII [О] вв. и передают лишь начало текста), она справедливо замечает, что определение по ним исконного текста этой редакции «Книги» не представляется возможным [Белоброва 1974: 179]. В то же время исследовательница обращает внимание на третий список, не фрагментарный, но отличающийся от всех полных списков чрезвычайной краткостью. Этот список собрания Забелина (З), обнаруженный уже в XX в. и хранящийся в московском Государственном историческом музее^{***}, она определила как поздний, «особый, сокращенный вид [первой] редакции, более нигде не встречающийся» [Белоброва 1974: 185].

— 43 —

С помощью кодикологического и текстологического анализа нам удалось определить первые два фрагмента (К и О) не как представителей «второй» авторской редакции, а как копии с позднего, дефектного списка исконного текста, восполняющие лакуны протографа интерполяциями из поздних произведений^{****}. Сокращению текста в списке З следует уделить особое внимание.

*** Забелинский список (З): Москва, ГИМ, собр. Забелина, № 416 (olim 314), лл. 434 об.—445 об. (середина XVI в.).

**** Исследование является частью нового издания Антониевой Книги, которое в настоящее время готовится в рамках кандидатской диссертации на кафедре славистики Университета им. Мартина Лютера, г. Галле, Германия (науч. рук. — профессор Светлана Менгель). В ходе исследования удалось выявить новый, до сих пор не известный список «Книги» (А: Москва, ГИМ, Музейск. собр., № 2931, лл. 15–21 [XVII в.]), о котором нам предоставилась возможность сообщить на прошлых Кирилло-Мефодиевских чтениях. Среди прочего, с помощью этого фрагмента, по объему тождественного

Издание текста списка 3 принадлежит О. А. Белобровой [Белоброва 1977: 228–235]. В кратком предисловии она характеризует текст как «сжатый, но весьма насыщенный перечень реалий Царьграда», при составлении которого редактор «исключил излишние, с его точки зрения, легендарно-апокрифические сведения [...], но тщательно позаботился о полноте самого перечня» [Белоброва 1977: 227].

Анализ текста не подтверждает, однако, это суждение. Так, при сокращении текста из него не были вычеркнуты все легендарные сведения, которые при составлении «конспект[а] реалий» [Белоброва 1974: 182] должны были бы быть изъяты, в то время как из него исчезло большое количество церквей и реликвий, которые при такого рода систематическом сокращении необходимо было бы оставить. Например, на л. 439 об. 11–16 (цитируется по рукописи; в издании Белобровой стр. 231, у Лопарева стр. 28) мы читаем легенду, сопровождающую описание реликвий св. Евфимии: *се же ѿ сѣ. ѿ . ѿ лѣто ѿвиша плѣтѣ ѿ земла . не вѣдаху ꙗко се гдѣ положена . стѣи во ѿцѣ тою ѿуѣиѣю препрѣша ерѣтики; или на л. 440 об. 15–17 (Белобр.: 232, Лопар.: 30) легендарное сопровождение к предшествующему описанию реликвий св. Варвары: *исъ сесѣжшла крѡвь и млеко на землю . и оуѣинилъ бѣ камень сесѣ*^ѣ; в то время как, например, при устранении легенды об обрушившемся куполе церкви Святой Софии редактор изъясил из текста и реликвии, связанные с этой легендой, а именно, поврежденный при падении амвон, хранящийся в одном из притворов церкви, который в свою очередь из-за этого сокращения остался без описания (З 436 7, Белобр.: 228, Лопар.: 5). Так же, при устранении легенды о Моисеевом чуде из текста пропали как его, так и Самуиловы реликвии,*

спискам «второй», а по передачи текста «первой» редакции, нам удалось подтвердить нашу гипотезу, согласно которой текст «Книги» дошел до нас не в двух редакциях, а в одной, о чем также сообщалось на прошлых Чтениях.

хранящиеся в церкви св. Михаила (З 437 об. 13, Белобр.: 229 сл., Лопар.: 19).

Кроме того, на протяжении всего текста встречаются многочисленные пропуски реалий, не мотивированные ни устранением предшествующей легенды, ни какими-либо идеологическими соображениями, на которые в связи с другими списками обратила внимание О. А. Белоброва [Белоброва 1974: 181]. При ближайшем рассмотрении оказывается, что причиной сокращений в списке З является вовсе не умышленная, и тем более не систематическая редакция текста, а крайне небрежная работа писца, связанная не только с перестановкой листов в протографе, отмеченной уже О. А. Белобровой [Белоброва 1974: 184–185; 1977: 227], но и механическими скачками в тексте. Примеры этой работы будут рассмотрены в предлагаемом докладе.

Таким образом, Забелинский список, как и соответствующие фрагменты списков *К* и *О*, является носителем все того же текста «первой» редакции, тождественного, за исключением механических сокращений и перестановки листов, остальным спискам. Благодаря безалаберности переписчика они служат, однако, ценнейшим материалом для реконструкции текста архетипа, о котором также пойдет речь в предлагаемом докладе.

Итак, «Книга Паломник» дошла до нас в десяти списках XVI–XVIII вв. одного и того же текста, из которых три содержат только начало текста, а один передает его в сильно сокращенном виде. Текстологический анализ показывает, что текст не подвергался вторичной редакции ни со стороны самого автора, ни со стороны поздних переписчиков. Дополнения и сокращения, имевшие место в трех вышеупомянутых списках, являются лишь результатом дефектного состояния общего протографа.

Литература

Effenberger 2015 — Effenberger, A. Zur „Reliquientopographie“ von Konstantinopel in mittelbyzantinischer Zeit // Millennium. Jahrbuch zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr. / Yearbook on the Culture and History of the First Millennium C.E., 12, 1. 2015. Pp. 265–327.

Garzaniti 2010 — Garzaniti, M. Pèlerinage et voyage spirituel dans la tradition russe // Religions & Histoire, hors-série n° 4: Religions de Russie, 4 (2010), С. 34–41.

Garzaniti 2013 — Garzaniti, M. Le Livre du Pelerin d'Antoine de Novgorod: Constantinople dans le premier témoignage d'un récit de voyage russe // Slavica Occitania, 36. 2013. Pp. 25–45.

Белоброва 1974 — Белоброва О. А. «Книга паломник» Антония Новгородского (К изучению текста) // Труды отдела древнерусской литературы, XXIX, Санкт-Петербург, 1974. С. 178–185.

Белоброва 1977 — Белоброва О. А. О «Книге Паломник» Антония Новгородского // Удальцова, З. В. (ed.) Византийские очерки. Труды советских ученых к XV Международному конгрессу византистов. Москва, 1977. С. 225–235.

Бельский 1890 — Бельский Л. П. Архиепископ Новгородский и его путешествие в Царьград. Из истории паломничеств русских // Пантеон литературы, III, 3, Санкт-Петербург, 1890. С. 3–19.

Голубинский 1997 — Голубинский Е. Е. История русской церкви, т. I (Материалы по истории церкви). Москва, 1997, [репр. изд.] Москва, 1901.

Лидов 2009 — Лидов А. М. (ed.) Иеротопия. Пространственные иконы и образы парадигмы в византийской культуре. Москва, 2009.

Лопарев 1899 — Лопарев Х. М. Книга паломник. Сказание мѣст святых во Цариградѣ Антония Архиепископа Новгородскаго в 1200 году (Православный Палестинский сборник, 51, 17.3). Санкт-Петербург, 1899.

Савваитов 1872 — Савваитов П. И. Путешествия новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII ст., с предисловием и примечаниями. Санкт-Петербург, 1872.

Anna Jouravel

Martin-Luther-University Halle-Wittenberg (Halle a. d. Saale), Germany

anna.jouravel@slavistik.uni-halle.de

On the question of the textual transmission of the “Kniga Palomnik” by Anthony of Novgorod

—

Talking about the history of Anthony’s “Pilgrim’s Book”, the scholarly ‘communis opinio’ distinguishes two redactions of the text. The presentation aims at illuminating one of the copies, which hitherto was regarded as a special, abridged redaction of the text.

47

—

Key words: *edition, textology, the „pilgrim’s book“ by Anthony of Novgorod*

Нежа Зайц

Словенская Академия наук и искусств, Словения

nzajc@zrc-sazu.si

Молитвенные труды преп. Максима Грека

Автор анализирует гетерогенность малоисследованных сочинений преп. Максима Грека молитвенного характера, которым присущи поэтические особенности и которые можно отнести к богослужебным гимнам. Указанные сочинения составляют ту константу трудов Максима Грека, которая не только повторяется в его текстах, но и доказывает уникальность его личного богословия, для которого было характерно особое понимание языка Священного Писания.

Ключевые слова: *преп. Максим Грек, (византийская) гимнография, богослужебные песни, Священное Писание, монашеско-богословские сочинения*

Ватопедский монах преп. Максим Грек в своем богословско-монашеском мировоззрении соединил опыт двух духовных культур, которые он уравнил своим пристальным вниманием к церковнославянскому языку как библейской передаче словесного выражения. Чтобы проследить регулярность передаваемого Максимом Греком христианского знания как из области Священного Писания, так и из других областей церковного знания, на этот раз мы рассмотрим его молитвенные произведения, которые содержат в себе признаки поэтических текстов, а также находятся наравне с текстами богослужебного характера. И хотя может показаться, что при этом происходит соединение трех разных видов сочинений, далее станет понятно, что это отнюдь не так.

До сих пор в науке исследователи не обращали специального внимания на молитвенные произведения Максима Грека, поэтому эти сочинения были расположены в разделах «Varia» [Иванов 1969: 201] или «Miscellanea» [Ševčenko 2000, 2001] в его рукописях. Однако именно эти сочинения преп. Максима представляют собой важную часть его книжных трудов, которые в значительной мере связывают его книжную деятельность с его предыдущими рукописными занятиями, то есть с филологической, переводческой и редакторской деятельностью в северной Италии, а также с продолжением его рукописных и редакторских занятий богослужебными книгами в монашеский период его жизни на Афоне. Упомянутые труды составляют то ядро сочинений преп. Максима на славянском языке, которое воссоздает и доказывает оригинальность его личного богословия. Поэтому в докладе указывается на связь с его ранними рукописными и первопечатными произведениями во Флоренции, в Венеции, а также в монастыре Ватопед. Автор пытается выявить закономерность, которая прослеживается и в последующем творчестве Максима Грека, а нагляднее всего отразилась в его сочинениях, написанных в Московской Руси.

Важно отметить, что молитвы преп. Максима Грека, помимо тех, что написаны во славу христианских мучеников и преподобных, чаще всего посвящены Трем Лицам православной Троицы и закономерно завершаются молитвенным обращением афонского монаха к Пресвятой Божьей Матери. Его молитвы, посвященные Пресвятой Богородице, имеют устойчивую структуру (на текстологическом уровне) и играют важную роль в биографии преп. Максима Грека.

—
49
—

Обращаем также внимание на то, что Максим Грек постоянно включал в свои авторские сочинения отдельные стихи в виде отрывков или фрагментов из византийской гимнографии как составную часть его защиты православной веры (внутритекстовые связи), часто даже в текстах, направленных против ересей. Отмеченное неслучайно можно найти и в ранней, и в поздней византийской гимнографии (особенно в акафистном творчестве, а также в богослужебных песнопениях), которые обязательно включали содержание и из агиографии, и из экзегезы текстов отцов восточной Церкви. Этим подтверждается крепкая связь Максима Грека со священным наследием монастырско-монашеской Византии, которое так возрождается в его трудах преподобного.

Отмеченное указывает только на одну из причин, почему его богословские труды носят поэтический характер, и тем самым подтверждает давнее открытие, что, по утверждению Н. С. Трубецкого [Trubetzkoy 1963: 33, 37] и затем Р. О. Якобсона, среди церковнославянской прозы можно найти тексты, которые действительно представляют собой поэтические произведения. Другая причина, по которой труды Максима Грека (речи, беседы, слова) производят поэтическое впечатление, заключается в том, что преподобный часто ссылался на слова библейских песнопевцев, прежде всего на псалмопевца Давида. Однако Максим Грек хорошо осознавал и отрицательную сторону песнопений, осо-

бенно для монахов во время богослужения [Сочинения 2008: 356–357]). Итак, преп. Максим Грек интерпретировал язык Священного писания так же строго в рамках православного богословия [Zajc 2016: 375–382]. Но ему было также свойственно употребление словосочетания «священные стихи», которые вдохновлены содержанием Священного Писания и являются собой пример, по словам преп. Максима Грека, внутренней мудрости. Поэтому его молитвенные сочинения должны быть названы «молитвенно-песенными», в число которых, входят также его статьи, содержащие толкования отдельных мест Священного Писания, особенно отдельных строк некоторых псалмов [ср. Иванов 1969: 244]. Последнее указывает на связь или тождественность тем его сочинениям, которые представляют собой объяснения некоторых вопросов монашеской жизни, что наглядно высказывается в последовательности его сочинений, помещенных в мало исследованном собрании его сочинений, так называемом «нижегородском» [Рукопись: 123; Сочинения 2014: 34; Белокуров 1898: CCCXIII–CCCXIV]. Поскольку эти тексты в большинстве совпадают с ключевыми моментами монашеских и богословских размышлений о литургии, их также можно определить как сочинения богослужебного характера.

Важно указать и на тот факт, что Максим Грек постоянно черпал оправдание своим богословским взглядам из особого понимания богослужебных кантиков, основанных на так называемых библейских песнях, которые он снабдил обширными комментариями отцов Церкви в Толковой Псалтири в начале своего пребывания в Москве, а также, поместил в конце литургической Псалтыри, которую он перевел во второй раз в 1552 году [Вернер 2017], за четыре года до своей смерти. Этот раздел библейских песен, которые находился как правило после окончания чтения 150 псалмов в изложении преп. Максима Грека, до сих пор специально не изучался. Как следствие, возникает

вопрос, в какой степени Максим Грек был вынужден сам создавать литургические молитвы, поскольку был их лишен в монастырской тюрьме в Московской Руси после суда 1525 года, а также о возможности отследить продолжение ватопедским монахом иной молитвенной практики из афонской традиции, в частности связанной с монастырем Ватопед.

В указанных сочинениях молитвенно-песенного и богослужебного характера наиболее заметны те характерные для Максима Грека принципы построения текстов, которых он впоследствии придерживался на протяжении всей своей деятельности книжника. Наиболее важным представляется то, что именно эти его произведения отражают ту словесную ткань, которая духовно питала ватопедского монаха на Руси. Этим объясняется объединяющее название молитвенно-богослужебно-поэтических трудов преп. Максима Грека, которые составляют суть его богословия и его филологических занятий. Тем самым все произведения Максима Грека, созданные им на протяжении всей жизни, объединяются в одно значительно целое, которое носит глубоко личный отпечаток словесного построения богословно-литературного содержания.

Литература

Белокуров 1899 — Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. Москва: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899.

Вернер 2017 — Вернер И. В. К истории перевода Псалтыри Максимом Греком в 1522–1552 годах: хронология, текстология, методология // Славяноведение. № 2. 2017. С. 40–54.

Иванов 1969 — Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека. Ленинград: Наука, 1969.

Сочинения 2008 — Преп. Максим Грек. Сочинения. Т. 2. Москва: Индрик, 2008.

Сочинения 2014 — Преп. Максим Грек. Сочинения. Т. 2. Москва: Рукописные памятники древней Руси, 2014.

Trubetzkoy 1963 — Trubetzkoy N. S. Three philological studies. Ann Arbor, 1963.

Ševčenko 2000 — Ševčenko Ihor. Miscellanea. 5. The Slavic Versions of Maksim Grek's Greek Poems in the Manuscript Paris Slave 123 // Palaeoslavica. VIII/2000, pp. 349–358.

Ševčenko 2001 — Ševčenko Ihor. Gleanings 5. The Slavic Version of Maksim Grek's Greek Poems in the Manuscript Paris Slave 123 (Conclusion) // Palaeoslavica. IX. 2001. Pp. 288–300.

Zajc 2016 — Zajc Neža. Some Notes on the Life and Works of Maxim the Greek (Michael Trivolis, ca 1470 — Maksim Grek, 1555/1556). Part 2: Maxim the Greek's Slavic Idiolect // Scriinium, 12. 2016. Pp. 375–382.

Рукопись — Манускрипт Парижской Национальной библиотеки: Paris, Bibliothèque Nationale, Mss: Slave № 123.

Neža Zajc

Slovenska Akademija Znanosti in Umestnosti, Slovenija

nzajc@zrc-sazu.si

St Maxim the Greek and his Opus of Prayers

Among the works of St Maxim the Greek in Slavonic his prayers with a special contemplative style (a rhythm) deserve particular consideration. The fragments of prayers, liturgical chants or biblical canticles, inserted in his writings, were a constant element of his theological works. Therefore it may be understood as a unique characteristic that represents not only the continuum in his works, but also determine his deeply personal Orthodox theology, significantly marked with the poetical effect.

Key words: *St. Maxim the Greek, (Byzantine) hymnography, liturgical, canticles, the Holy Scripture, monastic-theological works*

Наталья Запольская

*Институт славяноведения РАН, Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова, Россия*
zapolskaya_n@mail.ru

Проблема легитимации славянского литургического языка

53

В докладе представлена новая интерпретация процедуры легитимации славянского литургического языка, которая включала освящение славянских литургических текстов и совершение славянской литургии в Риме в конце 867 г. или в начале 868 г. Проведенное исследование позволяет объяснить характер церемонии, выбор пространств для церемонии и содержание связанной с церемонией языковой полемики.

Ключевые слова: славянский литургический язык, легитимация, языковая полемика

Освящение славянских литургических текстов и совершение славянской литургии являли собой институциональную процедуру легитимации славянского литургического языка. Меняющееся во времени отношение к этому событию со стороны высших представителей западной церкви мотивировало расхождения в описаниях процесса легитимации славянского языка как литургического в пространственных житиях Константина и Мефодия. Расхождения эти касались: предмета легитимации («славянские книги» / «славянское Евангелие»), пространств, в которых совершалась церемония («церковь святой Марии, церковь святого Петра, церковь святой Петронилы, церковь святого Андрея, церковь апостола Павла» / «собор апостола Петра»), состава участников церемонии («епископы Формоза и Гаудерих», «епископ Арсений и Анастасий библиотекарь» / «апостолик», «один епископ»), характера культурно-исторического контекста (- / «было же много людей, что поносили славянские книги... »).

Несмотря на безусловную историческую значимость институциональной легитимации славянского литургического языка, легитимация как процедура не являлась предметом отдельного изучения: историки ограничивались атрибуцией храмовых пространств, в которых совершалась церемония, и составляли культурно-исторические портреты участников церемонии [см, например, Ангелов, Ходов 1973; Флоря 2000; ср. Dvornik 1933].

Системный подход, объединяющий все параметры процедуры легитимации, позволяет объяснить: содержание процесса легитимации; выбор строго определенных храмов для совершения церемонии и особую роль церкви Санта Мария Маджоре («Вифлеемский контекст»); ход культурно-языковой полемики, вызванной событием легитимации; стратегии описания процесса легитимации в житиях Константина и Мефодия. В основу интерпретации положено понятие «храмовое сознание» [Шукуров 2002], позволяющее рассматривать выбранные для церемонии храмы как пространственно-временное единство сакральных смыслов.

Литература

Ангелов, Ходов 1973 — Климент Охридски. Събрани съчинения. / Боню Ст. Ангелов и Христо Кодов. Т.3. София. 1973.

Флоря 2000 — Флоря Б.Н. Сказания о начале славянской письменности. Санкт-Петербург: Алетейя. 2000.

Шукуров 2002 — Шукуров Ш.М. Образ храма. Imago templi. М.: Прогресс-Традиция. 2002.

Dvornik 1933 — Dvornik F. Les legends de Constantin et de Methode, vues de Byzance. Prague. 1933.

Natalija Zapolskaya

*Moscow State University Lomonosov, Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences, Russia*
zapolskaya_n@mail.ru

Legitimation Challenge of Slavonic Liturgical Language

55

A new interpretation of the legitimation procedure for the Slavonic liturgical language is presented in the paper. The procedure included the consecration of Slavonic liturgical texts and the Slavonic liturgy performed in Rome in the end of 867 or in the beginning of the 868. The study sheds light on the essence of the ceremony and its location as well as on the content of the language debate.

Keywords: Slavonic liturgical language (Church Slavonic), legitimation, language debate

Наталья Запольская

*Институт славяноведения РАН, Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова, Россия*
zapolskaya_n@mail.ru

**Рефлексия над церковнославянским языком:
от «имманентной» грамматики к теоретической**

В докладе история лингвистической рефлексии рассматривается как движение от «имманентной» (практической) грамматики, реконструируемой для каждого отдельного текста, к теоретической грамматике, задающей в метатексте языковой образец для всех текстов.

Ключевые слова: церковнославянский язык, лингвистическая рефлексия, практическая и теоретическая грамматика

1. Историю рефлексии над церковнославянским языком можно представить как движение от практической грамматики, «вычитываемой» из каждого отдельного текста, к теоретической грамматике, предписывающей в метатекстах языковой образец для всех книжных текстов. Имманентно присущая самой книжно-языковой деятельности и, следовательно, возникшая с появлением первых текстов на церковнославянском языке, практическая грамматика представляла меняющиеся во времени и в пространстве лингвистические решения, которые порождались или воспроизводились славянскими книжниками. «Имманентная грамматика», как и «имманентная поэтика», являлась «невывоженной» лингвистической рефлексией. Отчасти «выговоренной» рефлексия становится при разворачивании языковой полемики, предполагающей демонстрацию как лингвистических установок, так и языковых примеров. «Выговоренная» рефлексия, т.е. теоретическая грамматика, получила выражение уже в метатекстах, демонстрирующих системность подачи языкового материала.

2. Вне зависимости от формы реализации лингвистическая рефлексия была направлена на поддержание «правильности» книжного языка, достигавшейся, прежде всего, решением проблем семантической и/или формальной избыточности и недостаточности (синонимии и омонимии) посредством унификации, дифференциации или вариативности языковых элементов. Кроме того, на исходную константную языковую семантику мог накладываться дополнительный, переменный, культурно отчуждаемый, идеологический семантический компонент, позволявший рассматривать языковые элементы в контексте «сакральное — профанное». Особую формальную сложность представляли грамматические позиции, в которых пересекались проблемы омонимии и синонимии, а также

была возможна идеосемантическая нагруженность форм: в тексте или в метатексте книжники решали ту проблему, которая являлась для них наиболее важной. Максимальную формально-семантическую сложность на протяжении всей истории книжного языка представлял омонимичный ряд (И.ед. при определенной орфографической норме) = Р. ед. = И.(Зв.) мн. = В. мн. у имен женского и мужского рода с основой на парные по твердости/мягкости *t'* согласные и непарные согласные. Уже для ранних памятников письменности исследователи констатировали в рассматриваемых позициях находящуюся в границах нормы вариантность форм на **ѧ** – **Ѣ**, сменившуюся впоследствии вариантностью **ѧ** – **и**; причем большинство исследователей характеризовали употребление этих форм как свободную вариативность [Успенский 2002]. Однако представляется, что без необходимости формальной, функциональной, семантической или идеосемантической дифференциации формы на **Ѣ** (→-**и**), снимавшие дистанцию между книжным и некнижным языком, не удержались бы в текстах и метатекстах как нормативные языковые элементы [Запольская 2008].

3. Анализ ряда текстов и метатекстов, являвшихся образцами для своего времени, позволил выявить разные типы дифференциации форм на **ѧ** (**а**) // -**Ѣ** (→-**и**) и тенденцию к стабильной кодификации формальной дифференциации, прежде всего, к снятию падежной омонимии.

3.1. «Имманентная» грамматика, «невыговоренная» рефлексия:

Мстиславово евангелие XI-XII в.: дифференциация форм на **ѧ**(**а**) // **Ѣ**:

а) формальная (формы Р.ед. имен ж.р. на **Ѣ** в формулах-заголовках для снятия падежной омонимии И.ед.= → // Р.ед.: **мѣнцѣ е҃ѣ ѡимѣѣ**), б) функциональная (формы на - на **ѧ**(**а**) в синаксарной части // формы на **Ѣ** в месяцесловной части: **овѣца / овѣцѣ**

И.Х:27); в) семантическая (**вонѧ**=благовония=αρωμα Л.ХІІІ:56 / **вонѣ**=запах=ὀσμη І. ХІІ:3); г) идеосемантическая (форма И. мн. **птица** = **ангелы** Лк. ХІІ:19 в *Притче о горчичном зерне* / форма **птицѣ** = **демоны** Мф. ХІІІ:4, Мк. ІV:4, Лк. VІІІ:5 в *Притче о сеятеле*) [Запольская 2017].

3.2. «Имманентная» грамматика, «выговоренная» рефлексия: теоретическая установка на снятие омонимии как глагольных, так и именных форм, реализованная в процессе перевода и книжной справы XVI–XVII вв., т.е. формальная дифференциация:

Псалтырь Максима Грека 1552 г.: снятие падежной омонимии И.ед.= → // Р.ед., числовой омонимии И. ед.= → // И. мн. и установление формального тождества имен ж.р. разных типов склонения с основой на t' -а/ -и (ы): Р. ед. **до дш** и 68:12, **Ѡвѣри** 54:9; В.мн. **дш** и 32:9, **стези** 141:3, И. мн. **мышцы** 36:17) [Вернер 2013].

Правка текста *Острожской Библии* для издания *Московской Библии* 1663 г. (снятие падежной омонимии И.ед.= → // Р.ед., И.мн.= → // В.мн. и числовой омонимии И. ед.= → // И. мн.: **до дш** и 68:12, **дшы** 32:9) [Запольская 2003].

3.3. Теоретическая грамматика (метатексты), «выговоренная» рефлексия: формальная дифференциация:

Грамматика Смотрицкого 1619 г.: **ѧ**/и формальное различие имен ж. и м.р. в Р.ед., И.мн.; снятие падежной омонимии И.ед.= → // Р.ед., И.мн.= → // В.мн., числовой омонимии И. ед.= → // И. мн., Р.ед. → // В.мн. только у имен м. р.: **а** / **и** / **ы**, **ѧ**: **юноша** / **юноши**, **юноши** / **юношы** и **юношѧ**.

Анонимная рукописная грамматика начала XVII в.: снятие падежной омонимии И.ед.= → // Р.ед., И.мн.= → // В.мн., числовой омонимии И. ед.= → // И. мн., Р.ед. → // В.мн. у имен обоих родов: **а** (я) /и /ни, я: **юноша** / **юноши**, **юноши** / **юноша**, **ши**; **мрежа** / **мрежи**, **мрежи** / **мрежя**, **жи**.

Грамматика 1648 г.: снятие падежной омонимии И.ед.= → // Р.ед., И.мн.= → // В.мн. (с основой на непарные), числовой омонимии И. ед.= → // И. мн., Р.ед. → // В.мн. (с основой на непарные) у имен обоих родов: **а (ѧ) /и /ы: юноша/ юноши, юноши / юношы; мрежа / мрежи, мрежи / мрежы** [Запольская 2010].

—

Литература

59

Вернер 2013 — Вернер И.В. Грамматическая справка Максима Грека в Псалтыри 1552 г. // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов. М., 2013. С. 105–127.

—

Запольская 2003 — Запольская Н.Н. Книжная справка в культурно-языковых пространствах *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina* / XIII Международный съезд славистов. Любляна 2003 г. Доклады российской делегации. Славянское языкознание. Москва: Индрик. 2003. С. 213–230.

Запольская 2008 — Запольская Н.Н. Грамматика и субграмматика церковнославянского языка (XV–XVIII вв.) / XIV Международный съезд славистов. Славянское языкознание, Доклады российской делегации. М., 2008. С. 199–224.

Запольская 2010 — Запольская Н.Н. Неизвестная грамматика церковнославянского языка XVII в. / *Forma formans. Studi in onore di Boris Uspenskij*, Napoli. С. 267–283.

Запольская 2017 — Запольская Н.Н. «Имманентная грамматика» церковнославянского языка XI–XVII вв.: семантика и идеосемантика / Седьмые Римские Кирилло-Мефодиевские чтения. Тезисы конференции. М.: Индрик. 2017. С. 17–18.

Успенский 2002 — Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002.

Natalija Zapolskaya

*Moscow State University Lomonosov, Institute of Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences, Russia
zapolskaya_n@mail.ru*

—
60
—

**Linguistic Reflection on Church Slavonic Language:
from ‘Immanent’ to Theoretical Grammar**

The history of the linguistic reflection is presented in the paper as the shift from the ‘immanent’ (practical) grammar, reconstructed for each individual text, to the theoretical grammar that establishes the universal model for all texts.

Keywords: Church Slavonic Language, linguistic reflection, practical and theoretical grammar

Олег Зиберт

*Галле-Виттенбергский университет им. Мартина Лютера, Германия
oleg-siebert@web.de*

**«Простой» язык «русских» переводов
Симеона Тодорского (Галле 1729–1735):
переводческие стратегии и возможности их анализа
с помощью электронной базы данных**

Для описания нормы языка, использованного Тодорским в «русских книгах» из Галле, важно деление текста на подсорты относительно контекста и цитирования Св. Писания. Созданная база данных, содержащая помимо самого текста метаданные, облегчает как сам анализ, так и презентацию результатов.

Ключевые слова: «русские книги» из Галле, XVIII в., Симеон Тодорский, база данных

«Русские книги» из Галле принадлежат переводческому труду Симона Тодорского, обучавшегося в уни-

верситете Галле с 1729 по 1735 год [Nachrichten 1734: 119, 135] и впоследствии более известного как духовника императора Петра III и его невесты, будущей Екатерины II, архиепископа Псковского и Нарвского [Болховитинов 1831: 65]. Ввиду того, что авторами оригиналов являются такие видные личности, как Й. Арндт, А. Г. Франке и Г. А. Фрейлингаузен, ассоциируемые с пиетизмом, переводы Тодорского следует отнести к сорту текстов душеспасительной литературы. В состав «русских книг» входят шесть переводов* общим объемом в 1896 страниц [Mengel 2009б: 21].

«Русские книги» были напечатаны в типографии Сиротского дома в Галле при финансовой поддержке не только церковных сообществ, близких кружку Франке, но и при содействии Российской императрицы Анны Иоанновны, выделившей на эти нужды 500 рублей [Nachrichten 1734: 30]. По представлению пиетистов книги должны были быть переведены на простой русский язык, понятный каждому простому верующему [Челбаева 2015: 106]. Это требование ставило, однако, переводчика перед серьезными трудностями: оригиналы содержали большое количество цитат из Св. Писания**, предполагавших в соответствии с книжной традицией восточных славян использование церковнославянского. Разрешение возникших трудностей обусловило переводческие стратегии Тодорского.

Лишь одна из «русских книг» — **«Чѣти книги ѡ истинномъ христїанствѣ»** (1735) — содержит вступительное слово самого Тодорского, в котором он описывает свой труд как **„зѣ нѣмецкагѡ на рѣскимъ языкѣ**

* Один из них — **«Начало христїанскагѡ ученїа»** — возможно не является переводом С. Тодорского, но только его редакцией перевода К. М. Родде, изданного в 1718 году. Переиздание перевода Родде в редакции Тодорского было осуществлено в 1729 [ср. Менгель 2009а: 163, Mengel 2017].

** **«Наставленїѣ кѣ Свѣщенномѣ писанїю»** [1734] (далее: **Наставленїѣ**), например, содержит на 48 страницах текста 109 прямых или косвенных цитат из Св. Писания.

переведеннiй“ [Арндт 1735: 5]. Стремление к «простоте» языка при этом не афишируется, как в аналогичных произведениях, появившихся в России во второй половине XVII в. и постулирующих в предисловии «простоту» использованного языка, хотя написанных фактически на стандартном церковнославянском [Живов 2017: 909]. Тодорский, напротив, достаточно последовательно использует гибридный регистр церковнославянского языка: в России конца XVII в. он мог переосмысляться как особый «простой» язык [Живов 1996: 39]. Цитаты из Св. Писания на стандартном церковнославянском считались при этом элементами не авторского, а «чужого текста» [Живов 1996: 394]. Для выявления языка переводов Тодорского и его норм(ы) следует расчленить тексты переводов на подсорты: слова автора (или переводчика) и Библейские цитаты.

В данном случае рациональным является анализ текста при помощи электронной базы данных, которая позволяет структурировано сохранить данные, используя реляционную модель. Интересующие нас данные текста сохраняются в виде таблиц, находящихся в логической зависимости друг от друга. База данных содержит лексемы, знаки препинания, а также такие метаданные, как соответствующие этим лексемам части речи, лексические, морфологические или синтаксические критерии, точную позицию лексем в тексте и др. Такой подход позволяет проводить эффективный поиск лексем, морфем и синтаксических конструкций, что соответствует поиску релевантных критериев для определения использованной переводчиком языковой нормы.

Запросы по использованным формам прошедшего времени, например, показывают, что во всём тексте «**Наставленiя**» содержатся 43 простых претерита (32 аориста, 11 имперфектов) и 38 причастий на –л. Такая пропорция вполне соответствует гибриднему церковнославянскому и встречается также в проповедях Тодорского, произнесённых им в Киеве в 1741 г.

[Кислова 2008: 77]. Если, однако, проследить использование форм прошедшего времени исключительно в «словах автора», то нам представляется иная картина: в данном подсорте текста представлены лишь 15 форм простых претеритов и 20 причастий на –л. Таким образом в «словах автора» наблюдается тенденция более частого использования причастных форм на –л (57,1%), чем форм аористов или имперфектов (42,8%). Эти данные достаточно близки к характеристикам другого перевода Тодорского: «**Писанію свѣтомꙋ согласꙋющеся наставленіѣ кꙋ истинномꙋ познанію ... Исꙋса Христа**» [1735], о котором нам известно, что он был создан со значительной тенденцией к «простому» языку [Челбаева 2015: 222].

В ходе текстологического и лингвистического анализа «**Наставленіа**» был выявлен относительно объёмный отрывок текста, особо маркированный в оригинале и представляющий собой «монолог Бога», адресованный верующему. Хотя этот отрывок и не является цитатой из Св. Писания, Тодорский, ввиду его высокой религиозной значимости, использует такие признаки книжности как формы аориста или аналитические формы будущего времени со вспомогательным глаголом «**имѣти**». Таким способом маркируется книжный характер данного отрывка. При этом в «монологе Бога» также свободно используются некнижные формы, что приводит к лучшей понятности и служит индикатором «простоты» языка.

Литература

Болховитинов 1861 — Болховитинов Е. А. История княжества Псковского. Часть III. Киев, 1861.

Живов 1996 — Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. Москва, 1996.

Живов 2017 — Живов В. М. История языка русской письменности. В 2 томах. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017.

Кислова 2008 — Кислова Е. И. Проповеди Симона Тодорского 1741–1747. Развитие грамматической нормы // Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV) Т. 11, С. 76–84.

Менгель 2009a — Менгель С. А. У истоков русского литературного языка нового типа // Русский язык и литература в XVIII веке: традиция и инновация. Сборник статей памяти Герты Хюттл-Фольтер. Вена, 2009. С. 161–177.

Челбаева 2015 — Челбаева Т. „Русские книги“ из Галле в дискурсе формирования русского литературного языка нового типа: дис. канд. Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, 2015.

Mengel 2009b — Mengel S. Russische Drucke aus Halle — „ein vergessenes Kapitel der Geschichte der slavischen Philologie“ // Dmitrij I. Tschizëvskij. Impulse eines Philologen für eine komparative Geistesgeschichte. Münster, 2009. Т. 9. С. 21–30. (Slavia Varia Halensia).

Mengel 2017 — Mengel S. Il Piccolo Catechismo di A. H. Francke e le sue traduzioni in russo nel primo trentennio del XVIII secolo. // Rivista storica italiana, vol. CXXIX, N. 1, 2017, S. 206–226/114.

Источники

Арндт 1735 — Арндт Й. Чѣтири книги ѡ истинномъ христїанствѣ. Галѣ, 1735.

Nachrichten 1734 — Папка с документами о печати «Четырёх книг о истинном христианстве». Архив фонда Франке (Archiv der Franckeschen Stiftungen, Signatur AFSt/W IX/III/40).

Oleg Siebert

Martin Luther University Halle-Wittenberg, Germany

oleg-siebert@web.de

**The “Simple” Language of the “Russian” Translations
by Simeon Todorsky (Halle 1729–1735):
Strategies of Translation and Possibilities of Their Analysis
by Using a Database**

—
65
—

To describe the norm of language, which Todorsky applied in the “Russian books”, it is important to split the text into subcategories in terms of context and citing of Holy Writ. The created database, that contains text and metadata, simplifies the analysis and presentation of results.

Key words: *“Russian books” from Halle, 18th Century, Simeon Todorsky, database*

Андраш Золтан

Университет им. Л. Этвеша, Венгрия

zoltan.andras@btk.elte.hu

Венгерское сложное будущее в славянском контексте

В докладе приводятся дополнительные аргументы в пользу высказывавшегося уже в научной литературе предположения о контактном происхождении венгерского сложного будущего со вспомогательным глаголом *fog* ‘братъ, взять’, калькирующего аналогичную конструкцию в украинском и некоторых других славянских языках и диалектах с континуантами праславянского **(j)eti* ‘взять’.

Ключевые слова: *сложное будущее, венгерский язык, славянские языки, языковые контакты*

Сложное будущее *fog* ‘брать, взять’ + инфинитив (напр. *tenni fog* ‘будет идти’) в памятниках венгерского языка отмечается со 2-й половины XIV в. Подобной конструкции в других финно-угорских языках нет [Лыткин и др. 1974: 310], следовательно, она возникла во время самостоятельной истории венгерского языка, после разделения финно-угорской общности и до указанного времени ее фиксации в письменных памятниках. В венгерской лингвистике нет сколько-нибудь убедительного объяснения происхождения данной конструкции [Hegedűs 2016]; объяснения требовала бы, прежде всего, первоначальная семантика у вспомогательного глагола *fog* ‘брать, взять’, что с типологической точки зрения является необычным [Heine–Kuteva 2003: 553].

Интересную параллель к венгерскому сложному будущему дает язык русских цыган, в котором сложное будущее образуется при помощи вспомогательных глаголов: 1) *авэла* ‘приходить’ (< русск. *буду идти*) и 2) *лэла* ‘брать, взять’ (< ст.-русс. *иму идти*), причем в протоцыганском форм будущего времени тоже не было, значит, употребление служебного глагола со значением ‘брать, взять’ здесь явно контактного происхождения [Кожанов 2016].

Мысль о славянском происхождении венгерского аналитического будущего была высказана впервые Х. Андерсеном. Рассматривая восточнославянский материал, он приходит к выводу о том, что при выборе вспомогательного глагола будущего времени одни восточнославянские диалекты предпочитали фазовые глаголы со значением ‘начать’ (*начати*, *почати*, *въчати*), другие глагол со значением ‘взять’ (*ати*), который стал вспомогательным глаголом будущего времени, получив также фазовое значение ‘начать’. Поскольку в конце IX в. венгры поселились в Паннонии на территории, заселенной до этого славянами, прямо напрашивается предположение, что совпадение между венгерским и

украинским языками в использовании глагола с исконной семантикой ‘брать, взять’ при образовании будущего времени не может быть случайным, а в венгерском данная структура, скорее всего, была скалькирована со славянского, а так как Андерсен не привлекает материал других славянских языков, по-видимому, — с восточнославянского [Andersen 2006: 33–34].

Гипотеза Х. Андерсена о контактном характере венгерского сложного будущего, несмотря на скепсис некоторых исследователей [Danylenko 2011: 154; Кожанов 2016: 258], заслуживает, на наш взгляд, серьезного внимания, хотя она требует некоторых уточнений и дополнений. Так, северновеликорусские диалектные формы сложного будущего типа *иму дѣлать* ‘буду делать’, *имѣм косить* ‘будем косить’, идентичные по своему происхождению с формами украинского стандартного будущего времени типа *itímu* ‘буду идти’ < *itíi йму*, *itímеш* ‘будешь идти’ < *itíi ймеш* и т. д., в настоящее время встречаются, правда, в отдаленных от украинской языковой территории Вологодской, Костромской и Ярославской областях [Дурново 1924: 336], но раньше они употреблялись повсеместно на всем восточнославянском просторе. Глагол *яти* ‘взять’ как вспомогательный глагол будущего времени засвидетельствован на протяжении XIII–XV вв. в грамотах из Киева, Смоленска, с Волыни, из Новгорода, Москвы, Литвы, Можайска и Пскова [Срезневский 3: 1670–1671; Зализняк 2004: 606]. Стоит подчеркнуть, что все примеры у Срезневского взяты из грамот, глагол *яти* ‘взять’ в этой функции ни разу не засвидетельствован в церковнославянских текстах.

Х. Андерсен говорит о глаголе *яти* ‘взять’ в функции вспомогательного глагола сложного будущего как о явлении специфически восточнославянском. При такой трактовке предположение о калькировании данной конструкции венгерским языком оказывается довольно зыбким, так как из огромной массы ранних славян-

ских заимствований венгерского языка ни об одном не доказано, что оно могло быть заимствовано только из восточнославянского [Хелимский 1988: 197–198]; калькирование грамматической структуры указывает на интенсивные языковые контакты, и ожидалось бы со стороны славянских диалектов, откуда пришла основная масса заимствований, т. е. из языка паннонских славян. Наличие данной структуры на основании ее существования в одном восточнославянском предположить, конечно, можно, но довольно рискованно. При этом уже Е. Кржижкова указала на наличие этой конструкции в средневековой сербской и болгарской письменности: в ряде сербских грамот XIII–XIV вв. и одной болгарской царской грамоте XIV в. Континuantы прасл. **(j)ęti* в сербскохорватском ареале засвидетельствованы с XIII в. также в значении ‘начать’ [Křížková 1960: 127; ср. SłPrasł 6: 100], в этом фазовом значении (но вне функции вспомогательного глагола будущего времени) они встречаются и в словенском, старочешском, старопольском языках и в украинских диалектах [ЭССЯ 6: 71].

Если учесть, что сложное будущее время типа **(j)ęti* + *инфинитив* раньше было распространено не только в восточнославянском, но и южнославянском ареале, то наличие данной конструкции также в языке славян Паннонии становится очень вероятным. В славянском **(j)ęti* стало вспомогательным глаголом будущего времени через стадию глагола с фазовым значением ‘начать’; венгерский же язык перескочил эту стадию в результате буквального перевода первоначального значения славянского **(j)ęti* ‘взять’ венгерским глаголом *fog* ‘брать, взять’ при калькировании данной конструкции.

Литература

Дурново 1924 — Дурново Н. Очерк истории русского языка. М.; Л.: Государственное издательство, 1924.

Зализняк 2004 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. Изд. 2-е. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кожанов 2016 — Кожанов К. А. Аналитическое будущее время в языке русских цыган как калька с восточнославянских языков // *Slověne* = Словѣне. Т. 5, № 1. М., 2016. С. 249–262.

Лыткин и др. 1974 — Лыткин В. И., Майтинская К. Е., Редеев К. (ред.). Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.: Наука, 1974.

Срезневский I–III — Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб.: Типография имп. Академии наук, 1893–1903.

Хелимский 1988 — Хелимский Е. А. Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка Паннонии // Славянское языкознание: X Международный съезд славистов, София, сентябрь 1988 г., Доклады советской делегации. Москва: Наука, 1988. С. 347–368.

ЭССЯ — Трубачев О. Н. (ред.) Этимологический словарь славянских языков: Общеславянский лексический фонд I. Москва: Наука, 1974.

Andersen 2006 — Andersen H. Slavic Periphrastic Futures: Divergence and Convergence // Eksell K. — Vinther T. (Eds). *Change in Verbal Systems: Issues in Explanation*. Bern: Peter Lang, 2006. P. 9–45.

Danylenko 2011 — Danylenko A. Is There Any Inflectional Future in East Slavic? A Case of Ukrainian against Romance Reopened // Nomachi M. (Ed.), *Grammaticalization in Slavic Languages: From Areal and Typological Perspectives*. Sapporo: Slavic Research Center, 2011. P. 147–177.

Hegedűs 2016 — Hegedűs A. *A fog segédigéről* // Magyar Nyelv. Vol. 112, Budapest, 2016. P. 451–457.

Heine & Kuteva 2003 — Heine B. and Kuteva T. On contact-induced grammaticalization // *Studies in Language*. Vol. 27. No. 3. Amsterdam, 2003. P. 529–572.

Křížková 1960 — Křížková H. Vývoj opisného futura v jazycích slovanských, zvláště v ruštině. Praha: SPN, 1960. (Acta Universitatis Palackianae Olomucensis. Facultas philosophica. Část 4, Philologica; Sv. 2).

SiPrast — Sławski F. (red.). Słownik praszowieński. T. 1. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk: Ossolineum, 1974.

70

András Zoltán

Eötvös Loránd University, Hungary

zoltan.andras@btk.elte.hu

Hungarian Periphrastic Future in Slavic Context

The paper provides additional arguments in favor of the assumption cropped up in the scientific literature that the Hungarian periphrastic future with the auxiliary verb *fog* ‘take’ is of contact origin and was calqued of a similar construction in the Ukrainian and some other Slavic languages and dialects with verbs continuing Common Slavic **(j)eti* ‘take’.

Key words: *periphrastic future, Hungarian language, Slavic languages, language contact*

Виктория Легких

Венский университет, Австрия

vlegkikh@gmx.de

Русская княжеская служба как отдельная категория

Княжеская служба никогда не отмечалась в общей минее и не обозначалась отдельным разрядом, однако обилие канонизированных русских князей и последовательное подчеркивание их княжеского титула позволяют предположить определенные негласные правила

при составлении службы святым князьям. В данном докладе я попробую выделить и проанализировать эти правила, позволяющие выделить княжескую службу в отдельную неофициальную категорию.

Ключевые слова: *гимнография, литургика, русские святые князья, текстология*

71

Святые князья всегда играли важную роль в сознании древнерусского человека, так как именно они всегда являлись защитниками и покровителями Древней Руси. Неслучайно свт. Николай Мирликийский — также признанный покровитель Руси — в одном из своих русских чудес является вместе с первыми русскими святыми князьями Борисом и Глебом. Знаменательно также и то, что русские святые князья были первыми официально канонизированными национальными русскими святыми.

Святые князья истово почитались на Руси, и если до XVI в. были канонизированы только свв. Борис и Глеб, св. Владимир и св. Ольга, то в XVI–XVIII вв. был канонизирован целый сонм святых князей-мучеников, князей-защитников, благоверных князей и т. д. Канонизация новых святых требовала составления житий и служб, однако если по русской княжеской агиографии существуют обобщающие работы [Серебрянский 1915], то фундаментальных работ, посвященных княжеской гимнографии пока нет, хотя есть отдельные работы о святых князьях, которые затрагивают и гимнографию [Абрамович 1910, Милютенко 2008] или которые посвящены гимнографии отдельных князей [напр., Антонова 1997, Серегина 1994, Темчин 2012 и т. д.]

Князья канонизировались в соответствии со своим духовным подвигом. Разряды князей исключительно важны для составления княжеской службы: именно в них просматривается первоначальная модель: князья-страстотерпцы прославлялись по мученическому чину, князья-воины по воинскому, князья-монахи и равноапостоль-

ные князья по преподобническому и т. д. Эти модели могли комбинироваться и меняться с течением времени.

Говоря о княжеской службе, можно выделить ее некоторые основные характеристики:

- постоянное подчеркивание княжеского статуса;
- проявление родства и преемственности князей;
- изображение корня и ветвей;
- покровительство княжеского рода и России в целом.

Выстраивание родовой цепочки мы находим уже в первой княжеской службе свв. Борису и Глебу, где упоминается о родстве с их отцом — крестителем Руси св. Владимиром. В свою очередь свв. Борис и Глеб также упоминаются в службе св. Владимиру. А после имени первой русской христианки княгини Ольги в уставных последованиях часто следует пояснение «баба святого Владимира». Образ св. Владимира становится очень важным для княжеской гимнографии, так как именно к нему восходят цепочки родства других святых князей. Кроме того, при использовании топоса корня и ветвей, традиционно подразумевается, что креститель Русской земли является благим корнем, питающим все древо. Впрочем, в поздних княжеских службах корень может сместиться и в сторону более близкого родства, например, в службе св. Даниилу Московскому благим корнем является его отец, св. Александр Невский.

Но наиболее значимым признаком, позволяющим выделить княжескую службу в неофициальную категорию, является осознанный выбор моделей. Если для первых княжеских служб в качестве моделей были выбраны песнопения святым, сходным по статусу и по функции (для свв. Бориса и Глеба — мученики, целители и защитники, для св. Владимира — апостолы, св. Константин), то для дальнейших княжеских служб моделью часто становились песнопения святым князьям, сходным по функции, образуя дальнейшие цепочки заимствований. Например, в службе свв. мчч. Михаила и Феодору Черниговским часто в качестве модели

использованы песнопения свв. стрст. Борису и Глебу, что оправдано сразу несколькими факторами: в обоих случаях песнопения посвящены сразу двум святым, св. Михаил был черниговским князем, а св. Феодор — его боярином, т. е. это княжеская служба и, наконец, они были мучениками, хотя, в отличие от свв. Бориса и Глеба стали именно мучениками за веру, а не страстотерпцами, прославленными за христианское смирение и непотворение. В свою очередь, песнопения свв. мчч. Феодору и Михаилу, построенные по модели песнопений свв. Борису и Глебу стали моделью для песнопений св. Димитрию Углицкому.

Таким образом, можно прийти к заключению, что даже если княжеское служение никогда не было официально выделено в отдельную категорию, мы отмечаем, что создатели княжеских служб соблюдали неписаное правило творения, используя специальные топоры, подчеркивая княжеское происхождение и используя песнопения других княжеских служб в качестве моделей.

Литература

Абрамович 1910 — Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба. Петроград (Памятники Древней Руси).

Антонова 1997 — Антонова Е. В. Службы свв. Борису и Глебу в книжности Древней Руси. Дисс. на соиск. ст. канд. филол. наук. Москва.

Милютенко 2008 — Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. С.-Петербург (Издательство Олега Абышко).

Серебрянский 1915 — Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. Москва (ЧОИДР).

Серегина 1994 — Серегина Н. С. Песнопения русским святым. С.-Петербург.

Темчин 2012 — Темчин С. Ю. Служба Борису и Глебу киевского митрополита Иоанна: реконструкция греческого акростиха в каноне и датировка. // Восточная Европа в древности и средневековье. XXIV. Москва, 246–253.

Viktoria Legkikh

Universite of Vienna, Austria

vlegkikh@gmx.de

Russian princely service as a special category

—
74
—

The princely service has never been designated in common menaions as a special separate category, however, the abundance of canonized Russian princes and the consistent underlining of their princely title allows one to assume some certain unofficial rules when creating service to holy princes. In this report, I will try to identify and analyze these rules, which make it possible to highlight the princely service as a separate unofficial category.

Key words: *hymnography, liturgy, Russian saint princes, textology*

Светлана Менгель

Галле-Виттенбергский университет им. Мартина Лютера, Германия

swetlana.menge@slavistik.uni-halle.de

Концепции русского литературного языка нового типа в трудах иностранных ученых и переводчиков начала XVIII века, их рецепция и распространение

Доклад посвящается малоизученной проблематике вклада иностранных ученых и переводчиков в формирование нового русского литературного языка в первой половине XVIII века.

Ключевые слова: *русский литературный язык, первые грамматики русского языка, XVIII век*

Современный русский литературный язык имеет в своей основе, как принято считать, систему кодификации, предложенную в «Российской грамматике»

М. В. Ломоносова (1755), исходящую из своеобразного синтеза русского и церковнославянского начал.

Грамматике Ломоносова предшествовал, однако, ряд других попыток формирования русского литературного языка нового типа, направленных на преодоление культурно-языковой ситуации в России, сложившейся к началу XVIII века. Особое место занимают труды иностранцев и их альтернативные концепции, опирающиеся на западноевропейские филологические и прагматические традиции. При этом различные пути формирования русского литературного языка предполагают не только создание грамматик, но и соответствующей текстовой продукции, а также наличие среды для ее рецепции и распространения.

Малоизученной проблематике вклада иностранных ученых и переводчиков в формирование нового русского литературного языка в первой половине XVIII века посвящается предлагаемый доклад.

Swetlana Mengel

Martin Luther University Halle-Wittenberg, Germany
swetlana.menge@slavistik.uni-halle.de

Concepts of the New Type Russian Literary Language in the Works of Foreign Scientists and Translators in the First Half of the 18th Century

The talk will concentrate on the hitherto little researched issue of the contribution of foreign researchers to the formation of the modern Russian literary language in the first half of the 18th century.

Key words: *Russian literary language, first grammars of the Russian language, 18th century*

Екатерина Мишина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Россия
kmishina@mail.ru

Повествовательные стратегии древнерусских хождений*

76

Доклад посвящен исследованию языковых особенностей, характерных для нарратива древнерусских хождений (прежде всего в области синтаксиса и употребления глагольных форм). Анализируются дискурсивные и семантические факторы, определяющие выбор и употребление книжниками той или иной глагольной формы или синтаксической конструкции.

Ключевые слова: *глагол, вид и время глагола, причастие, нарративные стратегии, древнерусские хождения*

Настоящая работа продолжает исследование грамматических значений и дискурсивных функций глагольных форм, отражающихся в древнерусских текстах. В докладе речь пойдет о языковых стратегиях, используемых древнерусскими книжниками в жанре хождений. Будут проанализированы выявленные языковые особенности и клише; представлены результаты сравнительного анализа по разным хождениям, а также прослежена трансформация типичных языковых черт во времени: от более ранних хождений («Хождение Игумена Даниила») к более поздним («Хождение инока Зосимы», «Хождение Стефана Новгородца» и др.).

Проведенное исследование показало, что выбор тех или иных нарративных стратегий, наблюдаемых в текстах древнерусских хождений, может варьироваться, а также меняется от ранних к поздним. Так, в ряде

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

хожений (часто более ранних) широко используются абсолютные причастные обороты, тогда как в других выбор делается в пользу употребления синтаксических конструкций с финитными формами. С другой стороны, некоторые синтаксические обороты демонстрируют определенную устойчивость в хожениях, что, по-видимому, объясняется тем, что они функционируют как своего рода застывшие клише. Этим зачастую можно объяснить те или иные нестандартные употребления видо-временных форм, встречающиеся в хожениях.

Так, например, в хожениях обращает на себя внимание нестандартное (с точки зрения современного языка), функционирование видо-временных форм от глаголов движения: *(по)йти*, *(до)йти*, *(за)йти*, *внйти*, *(въ)лести* и др., — встречающиеся в географических описаниях (описаниях пути и местоположения). Такие формы зафиксированы преимущественно в древнерусских хожениях, хотя иногда они встречаются и в летописях (как в хорошо известном пассаже о расселении славянских племен из Повести временных лет). Показательны как единичные употребления глагольных форм, так и их употребление в качестве однородных сказуемых в одном периоде: презенс совершенного вида, презенс несовершенного вида, аорист совершенного вида (например, *втечеть*, *течеть*, *потече* — о течении реки). Будет рассмотрена специфика семантики и контекстуальные условия употребления каждой из видо-временных форм, а также предложено объяснение мотивации древнерусского книжника при выборе в контексте той или иной формы, связанное с ориентацией на фигуру *мыслимого движущегося наблюдателя* (входящего в лексическую семантику глаголов перемещения) и *точки отсчета*, трактуемой как временная позиция наблюдателя, его настоящее время (о понятии *точки отсчета* и *наблюдателя* см. работы Х. Рейхенбаха, Ю. Д. Апресяна, Е. В. Падучевой [Reichenbach 1947; Апресян 1986; Падучева 1986; 1996]).

Особый интерес представляют употребления презентных причастных форм от глаголов совершенного вида (*внидучи, поидучи*), встречающихся в описаниях пути наряду с более стандартными формами (*идучи, пошедь*). Анализ функционирования разнovidовых и разнoвременных причастных форм, употребляющихся синонимично в описаниях пути в древнерусских хождениях, показал, что существуют определенные тенденции в их распределении и можно найти семантическое обоснование их варьирования и выбора древнерусского книжника. При этом ключевую роль в данном случае также играет ориентация на фигуру мыслимого движущегося наблюдателя. В ряде случаев важными факторами, обуславливающими выбор, оказываются референтное или нереферентное употребление, а также семантика приставок.

Все выявленные языковые особенности и нарративные стратегии, характерные для древнерусских житий, будут представлены и проанализированы в докладе.

Литература

Апресян 1986 — Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. № 28. С. 5–33.

Горбунова 1997 — Горбунова Е. А. (Мишина Е. А.) Глагольные формы в географических описаниях по материалам восточнославянских памятников старшего периода (в сопоставлении с современными говорами) // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. М., 1997. С. 47–66.

Живов 2016 — Живов. В. М. История языка русской письменности: В 2 т. М., 2016.

Падучева 1986 — Падучева Е. В. Семантика вида и точка отсчета // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. Т. 45. № 5. 1986. С. 413–424.

Падучева 1996 — Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М. 1996.

Reichenbach 1947 — Reichenbach H. Elements of Symbolic Logic. N. Y., 1947.

Ekaterina Mishina

Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences, Russia

kmishina@mail.ru

Narrative Strategies of Old Russian “Journeys”

79

This paper deals with the investigation of some language features typical for Old Russian “journeys” (*khozhenija*), first of all, considering different employment of verb forms and syntactic constructions. Some discursive and semantic factors defining the choice of one or another verb form and construction are discussed.

Key words: *verb, tense and aspect, participle, narrative strategies, Old Russian “journeys”*

Наталья Мосягина

Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова, Россия

n.mosiagina@list.ru

Гимнография великомученику князю Лазарю Хребеляновичу в древнерусских нотированных рукописях

Нотированные песнопения в честь сербских святых появляются в древнерусских рукописях с середины XVI в. Служба великомученику Лазарю Хребеляновичу известна только по двум спискам стихираря «Дьячье око». В песнопениях неоднократно подчеркивается мученический подвиг князя, пролившего свою кровь за веру и отечество. Используя образ таланта из евангельской притчи, гимнограф высвечивает главную тему в чинопоследовании — преумножение в земной жизни «даже до крови» вверенного князю Лазарю державного таланта, а древнерусский распевщик, в свою

очередь, поддерживает и раскрывает эту тему, используя средства художественной выразительности знаменного распева.

Ключевые слова: *сербские святые, князь Лазарь Сербский, древнерусские нотированные рукописи, знаменный распев*

80

Нотированные песнопения в честь сербских святых появляются в древнерусских рукописях с середины XVI в. Максимальное же их количество представлено в наиболее полных стихирах типа «Дзячье око», начиная с 80-х гг. того же столетия: святителю Савве I и святителю Арсению, преподобному Симеону Мироточивому и преподобной Параскеве Тырновской, святому королю Стефану Милутину и великомученику князю Лазарю, мученикам Ермилу и Стратонику Сингидонским (Белградским), Иоанну Сочавскому (Белградскому).

В течение последних лет службы в честь сербских святых являются предметом изучения представителей Санкт-Петербургской школы музыкальной медиевистики. Впервые к этому материалу обратилась Н. В. Рамазанова, в 2004 году ею был опубликован указатель сербских памятней, на различных конференциях были представлены службы святителю Савве и святителю Арсению Сербским, а также святой Параскеве Тырновской.

Об особенностях нотированных песнопений святой Параскеве в списках из собрания Троице-Сергиевой Лавры писала З. М. Гусейнова. Комплексное же исследование службы преподобной осуществляет Е. А. Шустик. Гимнография в честь святого короля Стефана Милутина стала в 2017 году объектом дипломной работы А. А. Булыкиной. Сербской исследовательницей Анной Рашкович в октябре 2017 года в Санкт-Петербурге на конференции «Загребинские чтения» был представлен свод древнерусских источников, в которых так или иначе упоминаются сербские святые.

Автор настоящей работы с 2014 года изучает службу святому великомученику князю Лазарю.

Известно, что в Россию служба попадает в середине XVI столетия: 28 августа 1550 года монахи Хиландарского монастыря в дар русскому царю привезли сербские святыни. Об этом сообщается в грамоте, взятой у игумена Паисия царевым дьяком Посольского приказа. Среди привезенных даров были иконы сербских святых, обложенные серебром, крест, который носил на себе святой Савва, а также службы королю Стефану Милутину (+1320 г.) и князю Лазарю Хребеляновичу (+1389 г.). По-видимому, именно с этого времени начинается почитание сербского святого на Руси. Неслучайно во второй половине XVI века его образ был написан в Архангельском соборе Московского Кремля — храме-усыпальнице русских царей*.

— 81 —

К настоящему времени нам известно только два списка стихираря «Дьячье око», содержащих нотированную службу великомученику. Ранний список относится к концу 80-х гг. XVI века (РНБ, Кир.-Бел. 586/843). Более поздний список относится к середине XVII века (РГБ, ф. 379, № 66).

Служба князю Лазарю в более раннем списке содержит микроциклы стихир Малой и Великой Вечерни, тропарь и светилен (всего 31 песнопение). В более позднем списке репертуар песнопений сокращен до шести текстов — из Малой и Великой Вечерни записаны только славники, а также стихира по 50-ом псалме. Однако это сокращение в фиксации нотированных текстов никак не повлияло на ее место в иерархии праздников. Она как была «бденной», так таковой и осталась.

Сравнительный анализ музыкальных текстов позволяет говорить о музыкальном переосмыслении некоторых стихир в более позднем списке: распев в рукописи середины XVII века усложняется по сравнению с более ранней редакцией.

* Восточная грань северо-восточного столпа, второй ярус.

В песнопениях неоднократно подчеркивается мученический подвиг князя Лазаря, пролившего свою кровь за веру и отечество: «кровь свою излиял еси, Лазаре», «мученик до крове», «раны многия и главное отсечение любве ради Божия от беззаконных претерпел еси», «что бо наречем тя, чудне? ...мученика ли, яко неправедне глава твоя усечесе?» и т. д.

Через образ таланта гимнограф представляет нам князя Лазаря как истинного правителя и защитника своего народа от «зверских находений», «расхищающих стадо Христово», как «пастыря доброго», претерпевшего «языческих нашествий неправедное заколение» и «положившаго душу свою о людях Божиих»: «данный ти талант державный, <...> возрастил еси сугубо», «данный ти талант добре возделав, усугубил еси» и др.

Тропарь из 4-й песни 1-го канона содержит аллюзию на евангельскую притчу о талантах: «Вверенный тебе талант державный, Лазаре, не в земли скрыл еси, яко раб ленивый, но делав, яко раб бодрый своего Владыки, егоже и многоусугубленна Тому принесл еси». В двух стихирах используется парафраз прямой речи Господа из этой же притчи:

<i>Мф. 25:27</i>	<i>Малая Вечерня 3-я стихира на «Господи воззвах»</i>	<i>Великая Вечерня 2-я стихира на «Господи воззвах»</i>
Добре, рабе благий и верный: о мале был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость Господа твоего	Благий рабе и верный, вниди в радость Господа твоего	Добрый делателю и верный рабе, о мале яко был еси верен над многими тя поставлю

В тропаре службы образ таланта из евангельской притчи раскрывает главную тему жития князя Лазаря — преумножение в земной жизни «даже до крови» вверенного Господом *державного таланта*. Древнерусский же распевщик, в свою очередь, озвучивает эту тему, используя средства художественной выразительности знаменного распева такие как: повтор типовых гласовых формул

или, наоборот, единичное использование некой попевок или интонации, маркирование в тексте поэтических формул с помощью звуковысотных акцентов и долгот, высвечивание «текста в тексте», и, наконец, продолжительное распевание отдельных лексем, с помощью тайнозамкнутых формул (фит и лиц), создающих сильные места — содержательные эмфазисы песнопения.

Система, требующая долгих объяснений современному слушателю, работала в звучащем гимнографическом тексте во многом благодаря особым образом организованным интонациям. Знаменный распев за богослужением выполнял своеобразную функцию ключа, открывающего сакральный, сокровенный смысл песнопения.

83

Литература

Булыкина 2017 — Булыкина А. А., Мосягина Н. В., Рамзанова Н. В., Шустик Е. А. Службы сербским святым в древнерусских певческих рукописях // Материалы международной научно-практической конференции «Вместе сквозь века. К истории русско-сербских культурных, духовных и политических связей» (26–27 июня 2017 г.). Ленинградская область, 2017. С. 117–122.

Муравьев 1860 — Муравьев А. Н. Сношения России с Востоком по делам церковным. Ч. 1–2. СПб., 1860.

Natalya Mosyagina

The Rimsky-Korsakov St. Petersburg State Conservatory

n.mosiagina@list.ru

The Hymnography for the Great Martyr Prince Lazar Hrebeljanovic in Notated Old Russian Manuscripts

The chants with znamenny notation in honor of Serbian saints appear in the Old Russian manuscripts from the middle of XVI century. The service for the great Martyr Lazar Hrebeljanovic is known only in two copies of the

sticherarion “Djacie oko”. The martyrdom of the Prince who shed his blood for the faith and Fatherland is repeatedly emphasized in the hymns. Using the image of the talent of the gospel parable, the hymnographer highlights the main theme of the rite — the increase in mortality, “even unto blood” entrusted to Prince Lazar «talent derzhavnyj» (power talent). And Old Russian raspevshchik, in turn, supports and explores this theme by using means of artistic expression of the Znamenny chant.

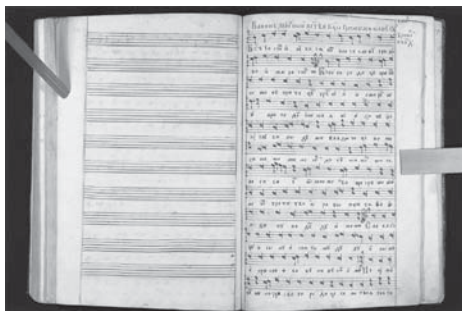
Key words: *saints of the Serbian Prince Lazar, Serbian, dotirovanie ancient manuscripts, the Znamenny chant*

Наталья Мосягина

*Санкт-Петербургская государственная консерватория
имени Н.А. Римского-Корсакова, Россия
n.mosiagina@list.ru*

Мастер-класс по древнерусскому богослужебному пению: «Канон молебный ко Пресвятой Богородице» греческого распева

Канон молебный ко Пресвятой Богородице написан св. Феостириком Медикийским, учеником святого Никиты Исповедника. Вместе с другими иноками он пострадал за иконопочитание (был обожжен кипящей

смолой) при императоре Константине Копрониме. Скончался мирно в глубокой старости.

Существует устное предание, что сам инок Феостирик страдал унынием, которое томило его временами весьма сильно. Потому и написанный им канон «Многими содержимь напастьми...» или «Параклисис», что значит «Утешение», помогает тем, кто скорбит, печалится и унывает в тех или иных обстоятельствах.

— 85

В древнерусской традиции этот канон был распет в конце XVII века греческим распевом и записан в рукописях знаменной или киевской нотациями.

Наталья Николаева

Казанский государственный медицинский университет, Россия

eulen@mail.ru

Евангелие-апракос XIV века из собрания Научной библиотеки Казанского университета (ОРРК № 2072): палеографические и структурно-содержательные особенности*

Казанское Евангелие представляет собой полный апракос Мстиславова типа, написанный во второй половине XIV века в землях севернее Москвы. В докладе дается краткое палеографическое описание рукописи, акцентируются особенности его структуры и приводятся примеры оригинальных чтений, которые могут способствовать более точной идентификации генетических связей казанской рукописи с другими древнерусскими евангелиями того же типа.

Ключевые слова: *евангелие-апракос, палеография, текстология, лексическое варьирование*

* Статья подготовлена в рамках работы над проектом «Казанское Евангелие-апракос XIV века: лингво-историческое исследование», поддержанным фондом РФФИ (№ 17–34–00019/17–ОГОН).

Изучение Евангелия-апракоса XIV века из университетской библиотеки Казани (далее — *Казанское Евангелие*, *КЕ*), самого старого древнерусского рукописного памятника казанских древлехранилищ, началось еще в XIX веке с описаний, оставленных П. Д. Шестаковым [Шестаков 1880] и А. С. Архангельским [Архангельский 1883]. Л. П. Жуковская, изучавшая текстологию древнерусских евангелий, на основании лекционной структуры этого памятника определила КЕ как апракос Мстиславова типа [Жуковская 1976]. Более узкой атрибуции рукописной традиции, к которой принадлежит КЕ, до сих пор проведено не было.

Палеографические, графико-орфографические и некоторые языковые особенности рукописи позволяют отнести ее ко второй половине XIV века. Фонетические черты, отраженные в тексте КЕ, указывают на то, что местом его создания были северо-западные русские земли, однако южнее Новгорода, так как специфических новгородских и псковских черт в нем не обнаружено. Мы предполагаем, что это мог быть Тверской край. Текст написан уставом того времени. Судя по почерку, рукопись создана одним переписчиком. Набор графем, используемых писцом, соответствует указанной эпохе. Диакритические знаки в основном тексте минимальны, что тоже характерно для времени, предшествовавшего второму южнославянскому влиянию. Инициалы представляют собой в основном плетеную орнаментацию, написаны киноварью с вкраплением синей и — реже — желтой краски. Только один инициал имеет ярко выраженный тератологический вид, а еще один представляет собой переходный тип от плетеной орнаментальности к тератологии.

Позже над рукописью трудились еще четыре справщика. Один из них по времени был близок к основному переписчику и подражал его почерку, но начертания некоторых букв у него специфичны. Два следующих справщика работали ориентировочно в конце XV —

начале XVI века. В их арсенале уже полный набор диакритических знаков, что характерно для эпохи после второго южнославянского влияния; также начерт отдельных букв, лигатуры и т. п. говорят об отнесенности к этому времени. Самый поздний справщик работал над всей рукописью в конце XVI века.

Структура месяцеслова КЕ позволяет сделать вывод о его константинопольском происхождении в период до распространения Иерусалимского устава, причем с большим тяготением к соборно-приходскому укладу богослужения (традиция типикона Великой церкви), нежели к монастырскому (различные версии Студийского и зависящих от него уставов). Это подтверждается как наличием определенных служб (например, 10–13 сентября четыре дня поклонения Честному Древу Креста Господня), так и не менее красноречивым отсутствием других (например, памяти Саввы Освященного, значимой для Иерусалимского устава; памяти Феодора Студита, важной для монастырского Студийского устава и т. д.).

Интересной особенностью КЕ является то, что тот, кто создавал его структуру, строил на апракосном материале своеобразный мысленный тетр: от Пасхи до Пятидесятницы он располагает чтения из Евангелия от Иоанна, далее, до Новолетия — из Матфея, затем — из Луки и завершают этот круг чтения из Евангелия от Марка. При этом внутреннее наполнение чтений часто не соотносится с указанной структурой и обозначенным в подзаголовке евангелистом. Это может свидетельствовать об отсутствии внешней сверки с Четвероевангелием.

Вопрос о генеалогических связях КЕ с рукописями евангелий Мстиславова типа может решить сравнение оригинальных чтений, представленных в нем, по методике, которую предложил С. Ю. Темчин [Темчин 1998]. Попытка разгруппировать подобного рода «ошибки» или «варианты», представленные в рукописи КЕ, вносит некоторую корректировку в предложенную исследователем классификацию.

Так, основание лексических замен и причина очевидных ошибок могут быть обусловлены не одним, а рядом факторов, разграничить которые или сузить круг которых не представляется возможным без того, чтобы не определить с высокой степенью вероятности непосредственный антиграф исследуемого памятника. Так, проблематично, на наш взгляд, отделить «лексические замены, обусловленные состоянием антиграфа», от «ошибочной интерпретации текста», что, в свою очередь, может привести к «неосмысленному чтению». Не всегда возможно однозначно решить вопрос о «гармонизации синоптических чтений», так как речь может идти исключительно о влиянии богослужебного узуса и т. п. Однако это замечание призвано лишь уточнить общую методику.

Подробное описание оригинальных чтений Казанского евангелия в будущем, возможно, будет полезно исследователям, научные интересы которых лежат в области славянской традиции евангельских текстов.

Литература

Архангельский 1883 — Архангельский А. С. Древнеславянское евангелие, принадлежащее Обществу археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете: Материалы для истории русского языка. Отдельный оттиск из «Филологических записок». Воронеж, 1883.

Жуковская 1976 — Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М.: Наука, 1976.

Темчин 1998 — Темчин С. Ю. Текстологическая семья Мстиславова евангелия: новые данные о группировке древнерусских списков полного апракоса // *Slavistica Vilnensis*. 1998. 47 (2). С. 133–233.

Шестаков 1880 — Шестаков П. Д. Заметка о старинном харатейном евангелии конца XIV-го или начала XV-го века, принесенном в дар Обществу Я. И. Расторгуевым. // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1880. С. 121–127.

Nataliya Nikolaeva

Kazan State Medical University, Russia

eulen@mail.ru

**The Evangeliary of 14th century from the collection
of the Scientific Library of Kazan University
(Manuscript Department № 2072):
characteristics of its paleography, structure and content**

—
89
—

The Kazan Gospel is a long Evangeliary of Mstislav type, written in the second half of the 14th century in the lands to the North of Moscow. The lecture provides a brief paleographic description of the manuscript, highlights the peculiarities of its structure and gives examples of original readings, which can result in more accurate identification of genetic relations of the Kazan manuscript with other Old Russian Gospels of the same type.

Key words: *Evangeliary, paleography, textual criticism, lexical variation*

Мария Новак

Казанский федеральный университет, Россия

mariaonovak@gmail.com

**Древнеславянский перевод Евфалианы: синтаксис
и лексика оглавления к первому посланию Коринфянам**

Анализируются синтаксические и лексические параметры древнеславянских переводов одного из ранее не исследованных сопроводительных текстов к Посланиям апостолов. Выявлен ряд совпадений с переводческими стратегиями, реализованными в разновременных версиях перевода основного текста Апостола.

Ключевые слова: *древнеславянский Апостол, оглавления, синтаксис, лексика*

Данное сообщение представляет фрагмент исследования, посвященного сопроводительным текстам к Деяниям и Посланиям апостолов в древнеславянском переводе — так называемому аппарату Евфалия. Нами уже опубликованы отдельные наблюдения над синтаксисом и лексикой Евфалианы [Новак 2017а, Новак 2017б], однако тема нуждается в дальнейшей разработке. Предисловия к посланиям ап. Павла были частично описаны Й. ванн дер Таком [Так 2003], но оглавления не становились предметом специального исследования.

Ниже будет обсуждаться репрезентация оглавления первого послания ап. Павла коринфянам в разновременных версиях древнеславянского перевода Апостола, на фоне греческого первоисточника [Migne 1864: 753, 756]. Выбор материала продиктован политематичностью названного послания, определяющей разнообразие лексических и синтаксических единиц в оглавлении к нему. Источники исследования соотносятся с общей текстологической схемой истории текста Апостола: толковый Христинопольский Апостол XII в. (Львовский ист. музей, ОР, № 37, далее — *Христ*) отражает первоначальный перевод с присутствием преславских элементов, к которому затем возвращается афонская редакция (ее представляет последовательный список XVI в. *ТСЛ71*, РГБ, ф. 304.1). Самостоятельный преславский перевод содержит последовательный Толстовский список XIV века (РНБ, Q.п.1.5, далее — *Толст*). В Чудовском Новом Завете XIV в. (далее — *Чуд*) предисловия к посланиям также отражают вполне своеобразные лексические и синтаксические решения [Новый Завет 1892]. Все рукописи, кроме *Чуд*, изучались по копиям, *Толст* — также de visu. Орфография источников упрощена по техническим причинам.

1. Синтаксис и трансформации текста.

1.1. *Чуд* использует строгие синтаксические кальки, что хорошо соотносится с переводческой стратегией Чудовской редакции и в основном тексте Апостола.

1.1.1. Греческий субстантивированный инфинитив регулярно переводится инфинитивом, предшествуемым относительным местоимением *ѡже*, славянским функциональным коррелятом греческого артикля, например: О ѡже не разномыслити дроугоу к дроугоу (л. 108а; греч. *περὶ τοῦ μὴ διχονοεῖν πρὸς ἀλλήλους*). Ср. *Христ*: о неразномыслѣнѣ межю собою (л. 136 об.), *Толст* да не разумѣвають разнo сами в себѣ (л. 10а).

91

1.1.2. Греческий порядок слов также воспроизводится именно в *Чуд*, что может приводить (в силу стремления ранневизантийского оригинала к инверсии) к разрушению связности славянского контекста: О множаиши и различные епистолия исправле(н)ѣ имоуши коринѡнѣ согрѣшеныхъ (л. 108а) — греч. *Περὶ πλείονων καὶ διαφορῶν ἡ ἐπιστολὴ διόρθωσιν ἔχουσα τῶν Κορινθίους ἡμαρτημένων* ‘О множественных и различных послание исправление имеющее Коринфянам согрешениях’. В *Христ* контекст, напротив, гармонизирован благодаря изменению порядка слов: О мнозѣхъ и различныхъ грѣсѣхъ коринѡианѣ. много исправлѣнїе имать епистолия (л. 136 об.).

1.2. Для *Толст* характерно расширение отдельных заглавий, например: О неразлучении купльнѣмъ и о звании егда зовуть невѣрнии вѣрныя (*Толст*, л. 11а) vs. О еже не разнo быти совокупленнымъ и званнымъ (*Чуд*, л. 108б) — греч. *Περὶ τοῦ ἀδιαφορεῖν ἐν ὀνίοις, καὶ κλήσεσι* ‘О неразличении покупаемых и приглашений’. Данное заглавие отсылает к 1Кор.10:27, где ап. Павел разрешает верующим принимать приглашения нехристиан разделить с ними трапезу и есть купленную теми пищу. В *Толст*, в целях разъяснения слишком лаконичного контекста, вводится дополнительное придаточное, не имеющее соответствия в греческом.

2. Лексика.

2.1. Лексические решения, характеризующие типичные переводческие стратегии той или иной редакции текста.

2.1.1. Эквиваленты: бѣсовъ чісті (*Христ*, л. 137) vs. дѣмонскія ч(ьс)ти (*Чуд*, л. 108б, *ТСЛ71*, л. 56 об.) — греч. δαιμονικοῦ σεβάσματος; о смотрении (*Христ*, л. 137), смотреніа (*ТСЛ71*, л. 56об.) vs. оустроѣниемъ (Толст, л. 11а), строѣньи (*Чуд*, л. 108б) — греч. οἰκονομίας.

2.1.2. Словообразовательные кальки:

ἐκ φιλοδοξίας — славохотию (*Христ*, л. 136 об.), о славохотіи (*ТСЛ71*, л. 56), ѿ любославья (*Чуд*, л. 108а), славы дѣла (Толст, л. 10г);

περὶ τοῦ μὴ διχονοεῖν — о неразномыслѣнѣ (*Христ*, л. 136 об.), о неразъмыслии (*ТСЛ71*, л. 56), о еже не разномыслити (*Чуд*, л. 108а), да не разумѣвають разнo (Толст, л. 10г);

πολυπλόκου — многоразличьнѣ (*Христ*, л. 137, *ТСЛ71*, л. 56 об.), многоплетенѣ(м) (*Чуд*, л. 108б), стропотнѣи (Толст, л. 11а);

θεοπρεποῦς — бѣолѣпнѣ (*Христ*, л. 137, *Чуд*, л. 108б, *ТСЛ71*, л. 56 об.), лѣпотѣ биѣи (Толст, л. 11а).

Все источники, кроме Толст, предлагают кальки. В *Чуд* они наиболее строги и структурно (ср. расположение лексических основ в образовании любославье), и семантически (ср. корреляцию *πολυπλόκου*, где вторая основа восходит к *πλόκη* ‘плетение’, — *многоплетенѣ(м)*).

2.2. Нетипичный узус.

В Толст обращают на себя внимание отсутствующие в других источниках моравизмы *малъжена* и *комканіе*, усвоенные южно- и восточнославянской книжностью [Максимович 2008: 110, 112], причем первое слово употреблено в плюральной форме, тогда как связанное с ним местоимение — в двойственном числе: Да ся не разлучають *малъжени* аще и *невѣренѣ* естъ которы ѿ нею (л. 11а).

2.3. Лексические неточности.

Христ: О чистотѣ и недѣвоженьствѣ (л. 137) vs. двоженьствѣ (*Чуд*, л. 108а), о вторѣи женитвѣ (Толст, л. 11а), о двоу брака(х) (*ТСЛ71*, л. 56) — греч. περὶ διγαμίας ‘о второбрачии’;

причащати ся всѣхъ (л. 137) vs. бѣсомъ (*Толст*, л. 11а, *Чуд*, л. 108б) — греч. δαίμοσι ‘демонам’.

Толст: О образѣ ризъ мужескъ (л. 11а) vs. О образѣ моужь и женъ (*Христ*, л. 137, *Чуд*, л. 108б, *ТСЛ71*, л. 56 об.) — греч. Περὶ σχήματος ἀνδρῶν καὶ γυναικῶν ‘О внешнем виде мужчин и женщин’.

Чуд: О въскр(ьсе)ньи телесъ праведны(х) vs. О въскрсьении всѣхъ тѣлесъ (*Христ*, л. 137, *ТСЛ71*, л. 56об.) — греч. Περὶ ἀναστάσεως σωμάτων καθολικῆς ‘О воскресении тел всеобщем’.

—

93

—

Выводы. Наибольшей независимостью от греческого и иных славянских источников отличается *Толст*, что проявляется как на синтаксическом, так и лексическом уровне. *Чуд* демонстрирует, как правило, стремление к калькированию различных структур. *ТСЛ71* в основном воспроизводит текст *Христ*. В целом все выявленные факты свидетельствует о реализации в переводе оглавлений тех же переводческих стратегий и техник, что и в основном тексте Апостола.

Литература

Максимович 2008 — Максимович К. А. Западнославянское влияние на древнерусский книжно-письменный язык в XI–XIV вв. Письменность, литература и фольклор славянских народов. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008. С. 102–125.

Новак 2017a — Новак М. О. Греко-славянские синтаксические корреляции в оглавлениях к посланиям апостолов (на материале древнерусских списков XII–XIV вв.). Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (69), сентябрь 2017. С. 93–94.

Новак 2017б — Новак М. О. Культурно-антропологическое измерение древнеславянских переводов Апостола: лексический уровень. Русский язык и культура в зеркале перевода: VII Международная научная конференция; Материалы конференции: электронное издание. М., 2017. С. 383–391.

Новый Завет 1892 — Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси / фототип. изд. Леонтия, митр. Московского. М., 1892.

Migne 1864 — Migne J.-P. *Patrologiae cursus completus. Series graeca*. Vol. 85. Paris: Petit-Montrouge, 1864.

Tak 2003 — Tak van der J. Euthalius the Deacon, Prologues and Abstracts in Greek and Church Slavic Translation. София: Кирило-Методиевски научен център (Кирило-Методиевски студии 15), 2003.

Maria Novak

Kazan Federal University, Russia
mariaonovak@gmail.com

The Old Slavonic Version of Euthalian Apparatus: Syntax and Lexis of the First Epistle to Corinthians Index

The paper focuses on syntactic and lexical parameters of the Old Slavonic translation of an accompanying text to the Epistles, previously unexplored. Peculiar coincidences with the translation strategies, realized in different versions of the main Apostolos text, are detected.

Key words: *Old Slavonic Apostolos, indexes, syntax, lexis*

Марина Обижаева

Институт славяноведения РАН, Москва
marina.obizajeva@gmail.com

К вопросу о функциях родного языка в новых культурно-исторических условиях: сербский язык накануне XIX века

Сообщение посвящено новым векторам рассуждений о родном языке в сербской среде, удаленности

его от русского и церковнославянского языка, о преподавании церковнославянского языка православным сербам, проживавшим на Габсбургских территориях, после секуляризации школы в Австрийской монархии и в преддверии составления «Письменицы» Вука Караджича.

Ключевые слова: *сербская языковая ситуация, Стефан Стратимирович, Теодор Мириевикий*

95

В основу доклада положена переписка духовного предстоятеля сербов на австрийских территориях митрополита Стефана (Стратимировича) с членом грамматического отделения Русской академии наук Федором Иоанновичем Янковичем де Мириево.

История этой полемики уходит в 1770-е годы, когда среди народов, подданных Габсбургов, начала проводиться т. н. Саганская реформа системы образования, которая помимо прочего подразумевала введение преподавания на «простом, народном» языке по модели немецкого. Поскольку Теодор Янкович, в те годы бывший директором Темишоарского школьного округа — экспериментальной площадки для введения системы преподавания Фельбигера для православных сербов и румын, зарекомендовал себя с лучшей стороны как для венской администрации, так и для сербских духовных властей (в частности, в качестве последовательного защитника кириллицы), постольку именно он был рекомендован императрице Екатерине II для переноса Саганской реформы на русскую почву.

Требование со стороны австрийской администрации создать учебник «гражданского наречия» на простом языке привело к спорам о языке среди духовной и образовательной элиты сербской диаспоры, а также к двум параллельными наборам школьных учебников по правописанию и грамматике. В начале 1790-х годов в Сремских Карловцах, митр. Стефан (Стратимиро-

вич) созвал конференцию сербской образованной элиты, посвященную судьбам письменного языка сербов. Эта конференция дала все полномочия решать вопросы грамматики и букваря для сербов именно митр. Стефану, тот же со своей стороны обязал всех высокообразованных представителей сербской диаспоры письменно сообщить ему свое мнение по вопросам преподавания языка.

Из переписки митр. Стефана с Теодором Янковичем можно выделить эксплицитно или имплицитно декларируемую соотнесенность письменного языка сербов с церковнославянским языком и императивную понятность для всех сербов по обе стороны военной границы между Османской и Австрийской империями.

Marina Obizhaeva

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia
marina.obizajeva@gmail.com

To the Question about the Functions of the Native Language in a New Cultural-Historical Context: the Serbian Language on the eve of the Nineteenth Century

The report focuses on new vectors of arguments about native language in Serbian society in the Habsburg territories, i.e. its remoteness from the Russian and the Church Slavonic language, the teaching of the Church Slavonic language of the Orthodox Serbs after the secularization of schools in the Austrian monarchy.

Key words: the Serbian language context, Stephan Stratimirovic, Theodor Mirievsky.

Ежи Остапчук

Христианская Богословская Академия, Польша

jostap@wp.plb

**Предисловие Феофилакта, архиепископа Болгарского,
к Евангелию от Матфея и житие ев. Матфея (св. Софрония)
в старопечатных кириллических богослужебных
четвероевангелиях**

—
97
—

Предисловие к Евангелию от Матфея (блж. Феофилакта) присутствует во всех старопечатных кириллических четвероевангелиях, а житие ев. Матфея (св. Софрония) — в большинстве Евангелий-тетр, изданных после 1657 года. Исследование этих текстов, проведенное почти на 80 старопечатных четвероевангелиях XVI-XVIII вв., доказало существование большого количества разночтений только в первом тексте и присутствие в старопечатной традиции только второй редакции перевода Предисловия.

Ключевые слова: *Предисловие, житие, Евангелие от Матфея, Феофилакт Болгарский, св. Софроний, четвероевангелие, старопечатная книга*

В толкованиях на Священное Писание, составленных в XI столетии выдающимся византийским богословом, блаженным Феофилактом, архиепископом Болгарским, нашлись и краткие предисловия ко всем каноническим Евангелиям, содержащие историю их возникновения. В славянской традиции они стали помещаться в четвероевангелиях начиная только с XIV столетия. Но далеко не все евангельские рукописи, датируемые XIV и иногда XV веками, содержат Предисловия блж. Феофилакта. По-другому это выглядит в старопечатных кириллических четвероевангелиях, древнейшее из которых датируется 1512 годом. Все печатанные с начала XVI до конца XVIII столетия бо-

гослужбные четвероевангелия содержат предисловия блж. Феофилакта, а некоторые из них (выпущенные после 1657 г.) — еще и жития евангелистов, составленные св. Софронием, патриархом иерусалимским (634–638).

Предметом доклада являются результаты текстологического исследования предисловия к Евангелию от Матфея и житию евангелиста Матфея, находящиеся в старопечатных кириллических богослужбных Четвероевангелиях, и их соотношение с рукописной славянской традицией, в которой известны две редакции Предисловия [Евангелие 2005: 169, 172–175].

Исследование было проведено на основании почти 80 (из 120) старопечатных кириллических богослужбных четвероевангелий, напечатанных в Тирговище, Руяне, Сибиу, Белграде, Москве, Брашове, Мрькшиной Церкви, Вильнюсе, Шебеше, Бухаресте, Львове, Киеве, Почаеве и Клинцах в период с нач. XVI по кон. XVIII века.

Текстологическое исследование указало на существование относительно большого количества текстологических разночтений второй редакции перевода Предисловия к Евангелию от Матфея.

Житие евангелиста Матфея, составленное св. Софронием, в старопечатных кириллических богослужбных четвероевангелиях впервые было введено в Московском издании 1657 года, т. е. первом Евангелии, напечатанном после литургической реформы патриарха Никона. В этом небольшом тексте, характерном только для позднейшей старопечатной славянской традиции, выявлено лишь несколько текстологических разночтений.

Наличие текстологических разночтений в Предисловии и в Житии подтверждает возможность проведения местными издателями или печатниками правок текста, а их сопоставление с данными рукописной традиции указывает на существование в старопечатной традиции только второй редакции перевода Предисловия к Евангелию от Матфея.

Литература

Евангелие 2005 — Евангелие от Матфея в славянской традиции (Novum Testamentum Palaeoslovenice II). Изд. подготовили А. А. Алексеев, И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, М. Б. Бабицкая, Е. Л. Ванеева, А. А. Пичхадзе, В. А. Ромодановская, Т. В. Ткачева. Санкт-Петербург, 2005.

—
99

Jerzy Ostapczuk

Christian Academy of Theology, Poland

jostap@wp.pl

Introduction to the Gospel of Matthew by St. Theophylact Archbishop of Bulgaria and Life of Evangelist Matthew according to Sophronius in early printed Cyrillic liturgical tetragospels

Introduction to the Gospel of Matthew (by St. Theophylact) is present in all early printed Cyrillic tetragospels, but Life of the Evangelist Matthew (by St. Sophronius) is included in most of Gospels printed after the year 1657. Textological research of these texts, based on almost 80 tetragospels, issued in the period of XVI–XVIII c., have proved the existence only in the first text substantial amount of text's variants and confirmed the presence of the second redaction of the Introduction in the early printed tetragospels.

Key words: *Introduction, life, Gospel of Matthew, St. Theophylact of Bulgaria, St. Sophronius, tetragospel, early printed book*

Татьяна Пентковская

*Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Россия
pentkovskaia@gmail.com*

100

Церковь и храм в церковнославянских новозаветных переводах

В работе рассматривается динамика употребления лексем *церковь* и *храм* в соответствии с греческим ὁ ναός в различных переводах и редакциях Нового Завета. Устанавливается, что Евангелие более консервативно и лучше сохраняет восходящее к кирилло-мефодиевской традиции чтение *церковь*. В Апостоле и Апокалипсисе в большинстве редакций закрепляется традиция распределения этих лексем в зависимости от контекста. Последовательный перевод ὁ ναός как *храм* характерен только для Нового Завета книжного круга Епифания Славинецкого.

Ключевые слова: *книжная справа, Новый Завет, лексические синонимы*

Перевод греческого ὁ ναός, как известно, стал частью ожесточенной полемики в период никоновской sprawy. Так, в челобитной Никиты Добрынина в числе прочих «превращений» новопечатных книг обсуждается замена лексемы *церковь* на *храмъ*, которая оценивается как неправомерная, в частности, благодаря семиотизации титлованного написания заменяемой лексемы. Другой причиной неприятия замены является указание на сближение употребления лексемы *храмъ*, первичное значение которой ‘постройка, жилище’, с западной церковной практикой: *понеже бо римляне и в простых храмах служат и церковное имя у них нивотчюже полагают, но вместо церкви костел глаголют* [Субботин 1878: 135, 149]. В этой отсылке к латинской

традиции, вероятно, преломляется польская реформационная полемика о переводе частичных синонимов τὸ ἱερόν, ὁ ναός, ἡ ἐκκλησία.

Примечательно, что все примеры замен, приводимые в челобитной, относятся к Псалтыри, хотя и сказано, что «также и во всех новопечатных книгах тот Никон, бывший патриарх, церкви Божия храмом напечатал» [Субботин 1878: 147–148]. При этом замена лексемы *церковь* на *храм*, как известно, не является инновацией никоновских справщиков: ее регулярно проводит Максим Грек в своих переводах Псалтыри [Кравец 2011: 262–264], а в более раннее время она характеризует, в частности, редакцию среднеболгарской Норовской Псалтыри XIV в. [Пентковская 2011: 388–389].

Материал новозаветных текстов показывает, что появление и закрепление в них лексемы *храм* на месте греч. ὁ ναός было процессом длительным и не вполне последовательным. Данные частей Нового Завета в этом отношении различаются. Так, в Евангелии от Матфея ὁ ναός имеет следующие значения: иерусалимский храм (собственно святилище, в отличие от τὸ ἱερόν, означавшего все здание) — Мф. 23:16, 23:35, 26:61, 27:5, 27:40; Святая Святых — Мф. 27:51. Древний текст, Чудовская редакция (Чуд.), афонская редакция Нового Завета, Острожская Библия (ОБ), Библия 1663 г. (Б63), Елизаветинская Библия 1751 г. (ЕБ) во всех этих контекстах имеют лексему *црькы*, а род. п. тоѡ ναοѡ передают прил. *црьковьныи*. От этой традиции существенно отличается Новый Завет книжного круга Епифания Чудовского 70–90-х гг. XVII в. (НЗЕ), в котором встречается только лексема *храм* (в том числе в род. п. приименном). То же соотношение сохраняется и при переводе других евангелистов. Толковая традиция на Евангелие от Матфея также неоднородна: в древнейшем переводе ТЕ, как и в богослужебных редакциях, используется *црькы* (в основном тексте и в толкованиях), во втором же переводе южнославянского проис-

хождения XIV в. и в толкованиях, и в основном тексте появляется слово *храмъ* (если, однако, особые чтения основного текста заменяются чтениями афонской редакции, то вместе с афонскими чтениями приходит и *црькы*, как в РГБ, ТСЛ 107, при этом аутентичное *храмъ* сохраняется в толкованиях). В Беседах на Евангелие от Матфея, переведенных старцем Силуаном и Максимом Греком, евангельский текст которых ориентирован на Чуд. и афонскую редакции Нового Завета, в Мф. 26:61, в отличие от них, появляется лексема *храмъ* (ТСЛ 95, л. 300). Здесь, однако, Иисус говорит о храме своего тела, что лжесвидетели истолковывают как угрозу разрушения иерусалимского храма, так что, по всей вероятности, появление лексемы *храмъ* в данном случае вызвано стремлением отделить от прочих этот отличающийся контекст.

В Деяниях Апостолов *ὁ ναός* встречается в 17:24 ('церковная постройка вообще'): *ὁ θεὸς ... οὐκ ἐν χειροποιήτοῖς ναοῖς κατοικεῖ*. В этом контексте древний текст Апостола, а также Чуд. имеет чтение *въ црькъвахъ*, однако уже в афонской редакции читается *не въ роукотворенны^x храмъ^x живе^m* (F.I.657, л. 160). Чтение афонской редакции воспроизводится в ОБ, Б63, НЗЕ, ЕБ. Отражает этот перевод и экзегетическая традиция: он представлен в Толковом Апостоле с восполнениями Максима Грека (ТСЛ 118, л. 113), а также в Беседах Иоанна Златоуста на Деяния апостольские (Киев, 1624 г.).

В Деян. 19:24 речь идет об изготавливаемых на продажу серебряных кивотах (или моделях храма), посвященных богине Артемиде. Древний текст Апостола и в этом контексте имеет чтение *црькы*. В афонской редакции, Толковом Апостоле с восполнениями Максима Грека, ОБ, киевском издании Бесед, Б63, НЗЕ, ЕБ эта реалья переводится как *храмы серебряны*. Чуд. дает особое чтение, исходящее из переосмысления контекста: *ποιῶν ναοὺς ἀργυροῦς Ἀρτέμιδος — телеса серебряная артемидъ* (л. 72 в).

В 1 Кор. 3:16, 3:17, 6:19 ὁ ναός употребляется в общем значении ‘храм, обиталище божества или Бога’, а также метафорически — о христианах, христианской церкви (1 Кор. 3:16, 2 Кор. 6:16, 2 Фес. 2:4). Афонская редакция кодифицировала здесь употребление лексемы *храмъ* (за исключением 2 Кор. 6:16 и 2 Фес. 2:4), восходящее, по всей вероятности, к преславским источникам (так, *храмъ* зафиксирован в Христинопольском и Матичином апостолах в 2 Кор. 6:16). Кирилло-Мефодиевская редакция, как и во всех предыдущих случаях, дает чтение *црькы* [Христова-Шомова 2004: 687, 690–691], за ней следует и Чуд. Обратное соотношение между Чуд. (*храмъ*) и афонской редакциями (*црькы*) наблюдается в Ефес. 2:21 (в этом контексте также отмечается метафорическое употребление). ОБ, Б63 и ЕБ воспроизводят словоупотребление афонской редакции, к ней же восходят и Беседы Иоанна Златоуста на Послания апостольские (Киев, 1623 г.), однако в Беседах в 2 Кор. 6:16 *црькы* глоссируется лексемой *храмъ*, устраняя непоследовательность употребления афонской редакции. НЗЕ во всех случаях использует лексему *храмъ*, что отличает его от источников афонского типа, в которых, как представляется, проводится дифференциация прямого / метафорического употребления ὁ ναός.

В Апокалипсисе ὁ ναός встречается в следующих контекстах: 3:12, 7:15, 11:1, 11:2, 11:19 (дважды), 14:15, 14:17, 15:5, 15:6, 15:8, 16:1, 16:17, 21:22 (дважды). Древний текст и Чуд. придерживаются последовательного употребления лексемы *црькы* во всех случаях. В противоположность этому, в НЗЕ обобщено употребление лексемы *храмъ*. ОБ и Б63, как и в Апостоле, разделяют синонимы в зависимости от контекста: в Апок. 11:1, 11:2 в обоих источниках употребляется *црькы*, в Апок. 11:19, 15:5, 15:6, 15:8, 16:1, 16:17 — *храмъ*. Разница между источниками проявляется в Апок. 11:19 и 21:22 (ОБ *црькы*: Б63 *храмъ*); в Апок. 7:15 и 14:17 в Б63 *црькы* имеет глоссу *храмъ*. Эти случаи показы-

вают тенденцию к генерализации перевода *ô vaôc* в тексте, участие в создании которого принимал Епифаний Славинецкий. ЕБ следует за ОБ, за исключением Апок. 21:22 (*храмъ*).

Таким образом, евангельская традиция при переводе *ô vaôc* оказывается консервативнее других частей Нового Завета. Чуд., воспроизводящая во всех его частях кирилло-мефодиевское словоупотребление (за исключением Деян. 19:24 и Ефес. 2:21) оказывается в данном пункте архаичнее афонской редакции, которая распределяет лексемы *црькы* / *храмъ* в зависимости от контекста. Зависящая в целом от ОБ Б63 демонстрирует тенденцию к унификации словоупотребления, однако восходит, как и другие поздние источники, к принципам распределения лексем афонской редакции. Последовательную передачу *ô vaôc* как *храмъ* имеет только НЗЕ, причем, как показывают данные ЕБ, этот опыт находится на периферии новозаветного церковнославянского словоупотребления.

Литература

Кравец 1991 — Кравец Е. В. Книжная справа и переводы Максима Грека как опыт нормализации церковнославянского языка XVI в. // *Russian linguistics*, 1991, no 15. P. 247–279.

Пентковская 2011 — Пентковская Т. В. Тырновский перевод Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского в русской традиции (на материале Евангелия от Матфея) // Тырновска книжовна школа. Т. IX. Тырново и идеята за християнския универсализъм XII–XV в. Велико Тырново, 2011. С. 381–397.

Субботин 1878 — Субботин Н. Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 4. Историко-догматико-полемические сочинения первых расколуучителей. М., 1878.

Христова-Шомова 2004 — Христова-Шомова И. Служеният Апостол в славянската ръкописна традиция. Т. 1. София, 2004.

Tatyana Pentkovskaya

Lomonosov Moscow State University, Russia

pentkovskaia@gmail.com

Church and Temple in the Church Slavonic New Testament translations

—
105
—

This paper considers the dynamics of use of the lexemes *cirky* and *khram* according to the Greek *naos* in various translations and versions of the New Testament. It is established that the Gospel is the more conservative part and keeps traditional reading *cirky* better. Acts and Epistles of the Apostles and Revelation in the most versions use these lexemes depending on the context. The consecutive translation of *naos* as *khram* is characteristic only of the New Testament of the book circle of Epiphanius Slavinetiskij.

Key words: *book revision, New Testament, lexical synonyms*

Павел Петрухин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

ppetrukhin@gmail.com

Об одной особенности орфографии берестяных грамот*

Орфография ряда берестяных грамот представляет собой некоторую загадку. Дело в том, что эти грамоты стратиграфически (а также по ряду других параметров) надежно датируются позднерусским периодом, т. е. временем после завершения процесса падения и прояснения редуцированных гласных, однако состояние редуцированных в этих грамотах таково, что они легко

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

могли бы быть приняты за раннедревнерусские или, во всяком случае, близкие к таковым. В докладе предлагается объяснение этому явлению. Как представляется, оно непосредственно связано с процессом обучения грамоте в древней Руси и с обусловленным этим процессом формированием особой системы бытового письма.

Ключевые слова: *берестяные грамоты, орфография, редуцированные гласные*

В целом ряде берестяных грамот состояние редуцированных гласных как будто противоречит датировке самого документа, а именно, оно соответствует раннедревнерусскому периоду (обычно с некоторыми исключениями, реже без таковых), в то время как сами грамоты надежно датируются временем после падения и прояснения редуцированных. А. А. Зализняк объясняет этот феномен эффектом скандирования. Последний, согласно Зализняку [2004: 35], «состоит в том, что за любой согласной буквой на письме должна следовать гласная буква (в число таковых считаются входящими также *ъ* и *ь*)». Но очевидно, что последовательная реализация этого эффекта приводила бы к появлению текстов, несколько не похожих на раннедревнерусские (за исключением редких грамот, где случайным образом отсутствуют исконные сочетания согласных). Ситуацию проясняет следующее наблюдение Зализняка: «[н]а практике ... скандирующий принцип обычно реализуется не совсем последовательно: некоторые сочетания согласных всегда или хотя бы иногда остаются в обычном виде (чаще других это касается сочетаний *ст*, *ск*, *сп* и сочетаний типа «согласная + *л* или *р*»)). Действительно, для большинства «псевдо-раннедревнерусских» грамот характерно сохранение перечисленных консонантных сочетаний. В то же время здесь возникают следующие два вопроса: 1) почему именно эти сочетания согласных обычно остаются неразделенными при скандирующей записи; 2) почему их сохранение приводит к появлению

«раннедревнерусских» по виду текстов. Ответ на оба этих вопроса представляется достаточно очевидным: сохранение отмеченных А. А. Зализняком консонантных сочетаний обусловлено практиковавшимся на Руси обучением чтению «по складам», в ходе которого естественным образом заучивались и определенные сочетания согласных. В силу консерватизма данной традиции «склады», содержавшие лишь допустимые в праславянском сочетания согласных, продолжали заучивать спустя долгое время после того, как соответствующий сегмент разговорного языка подвергся глубокой трансформации вследствие падения редуцированных.

107

Литература

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М.: Языки русской культуры. 2-е изд., 2004.

Pavel Petrukhin

Vinogradov Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences, Russia

ppetrukhin@gmail.com

On a remarkable orthographic peculiarity of birch bark letters

The orthography of a number of Novgorod birch bark letters is enigmatic. Stratigraphically (and otherwise) the letters positively date to the late Old Russian period in the history of Russian language, i. e. to the time after the completion of the loss and vocalization of the reduced vowels. However, the state of the reduced vowels in these letters is such that they could have been easily mistaken for letters written in the early Old Russian period or at least are close to the latter. The talk offers an explanation for this phenomenon. It seems to be directly connected to the process of teaching reading in Old Rus' and to the development of a special popular writing system.

Key words: *birch bark letters, orthography, reduced vowels*

Анна Плотникова

Институт славяноведения РАН, Россия

annaplotn@mail.ru

108

Церковнославянская традиция как способ исправления региональной антропонимической лексики у староверов Латгалии*

Исследуется региональная антропонимическая лексика староверов Латгалии, зафиксированная в подаваемых в храме поминальных книжках и записках староверов. Большой корпус имен, используемых прихожанами, представлен в «Пособии к поминальной книжке», которое подробно анализируется в докладе как источник региональной просторечной антропонимической лексики и как инструмент ее исправления с помощью церковнославянской орфографии.

Ключевые слова: *староверы Латгалии, имяна-речение, церковнославянская традиция, диалектные черты, просторечие, поминование*

Тема доклада возникла в связи с обнаруженным во время экспедиции к староверам Латгалии печатным «Пособием к поминальной книжке» [ППК], изданным в Риге и призванным дать прихожанам образец для правильного ведения так называемого персонального поминальника (*поминания*). У староверов Латгалии (регион Даугавпилса, Прейли, Резекне, Лудзы) существует два типа книжечек, которые заполняются от руки: это книжица о посещении ими покаяния (исповеди) и поминальная книжка (помянник), известная также и православным, но имеющая, разумеется,

* Работа выполнена в рамках проекта Российского научного фонда № 16–18–02080 «Русский язык как основа сохранения идентичности старообрядцев Центральной и Юго-Восточной Европы».

свою специфику у старообрядцев. Для правильного заполнения последней в «Пособии» имеются разделы преимущественно прикладного назначения. Тем не менее, во вводной части «О поминовении усопших» даются определения основных атрибутов обряда поминовения, в частности: «Поминание — это небольшая книжка с записанными в ней для молитвенного поминовения именами всех усопших родственников», тогда как «канон — это отдельный листок-вкладыш в поминальную книжку. В канон записываются имена только наиболее близких владельцу поминания людей, кто наиболее дорог» [ППК: 3]. В данном случае термин *канон* получает исключительно региональное значение (ср. диалектные значения лексемы и трансформацию ее семантики в недавней работе [Осипова 2017: 470–472], где *канон* ‘местный праздник’; ‘канун праздника’; ‘день поминовения умерших’; ‘поминки’; ‘первая годовщина со дня чей-либо смерти’ и др.).

109

Раздел «Правила записи церковных имен в поминание и канон» открывается указанием на три строгих ограничения относительно записи имен в поминальную книжку: во-первых, нельзя вписывать имена иноверцев, т. е. людей, не принадлежавших к старообрядчеству, с уточнением о том, что можно указывать усопших только поморского или федосеевского толка. Кроме того, сразу оговаривается условие, при котором церковь совершает христианское погребение: «Нельзя записывать имена умерших без покаяния, некрещеных, самоубийц» [ППК: 7]. В данном случае нельзя не вспомнить о необходимости предоставления наставнику документа (например, книжечки с отметками и штампами о посещении старовером исповеди (*покаяния*) под Пасху, Рождество или записи в журнале, который ведет сам наставник). Третье условие напрямую связано с темой доклада: «Имена, которых нет в старообрядческих святцах, в поминание не записываются» [ППК: 7].

С целью правильного заполнения «поминальных книжек и канонов» для удобства верующих дается внушительный «Полный алфавитный список имен святых, составленный по святцам, Прологам и Четьям-Минеям (в родительном падеже)». Отмечено, что список издается впервые. В дополнение к списку имеется раздел, названный составителями «Список просторечных форм имен святых с их правильным церковным написанием». Этот список представляет собой таблицу, где в левом столбце даются просторечные формы имен, встречающиеся у староверов исследуемого региона (например, *Изот*, *Лифан*, *Маремьяна* и т. д.). Церковное же написание искомых форм (здесь и далее даются справа) свидетельствует о редкости выбора этих имен при крещении, например, у православных (*Изот* — ц.-сл. *Зотик*; *Лифан* — ц.-сл. *Внифантий*; *Маремьяна* — ц.-сл. *Мариамия* и т. д.). Разумеется, этот список намного короче полного, он дается именно для сложных случаев, когда просторечное имя сильно видоизменено и нахождение церковнославянского аналога может вызвать большие затруднения. Соответственно, в этом списке не найдем таких имен, как, например, *Наталья* — *Наталия*, *Надежда* и под., которые, тем не менее, в полном списке даются в церковнославянском написании. От прихожан требуется подавать поминальные книжки или записки, правильно и точно отобразив церковнославянское написание имени, включая диакритические знаки. Как известно, знание церковнославянского языка самими староверами зарубежья осознается как характерная черта идентификации представителей данной этноконфессиональной общности.

По поводу двух приведенных списков следует также отметить, что если в «просторечном» списке и мужские, и женские имена приводятся вместе, то в полном церковнославянском мужские и женские имена даются отдельно сообразно принятой традиции раздельного моления мужчин и женщин в пространстве храма, раздельных

списков вопросов на *покаянии* (исповеди) и т. д. Мужских имен, как и во всех подобных случаях, намного больше, чем женских, например, в «просторечном» — всего 9 из 70. Последовательно применяемый поступок поиска правильного написания имени на церковнославянском может начинаться с приведенного в конце пособия «просторечного» списка, затем верующий может уточнить его правильное написание (в церковнославянской орфографии) в «полном» списке. «Полным» этот список называется, прежде всего, потому, что основан на книжной традиции (календарных именах), тогда как «просторечный» опирается на рукописные документы прихожан ДПЦ Латвии, т. е. на встретившиеся когда-либо составителям пособия реально упоминаемые имена староверов в данном регионе в записках (составленных наспех в хрამе) или даже поминальных книжках.

Диковинные с точки зрения нынешнего времени имена староверов (прежде всего поминаемых старших родственников) возникают, по всей видимости, как маркер староверческой традиции имянаречения, когда ребенку нарекается имя на 8-й день после рождения. Отсюда происходит столь большое разнообразие используемых имен, досконально «выбранных» из святцев на коротком календарном промежутке времени. При этом стараются дать имя, по календарю ближайшее ко дню рождения ребенка (желательно в честь святого, память которого отмечается в этот или следующий после рождения ребенка день; впрочем, отмечен случай имянаречения по святцам на 9-й день после рождения).

Обратившись к «просторечному» списку, замечаем, что в таблице по сути имеем дело с фонетической записью имени в обоих случаях: слева — как отражение в подаваемых поминальных книжках, справа — как «исправление», правильное произнесение, но не написание имени (имена в церковнославянской графике в родительном падеже даются в «полном» списке).

Поэтому неудивительно, что в левом столбце наблюдается отражение таких диалектных черт, как аканье (*Ануфрий* — *Онуфрий*, *Сазон* — *Созонт*), в том числе аканье, возникающее вместе с перемещением ударения и видоизменением основы (*Фатьян* — *Фотий*), метатеза (*Фрол* — *Флор*), замена *ф* на *п* при общем сокращении основы, что характерно для диалектов русского языка в целом (*Пана* — *Афанасий*, *Осип* — *Иосиф*), а также и *ф* на месте *х* (*Малофей* — *Малахия*, *Евтифей* — *Евтихий*, *Евстифей* — *Евсихий*).

Для всего списка в целом характерны явления, типичные для просторечия: упрощение групп согласных в середине имени, нередко с утратой слога (*Ефросин* — *Евфросин*, *Ефимия* — *Евфимия*, *Елферий* — *Елевферий* и т. д.); иногда этот процесс захватывает и ассимиляцию начальной гласной (*Астафий* — *Евстафий*). Многочисленны случаи упрощения групп гласных в начале имени (*Аникий* — *Иоаникий*, *Аким* — *Иоаким*, *Ерон* — *Иерон*, *Ерофей* — *Иерофей* и т. д.). В целом для просторечных, в отличие от церковнославянских, форм имени характерна тенденция к упрощению трудно произносимого слова, в результате чего сокращается «лишняя» гласная в начале имени (*Киндин* — *Акиндин*, *Кипсим* — *Акепсим*, *Ларион* — *Иларион*, *Сидор* — *Исидор*), отпадают окончания на *-ий* (*Панкрат* — *Панкратий*). Короткие имена в святцах, наоборот, могут удлиняться в просторечии: *Минай*, *Миней* — *Мина*, *Силантий* — *Сила*. Видимо, в последних случаях прихожане стремились записать имена в поминальной книжке / записках так, чтобы они были максимально похожи на церковнославянские, по образцу многих других (*Гурий*, *Фотий* и т. п.).

Литература

ППК — Пособие к поминальной книжке. Рига, 2012.

Осипова 2017 — Осипова Е. В. Традиции употребления пива на Русском Севере: этнолингвистический аспект // Славянский альманах. 2017. № 2. С. 463–478.

Anna Plotnikova

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia

annaplotn@mail.ru

Church Slavonic Tradition as a Way of Correcting Regional Anthropological Lexicon of the Old Believers in Latgale

Regional anthropological lexicon of the Old Believers of Latgale is under investigation in the report. We are talking about the lexical units, the names of deceased relatives that are recorded in memorial handwritten books and notes of the Old Believers served in the Church for the commemoration. Large corpus of names used by the parishioners, presented in the “Guide to the memorial book”, which is thoroughly analyzed in the report as a source of regional vernacular anthropological vocabulary and as a tool of correction by bringing traditional forms of the Church Slavonic spelling.

Key words: *the Old Believers of Latgale, naming, Church Slavonic tradition, dialectal traits, vernacular, commemoration*

113

Таня Попович

Белградский университет, Сербия

tanja.popovic19@gmail.com

Slavia Orthodoxa и литература нового времени (XIX–XXI вв.)

Данная работа посвящена вопросам развития славянских культур и литератур, преимущественно в *Slavia Orthodoxa*, в ней сопоставляются взгляды М. М. Бахтина, Р. О. Якобсона, Р. Пиккио, Д. Оболенского, Д. С. Лихачева, Дж. Трифуновича, Б. А. Успенского, И. А. Есаулова и других. Литературы

Slavia Orthodoxa внутренне и исторически образуют особую модель культуры, которой присуще своеобразие развития не только в Средневековье, но и в процессе формирования современной национальной словесности.

Ключевые слова: *Slavia Orthodoxa*, модель культуры, речевые жанры

114

Во второй половине XX века, особенно в структуризме, возникает особый интерес к новому в сравнительном исследовании истории и динамики славянских литератур. В медиевистике важное место занимают положения итальянского ученого Рикардо Пиккио о биполярном процессе развития славянских культур и литератур, участники которого получили наименование *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Romana* [Picchio: 1959]. Если западные славяне развиваются под влиянием католической церкви и латинского языка, то восточные славяне свою культуру и словесность, хотя и создают на основе византийского влияния, однако не на основе древнегреческого языка, а на церковнославянском языке, у истоков которого стоят общеславянские просветители свв. Кирилл и Мефодий. Различные стилистические, жанровые и общественные функции языка были заданы различными модульными системами культур, что оказало огромное влияние на особую динамику развития восточнославянских литератур. Понимание идеологии текста связано с вопросами использования языка, стиля и риторических приемов, причем эти вопросы рассматриваются не с внешней стороны, а с внутренней, имманентно. Библийские цитаты играют семантическую и образовательную роль — с их помощью устанавливается общая семантика текста или *уровни значений* [Picchio 1991; Шпадијер 1996: 365–373].

Добавим, что уже к концу XIX века во французской историографии динамика европейского искусства и культуры рассматривается имманентно, так

как ее периодизация основывается на стилистико-исторических принципах, которые в значительной мере определили значения терминов возрождение, барокко, а позже классицизм, романтизм, реализм и т. д. Сравнительное литературоведение XX столетия и, в первую очередь, Рене Уэллек полагает, что именно взаимообусловленность течения направлений является гарантией целостности и единства европейского наследия, его культуры, искусства, а также литературы [Wellek 1966].

115

Этот тезис порождает важный вопрос в современной славистике: можно литературы *Slavia Orthodoxa* считать частью такого строения европейской традиции, или наоборот, они представляют собой иной мир? [Поповић 2010; Поповић 2013].

К этому вопросу еще в середине XX века обращался Роман Jakobson, указывая, что именно язык — „главное, что объединяет славян“. Общеславянское языковое родство обусловлено родством фонетики, морфологии и синтаксиса. Поэтому в сравнительном изучении славянских литератур естественным было бы сосредоточиться на тех элементах художественного творчества, которые наиболее тесно связаны с языком. Говоря об общих характеристиках поэтики, Jakobson подчеркивает давление языкового материала на литературу: на аллитерацию, на этимологические фигуры (парегемнон, полиптотон, параномазия), схожую структуру стиха (метрических моделей и структуры рифмы). Применив распространенную в то время теорию о взаимообусловленности мифа и языка как на диахроническом, так и синхронном уровне, ученый настаивает на необходимости сравнительного изучения славянского фольклора, поскольку «языковое родство — наиболее отчетливое проявление славянского единства», и, далее, оно «указывает на принадлежность человека к славянскому миру» [Jakobson 1953; Jakobson 1987: 25]. Когда речь идет об общеславянской традиции книжно-

сти, Якобсон обращает внимание на общий характер древнецерковнославянской литературы. Христианское ответвление классической греческой культуры через церковнославянский язык глубоко проникло в славянский мир.

116

В сущности, «главный герой» славянского сравнительного литературоведения — общеславянское наследие и его влияние на славянские литературы в целом. Якобсон выделяет три типа общего наследия: родство славянских языков, общую устную традицию и древнецерковнославянский язык. С точки зрения истории литературы (литературной эволюции), важнейшим фактором межславянского взаимопроникновения оказались две силы — греческая и латинская культуры. Таким образом, частные славянские литературы и общеславянское книжное наследие должны исследоваться в тесной связи друг с другом. Кроме того, славянские литературы также необходимо считать частью общеевропейской (мировой) культурной традиции.

Биполярность мира европейского Средневековья упоминает и британский историк Дмитрий Оболенский для описания византийского содружества наций — *The Byzantine Commonwealth* [Obolensky 1971]. Это содружество, установленное в рамках и под влиянием Византийской империи, представляет собой единство греко-славянских культур. Оболенский подчеркивает космополитизм Восточно-христианской империи, дух которой существенно переняли и другие восточные нации. Он говорит о двух решительных «встречах» славянства с Византией: о переводе священных книг, выполненном свв. Кириллом и Мефодием, и о духовной деятельности Афона, где сообща переводились, переписывались и прочитывались разнообразнейшие славянские и греческие тексты. Духовное единство византийского содружества наций, конечно, было изменчиво, расчленено на отдельные народы и государства, нередко воевавшие между собой. И, тем

не менее, восточному содружеству наций удавалось сохранить «различие в единстве» со второй половины IX и до середины XV века.

Отметим, что существует и иное научное положение, которое актуализует «далёкий контекст понимания». Согласно этому подходу, великие литературные произведения «разбивают грани своего времени», они «как бы перерастают то, чем они были в эпоху своего создания». В процессе «своей посмертной жизни» произведения «обогащаются новыми значениями, новыми смыслами» [Бахтин 1979: 372].

В новейших литературоведческих исследованиях русских ученых подчеркивается своеобразный *христоцентризм*, присущий не только древнерусской словесности, но и русской литературе нового времени. При этом христоцентризм является важнейшим атрибутом христианской культуры как таковой. Годовой литургический цикл ориентирован как раз на события жизни Христа, основными из которых являются Его Рождение и Воскресение. Поэтому важнейшими событиями литургического цикла являются празднование Рождества и Пасхи. Если в западной традиции можно уловить акцент на Рождестве (и, соответственно, говорить о *рождественском* архетипе), то в традиции Восточной Церкви празднование Пасхи остается главным праздником не только в конфессиональном, но и в общекультурном плане, что позволяет высказать гипотезу о наличии особого *пасхального* архетипа и его особой значимости для православной культуры [Есаулов 2012].

Несмотря на различия между отдельными славянскими литературами, процесс взаимопроникновения национальной культуры, языка и письменного наследия всегда происходил по тождественным правилам — был связан с синхронным понятием нации и соотношениями между принципами личного и коллективного идентитета.

Литература

Бахтин 1979 — Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества, М., 1979.

Есаулов 2012 — Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание, СПб.: Алетейя, 2012.

Оболенски 1996 — Оболенски Д. Византијски комонвелт, превод К. Тодоровић, Београд: Просвета, 1996.

Лихачев 1979 — Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979.

Поповић 2010 — Поповић Т. Песници и поклонници, Београд: Службени гласник, 2010, 7–58.

Поповић 2013 — Поповић Т. *Slavia Orthodoxa* // Појмовник упоредне књижевности, ур. Б. Јовић, Т. Брајовић, Институт за књижевност и уметност: Београд, 2013, стр. 315–344.

Поповић 1997 — Поповић Т. Формирање песничких жанрова код православних Словена у XVIII-XIX веку // Зборник Матице српске за славистику, бр. 53, Нови Сад, 1997, 121–134.

Трифуновић 1990 — Трифуновић Ђ. Азбучник српских средњовековних књижевних појмова. Београд: Нолит, 1990.

Трифуновић 2009 — Трифуновић Ђ. Стара српска књижевност. Основи. Београд: Чигоја, 2009.

Успенский 1994 — Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка. М., 1994.

Успенский 2002 — Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI-XVII), М., 2002.

Шпадијер 1996 — Шпадијер И. Проблеми жанра у средњовековној књижевности // Књижевна историја, Београд, 28, 1996, бр. 100, 365–373.

Якобсон 1987 — Якобсон Р. О. Работы по поэтике / ред. М. Л. Гаспаров, М., 1987. С. 23–79.

Curctius 1971 — Curctius E.R. *Zapadnoevropska književnost i latinsko srednjuvekovlje*. Prev. S. Markuš, Zagreb, 1971.

Jakobson 1953 — Jakobson R. The Kernel of Comarative Slavic Literature. // *Harvard Slavic Studies*, I, 1953, 1–64.

Wellek 1963 — Wellek R. *Concepts of Criticism*. New Haven: Yale UP, 1963.

Obolensky 1971 — Obolensky D. The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe, 500–1453. New York: Praeger Publishers, 1971.

Picchio 1959 — Picchio R. Storia della letteratura slava antica. Milan, 1959.

Picchio 1991 — Picchio, R. Letteratura della Slavia ortodossa, Bari, 1991. —

Picchio 1998 — Picchio R. Open Questions in the Study of the 'Orthodox Slavic' and 'Roman Slavic' Variants of Slavic Culture. // Contributi italiani al XII Congresso internazionale degli slavisti. Napoli, 1998. — 119

Tanja Popovic

University of Belgrade, Serbia

tanja.popovic19@gmail.com

***Slavia Orthodoxa* and Modern Literature (XIX-XXI century)**

The paper examines theoretical, methodological and comparative problems related to the studies of literatures of *Slavia Orthodoxa*. Special attention has been focused on different evaluations of this literary method in various scholarly circles, both in the east (Lihachev, Trifunovic, Uspensky, Esaulov), and the west (Picchio, Wellek, Jakobson, Obolensky, etc). Starting from Bakhtin's idea that the history and development of a literary form and expression determine its presence, the paper discusses whether it is possible to talk about *Slavia Orthodoxa* outside the context of the Middle Ages.

Key words: *Slavia Orthodoxa*, cultural model, speech genres

Франческа Ромоли

Университет г. Пизы, Италия

francesca.romoli@unipi.it

Мария Кьяра Ферро

Университет г. Кьети-Пескара, Италия

mariferro76@yahoo.it, maria.ferro@unich.it

Именования и атрибуты Богородицы.

**К созданию многоязычного лексикона религиозных
и философско-богословских слов***

Под углом зрения создания многоязычного лексикона религиозных и философско-богословских слов особое место занимают лексемы и словосочетания, именующие Богородицу или описывающие её характерные свойства (атрибуты). В рамках этого тематического раздела рассматривается ряд выражений семантических полей обручения-женитьбы и света. При анализе каждого термина на основе словарей различной типологии учитывается этимология слова, значение соответствующих ему терминов в разных языках и его итальянский перевод в целях более точного определения семантики и обнаружения адекватных итальянских эквивалентов в данном контексте.

Ключевые слова: *лексикон, религиозная лексика, философско-богословская лексика, именования Богородицы, русско-итальянский перевод, язык культуры*

Философская, религиозная и богословская лексика принадлежит к «интеллектуальному языку» и составляет основной его пласт. В русском литературном языке такая лексика, определенная как «язык культуры»,

* Ф. Ромоли — автор текста тезисов, М. К. Ферро составила аннотацию и ключевые слова.

образует особый функциональный стиль. Для более глубокого понимания необходимо обратиться к греческому, старославянскому и церковнославянскому языкам, от которых она произошла, а чтобы её перевести на западноевропейские языки следует решить вопрос о культурном и конфессиональном различии понятий и контекстов.

Зная о трудностях перевода данной лексики на итальянский язык, мы задумали проект составления многоязычного лексикона (а именно старославянско-церковнославянско-русско-итальянского) религиозных и философско-богословских слов, который бы охватывал следующие семантические области: основные понятия вероисповедания, богословия и христианской морали; именованья и атрибуты Бога и Богородицы, небесной иерархии, дьявола и бесов, библейских персонажей, церковной и монашеской иерархии; названия ликов святости и таинств; элементы церковного календаря; формы и элементы богослужения; предметы богослужения и священническое облачение; иконографические типы и их атрибуты; иконографическую технику; церковную и монастырскую архитектуру.

На настоящий момент составлено около 50 статей, относящихся к агиографии, именованьям и атрибутам Бога, Богородицы и дьявола. Материал был получен из восточнославянской средневековой книжности. Комментарии к каждому термину, созданные с опорой на разные словари (этимологический, греческого, старославянского, церковнославянского, русского, итальянского и латинского языков и др.), включают этимологию слова, его значение в разных языках и итальянский перевод (см. Ferro 2012, Ferro-Romoli 2013, 2014a-b, Romoli 2016).

В рамках тематического раздела «Именованья и атрибуты Богородицы» предлагается рассмотрение ряда выражений, принадлежащих к семантическим полям обручения-женитьбы и света. В частности, будучи

прокомментированы в этимологическом, историко-культурном и переводческом аспектах следующие выражения: (1) ст.-слав., церк.-слав. *(бого)невѣста* / русск. *(бого)невеста*; (2) ст.-слав., церк.-слав., русск. *отроковица*; (3) ст.-слав. *безневѣстънь* / церк.-слав. *безневѣстьная* / русск. *безневестный*; (4) ст.-слав., церк.-слав. *неневѣстъна (-ая)* / русск. *невестная*; (5) ст.-слав., церк.-слав. *браконеискусънь (-ьи)*, ст.-слав., церк.-слав. *неискусобращънь (-ьи)* / русск. *неискусобращный* (атрибуты); (6) ст.-слав. *заря (зоря)* / церк.-слав., русск. *заря*; (7) ст.-слав., церк.-слав. *звѣзда* / русск. *звезда*; (8) ст.-слав., церк.-слав. *свѣтило* / русск. *светило*; (9) ст.-слав., церк.-слав. *свѣтильникъ* / русск. *светильник*; (10) ст.-слав. *свѣѣита (свѣѣца)* / церк.-слав. *свѣѣита (свѣѣца)* / русск. *свеча*; (11) ст.-слав. *свѣѣицникъ (свѣѣицьникъ)* / церк.-слав. *свѣѣицникъ* / русск. *свещник*.

Литература

Ferro 2012 — Ferro M. C. Tradurre i lemmi russi appartenenti al lessico agiografico slavo ecclesiastico. Difficoltà e proposte // Studi Slavistici. Firenze, 2012. IX. Pp. 133–148.

Ferro, Romoli 2013 — Ferro M. C., Romoli F. Gli attributi di Dio. Per una traduzione slavo ecclesiastico-russo-italiano del lessico religioso e teologico-filosofico // Studi Slavistici. Firenze, 2013. X. Pp. 237–248.

Ferro, Romoli 2014a — Ferro M.C., Romoli F. Appellativi e attributi della Madre di Dio. Per un lexicon slavo ecclesiastico-russo-italiano dei termini religiosi // Studi Slavistici. Firenze, 2014. XI. Pp. 99–122.

Ferro, Romoli 2014b — Ferro M.C., Romoli F. Un lexicon slavo ecclesiastico-russo-italiano dei termini religiosi e filosofico-teologici. Presentazione del progetto e primi risultati, con commento degli attributi del diavolo // Stephanos. Moskva, 2014. VII/5. Pp. 96–120.

Romoli 2016 — Romoli F. Studi per un lexicon plurilingue dei termini religiosi e filosofico-teologici. Ancora a proposito degli appellativi e attributi della Madre di Dio // Stephanos. Moskva. 2016. XIX/5. Pp. 26–44.

Francesca Romoli*Università di Pisa, Italia*

francesca.romoli@unipi.it

Maria Chiara Ferro*Università di Chieti-Pescara, Italia*

mariferro76@yahoo.it, maria.ferro@unich.it

123

**Names and Attributes of the Virgin.
Creating a Multilingual Lexicon of Religious
and Philosophical-Theological Words**

In the perspective of creating a multilingual dictionary of religious and philosophical-theological words, lexemes and phrases conveying titles (names) of the Virgin and describing her characteristic properties (attributes) occupy a special place. In this thematic section, authors present their analysis of a number of expressions belonging to the semantic fields of betrothal-marriage and light. The analysis of each term, based on dictionaries of different typology, takes into account the etymology of the word, its meaning in different languages and its Italian translation, aiming at an exact understanding of its proper semantics and at the identification of suitable Italian equivalents in the considered context.

Key words: *lexicon, religious and philosophical-theological words, names of the Virgin, Russian-Italian translation, cultural language*

Елена Рыбникова

Кемеровский государственный институт культуры, Россия
ree-elena@yandex.ru

—
124
—

**Корреляция значений «соборность»
и «совместность» в древнерусском языке
(на материале книжных памятников XI–XIV вв.)**

В статье рассматривается соотношение понятий «совместность» и «соборность» в древнерусском языке, их значимость для формирования древнерусской ментальности в период становления христианской государственности. В центре внимания — онтологическая сущность этих понятий и языковые средства их репрезентации в памятниках письменности XI–XIV вв. Наблюдения делаются на материале книжных памятников разных жанров.

Ключевые слова: *совместность, соборность, ментальность, история русского языка*

Понятия «совместность» и «соборность» являются очень важными для понимания древнерусской ментальности. Они влияли на формирование практически всех сфер бытия наших предков. Для средневекового человека совместная деятельность имела глубокий смысл: люди сообща добывали пищу, коллективно принимали решения после взаимного обсуждения важных вопросов, совершали религиозные обряды, всем миром защищали свою территорию. Значение совместности выделилось на определенном этапе развития человеческого общества из представлений о множественности, поэтому совместная деятельность всегда осуществляется множественным субъектом. Однако «для человека Древней Руси помимо простой совместной деятельности огромное значение имело духовное единение людей друг с другом и с Богом. В этом смысле в

древнерусской ментальности и в древнерусском языке проявляется связь значений совместности и соборности» [Рыбникова, Шунков 2017: 59].

Связь человека с окружающим миром была важной чертой его сознания. Потребности человека со временем становились все разнообразнее и благодаря развитию письменности нашли свою рефлексию в языке, который отразил в памятниках осмысленную совместную деятельность и возникновение духовной культуры. Следовательно, можно предположить, что категория совместности является универсальной, занимает важное место в человеческом сознании как онтологическая категория и находит соответствующее выражение в языке.

На совместность действия в древнерусских памятниках указывают разнообразные языковые средства: лексические (социативные наречия **совокүпъ**, **вкүпъ**, **күпно**), например: **Князи рүстни пондоша вси въкүпъ** (Новг. I л.); морфологические (глаголы **сѣхатися**, **совокүпитися**, **собратися**, особые формы творительного совокүпности, формы двойственного числа), например: **Совокүпишася вся братия в Вышегородѣ** (Новг. I л.), **А новгородци сташа вѣцѣмъ ү святѣи Гофѣи** (Новг. I л.), **Сѣдяста дѣва брата вѣ манастири** (Лавр. л.); синтаксические (локативные и темпоральные обстоятельства, глагольные конструкции с предлогом *с* и творительным падежом имени и др.), например: **Иде Михалко съ братомъ Всеволодомъ на Глѣва** (Лавр. л.), **И затворишася новоторжци вѣ городѣ съ княземъ Ярополкомъ** (Новг. I л.), **Князь бо Глѣвъ и дрүжина его идоша и сташа оү епископа** (Лавр. л.).

Если «совместность» — это способ физического существования наших предков, то «соборность», по мнению русского философа С. Н. Булгакова, — «душа православия» [Булгаков 1991: 145]. Развивая эту мысль, он пишет об «особом соборном состоянии человека,

истинной вере, когда все многообразие духовных и душевных сил человека объединено в живую и стройную цельность его соборной волей, нравственным самопознанием» [Булгаков 1995: 145]. С принятием Христианства «совместность» поднимается на более высокий уровень — духовный, поэтому понятие «соборность» можно считать духовным эквивалентом понятия «совместность». Тем более, что структура слов «совместность» и «соборность» схожа: содержит общий префикс *со* — со значением «совокупности, единения».

Так, в примере **«Бѣ бо ѹже и мы съ всѣмъ славимъ Святѹю Троицѹ»** (Слово о законе и благодати митрополита Илариона) наблюдается духовное единение людей друг с другом и с Богом, целью которого является прославление Святой Троицы. Совместность в данном случае объединяет людей на духовной основе и, как отмечает И. А. Есаулов, «в таком настойчивом присоединении себя к другим христианам, а не в гордом обособлении и замыкании на себе выразилась соборная сущность русского православия» [Есаулов 1995: 33]. Святая Троица, свидетельствуя о единстве Бога-Отца, Бога-Сына и Бога — Святого Духа, их нераздельности, в сущности, является сакральным прообразом православной соборности, смысл которой — единство во множестве. Такое проявление соборности, а именно предельная степень охвата общим действием на духовной основе наблюдается в предложении: **Пондите в мою вѣрѹ и бѹдемъ всѣ какъ одинъ человекъ** (Новг. I л.). В данном примере значение «соборность» превалирует над значением «совместность», поскольку объединяющей основой является не физическое действие, а общность вероисповедания.

Однако в некоторых случаях возможно совмещение двух значений, например, в предложении: **И тако вси вкупѣ отпѣвшише молебень Богоматере и прославиша Бога** (Житие Сергия Радонежского). Взаимосвязь этих значений проявляется в том, что «для древнерусского че-

ловека очень важно было внутреннее согласие, единодушные людей в истине, любви к Богу и друг другу. И в этом случае соборность может пониматься в традиционном христианском значении как церковное единение христиан в любви, вере и жизни. Местоимение «вси» и социативное обстоятельство «вкупѣ» усиливают «соборное» значение всей конструкции» [Рыбникова 2008: 86].

Языковыми маркерами значения «соборности» можно считать лексемы **ѣдиновѣрникъ**, **ѣдиnodушно** / **одиnodушно**, которые позволяют практически однозначно определить значение всей ситуации как единение на духовной основе: **И с нами ѣдиновѣрникъ бѹдѣши** (Лавр. л.), **Вси быша одиnodушно и то 100 мѹжъ** (Новг. I л.). Будучи кальками с греческого языка, эти слова использовались преимущественно в церковнославянском языке для выражения идеи единства с Богом и перед Богом в новой православной Вере. Таким образом, соборность можно считать одним из главных духовных условий единства во множестве, поэтому в славянском средневековом обществе соборность являлась основой как православной религиозности, так и самой жизни. С. Н. Трубецкой, объясняя соборную сущность личного сознания, пишет: «Фактически я по поводу всего держу внутри себя собор со всеми. Сознание не может быть ни безличным, ни единоличным, ибо оно более чем лично, будучи соборным» [Трубецкой 1995: 495–498].

Однако наиболее частотными актуализаторами значений совместности и соборности являются социативные обстоятельства **вмѣстѣ**, **вкупѣ**, **коупно**. Уникальным примером можно считать предложение **Вкупѣ Отець, вкупѣ Сынъ, вкупѣ Дѹхъ Святый есть** (Вместе есть Отец, вместе Сын, вместе Дух Святой) из «Повести временных лет», поскольку в нем воплощены взаимообусловленность и неразрывность значений «совместность» и «соборность». Оно иллюстрирует и близость понятия «соборность» понятию

«совместность», так как «собор» актуализирует идею множественного единства. Конкретно названная каждая часть единого целого (напр., **Трѣю єдиносущну**) и повторение маркера **вкупѣ**, необходимого для указания на совместное пребывание во времени и пространстве, позволяют заключить, что предикат **єсть** относится к каждому из сочетаний и элиминирован в первых двух случаях с целью усиления духовного и пространственного единства Святой Троицы.

Таким образом, анализ языкового материала позволяет сделать вывод о том, что понятия «соборность» и «совместность» представляли две ипостаси понятийной категории совместности: физическую и духовную — что и определяет их взаимообусловленность. Будучи ментальными единицами, они определяли не только образ жизни человека Древней Руси, но и формировали систему ценностей для будущих поколений, что нашло свое выражение в языке, поскольку, по мнению В. Гумбольдта, «сущность языка состоит в том, чтобы отливать в форму мыслей материю мира вещей и явлений» [Гумбольдт 1984: 315].

Литература

Булгаков 1991 — Булгаков С. Н. Православие: Очерки учения Православной церкви. М., 1991.

Гумбольдт 1984 — Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Есаулов 1995 — Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995.

Рыбникова 2008 — Рыбникова Е. Е. Языковая репрезентация значений «совместность» и «соборность» в древнерусском языке // Традиции русской православной культуры в языковой картине мира. Кемерово, 2008.

Рыбникова, Шунков 2017 — Рыбникова Е. Е., Шунков А. В. Функционирование значений «совместность» и «соборность» в истории русского языка (на материале книжных памятников XI–XVII вв.) // Русский язык за рубежом. № 2. М. 2017.

Трубецкой 1995 — Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995.

Хомяков 1995 — Хомяков А. С. Философские и богословские произведения. М., 2013.

Elena Rybnikova

Kemerovo State Institute of Culture, Russia

ree-elena@yandex.ru

—
129
—

**Correlation Values “Comformity” and “Consiliarism”
in the Old Russian Language
(on the Material of the Literary Monuments XI–XIV Centuries)**

The article discusses the relationship between the concepts of comformity and consiliarism in the ancient language, their importance for the formation of the old Russian mentality in the period of formation of the Christian state. The focus is the ontological essence of these concepts and the linguistic means of their representation in the written monuments of XI–XIV century. Observations made on the material of the literary monuments of different genres.

Key words: *comformity, consiliarism, mentality, history of the Russian language*

Наталя Солонська

Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського, Україна

seredata@yandex.ua

**Атрибуційні помітки в «руських книгах» з Галле,
що зберігаються в бібліотеках Києва, як свідчення
їхнього поширення та рецепції**

На основе помет, представленных в экземплярах «русского» перевода «Четырех книг об истинном

христианстве» И. Арндта (Галле, 1735), сохранивших-
ся в библиотеках Киева, в докладе делается попытка
показать степень распространения этих переводов,
язык которых в их рецепции сам Тодорский опреде-
лил как «золотую версию» найденного им «просто-
го» языка.

130

Ключевые слова: *русский и церковнославянский у православных славян, «простой» язык, XVIII век, Симеон Тодорский*

Головним досягненням перебування Симеона Тодорського в Галле (1729–1735) стали його переклади релігійної душоцілющої літератури з німецької на «руську» мову, виконані у межах місіонерсько-просвітницької діяльності пієтистів. Основний і центральний текст становить *Чтири книги в истинномъ Христианствѣ* Йоганна Арндта. У різні міста Росії, Інгерманландії та Ліфляндії з Галле було послано 1237 примірників цього перекладу. У бібліотеках Санкт-Петербурга та Москви до сьогодні зберігаються «руські книги» з Галле, які містять помітки читачів та власників (Вукова 1966), попри те, що їх було заборонено в Росії у 1743 році.

Від'їжджаючи з Галле на батьківщину до Києва, де Тодорський здобуває посаду професора Духовної Академії, він узяв із собою значну кількість «руського Арндта». На підставі поміток, наявних у примірниках, що збереглися в бібліотеках Києва, у доповіді здійснено спробу показати ступінь поширення перекладів, мову яких у їхній рецепції сам Тодорський визначив як «золоту версію» винайденої ним «простої» мови.

Natalia Solonska

Vernadsky National Library of Ukraine, Ukraine

seredata@yandex.ua

**Attributional notes in the «Russian books» from Halle,
which are being kept in Kievan libraries as witnesses
of their dissemination and reception**

—
131

On the basis of the notes, placed in the copies of the «Russian» translation of the „Four Books on True Christianity“ by J. Arndt (Halle, 1735), which have been preserved in Kievan libraries, an attempt will be made to present the degree of dissemination of these translations. Against the background of their reception, Todorsky himself has characterised their language as the „golden version“ of the „simple“ language.

Key words: *Russian and Church Slavonic amongst the orthodox slavs, 18th century, Simeon Todorsky*

Витторно С. Томеллери

Государственный университет г. Мачерата, Италия

springfield66@hotmail.com

**Апостольский символ веры (Symbolum Apostolorum)
в церковнославянском переводе Дм. Герасимова**

В докладе рассматривается церковнославянский перевод латинского Апостольского символа веры с толкованиями, выполненный известным новгородским переводчиком Дмитрием Герасимовым в первой половине XVI века.

Славянский перевод состоит из четырех частей: 1) краткое введение, в котором объясняются разные значения термина “символ”; 2) заметка о четырех символах веры, используемых в Христианской церкви: это

Апостольский символ, Никео-Константинопольский символ, Афанасьевский символ, к которым добавлен четвертый, (*Symbolum iuris*); 3) текст Апостольского символа и 4) толкования к нему в вопросо-ответной форме. Первая и вторая части, восходящие к латинским средневековым лексикографическим сочинениям, свидетельствуют о способе работы Дмитрия Герасимова, снабжавшего труднопереводимые слова комментариями лексического характера, взятыми из латинских источников.

В докладе даются сведения о сложной традиции латинского текста, обсуждается вопрос о разных источниках, использованных переводчиком, и кратко описываются некоторые текстологические и лингвистические особенности славянского текста.

Ключевые слова: *Апостольский символ веры, латинская традиция, церковнославянский перевод, Дмитрий Герасимов, Бруно Вюрцбургский.*

Vittorio S. Tomelleri

Macerata State University, Italy
springfield66@hotmail.com

The Apostles' Creed (*Symbolum Apostolorum*) in the Church Slavonic Translation by Dm. Gerasimov

In the present paper the Church Slavonic translation of the Latin Apostles' Creed with commentary, made by the famous Novgorodian translator Dmitriy Gerasimov in the first half of the 16th century, is analysed.

The Slavonic translation consists of four parts: 1) a short introduction, where the different meanings of the term "Simvol" are explained; 2) a note on the Creeds used in the Christian Church, namely the Apostles' Creed, the Nicene-Constantinopolitan Creed and the Athanasian Creed, to which a fourth *Symbolum* (*Symbolum iuris*) is added; 3) the

text of the Apostles' Creed and 4) the question-and-answer commentary on it. The first and second parts, going back to Latin medieval lexicographical works, testify to the translation technique adopted by Dm. Gerasimov, who used to explain hard-to-translate terms with lexical commentaries, taken from Latin sources.

The paper provides some information about the complicated transmission of the Latin text, discusses the different sources used by the translator and, finally, describes some textual and linguistic features of the Slavonic text.

Keywords: *Apostles' Creed, Latin tradition, Church Slavonic translation, Dmitry Gerasimov, Bruno of Würzburg.*

133

Роман Фишер

Австрия

roman.ernestowitsch@yahoo.de

Патриарх Фотий, значение его деятельности для славянского православного культурного пространства

Патриарх Фотий, управлявший Константинопольской патриархией в период с 858 до 867 и с 877 до 886 года соединяет в себе архиерея и учёного. Его личность до сих пор символизирует положительное отношение православной веры к научной деятельности. Направляя миссионеров в Моравию и Болгарию и поддерживая перевод церковных книг на славянский язык, он сделал возможной христианизацию славян и передачу византийской культуры славянским народам. Во время правления Фотия серьёзную угрозу единству церкви представляло появление Лжеисидоровских декреталий, когда дело дошло до взаимного отлучения от церкви папы Римского и патриарха Константинопольского. Благодаря успешной дипломатической деятельности Фотия этот конфликт был улажен.

Ключевые слова: *Патриарх Фотий, история IX века, византийский гуманизм, христианизация славян, Четвёртый Константинопольский собор*

134

Фотий был одним из самых выдающихся Константинопольских патриархов, и тот факт, что в IX веке на Константинопольской патриаршей кафедре был такой превосходный богослов, филолог, философ, естествоиспытатель, врач и дипломат, до сих пор имеет значение для славянского православного культурного пространства. Патриарх Фотий был человеком IX века. Чтобы лучше понимать мотивы его деятельности, следует вначале рассмотреть главные события и тенденции этого века: восстановление военных и экономических сил Византийской империи, вторую эпоху иконоборчества и его преодоление византийским гуманизмом, новые разногласия в Константинопольской церкви, интерес славянских князей и болгарских ханов к христианству, появление Лжеисидоровских декреталий, которые как фундамент идеологии папской теократии имели далеко идущие последствия для истории средних веков.

В детстве и юности Фотий пережил возвращение иконоборчества. После преодоления иконоборчества в 843 году семья Фотия стала одной из самых влиятельных в Константинополе. Молодой Фотий поступил на государственную службу. Одновременно с деятельностью государственного чиновника для него началась и карьера преподавателя и учёного. Фотий был наставником молодого императора Михаила III при царском дворе, он читал лекции в обновленном Константинопольском университете, который размещался в Магнавском дворце и в Патриаршей академии. В 857 году Фотий считался самым выдающимся богословом Византийской империи.

В 858 году с патриаршего престола был низложен и отправлен в ссылку патриарх Игнатий, а избирательный собор, рассмотрев несколько кандидатов, решил

избрать патриархом мирянина Фотия как самого достойного. После возведения Фотия на патриарший престол возникла смута, так как монахи не одобряли замену монаха Игнатия мирянином Фотием. Фотий много претерпел от нападков своих противников в Константинопольской церкви, от произвола византийских императоров и от вмешательства Римских пап, но в конце его правления Константинопольская церковь обрела единство.

Патриарх Фотий соединил в себе архиерея и учёного, его личность до сих пор символизирует отношение православной веры к научной деятельности. Фотий не только для нас имеет великие заслуги в сохранении античной литературы, но он показал, как православный христианин может заниматься античной литературой и философией без искажения православной веры. Он сочетал античную философию с богословием по принципу доминирующей позиции богословия, которое пользуется философскими знаниями. До наших дней новые научные познания не угрожают православной вере, а православная церковь рассматривает научную деятельность как путь к познанию Бога.

Другой заслугой Фотия было преодоление разногласий внутри Константинопольской церкви между образованными богословами в рядах белого духовенства и монашеством по вопросу строгого или умеренного применения церковных канонов. Патриарх Фотий предотвратил превращение православной церкви в изолированную организацию строгих монахов и малых общин, так называемых «избранных». Патриарх Фотий продолжал путь Иустина Философа (100–166) и отцов церкви IV века, которые строили Церковь для всех слоёв общества, в том числе и образованных.

Фотий, направляя миссионеров в Моравию и Болгарию и поддерживая перевод церковных книг на славянский язык, сделал возможной христианизацию славян и передачу византийской культуры славянским народам.

Без деятельности Фотия сегодня православная церковь была бы только малой, национальной церковью греков, а славянская культура не была бы такой богатой.

К сожалению, успех Фотия в своей борьбе за единство вселенской Церкви был лишь временным. Раскол Церкви берёт свое начало уже в VIII веке в изъятии нескольких провинций из папской юрисдикции императором Львом III и союзом Римских пап с франкскими королями. Во время правления Фотия серьезную угрозу единству церкви представляли Лжеисидоровские декреталии, конфликт дошёл тогда до взаимного отлучения от церкви папы Римского и патриарха Константинопольского. Благодаря усилиям Фотия раздор был улажен, и под председательством этого патриарха церковь провела свой последний вселенский собор. К сожалению, Фотий не смог предотвратить более позднего раскола между Римскими папами и Константинопольскими патриархами.

Патриарх Фотий умер около 891 года. Через почти двести лет имя патриарха Фотия было внесено в Синодик Православия.

Литература

Aleš, Pavel. *Cirkevné Dejiny III, Kresťanský Východ a Zapad do roku 1453*, Prešov 2003.

Franzen, August und Bäuml, Remigius. *Papstgeschichte, Das Petrusamt in seiner Idee und in seiner geschichtlichen Verwirklichung in der Kirche*, Freiburg im Breisgau 1974.

Norwich, John J. *Byzanz, Aufstieg und Fall eines Weltreiches*, 1. Auflage, Belin 2006

Pružinský, Štefan. *Byzantská Teológia, I. História*, Prešov 1998.

Riché, Pierre. *Die Karolinger*, aus dem Französischen übersetzt von Cornelia und Ulf Dirlmeier, Stuttgart 1997.

Šafin, Ján. *Od Konštantína I po Konštantína XI. Z Dejín Byzantského Myslenia*, Prešov 2004.

Treagold, Warren T. (1997). *A History of Byzantine State and Society*, Stanford, CA: Stanford University Press.

Treagold, Warren T. (2001). *A History of Byzantine State and Society*, Stanford, CA: Stanford University Press.

Стефанов, Иван. *Правила на Светата Православна Църква*. Второ издание. Света Гора Атон, 2004.

Филипьев, инок Всеволод. *Путь Святых Отцов, учебник патрологии, окончание, в Троицком Православном Русском Календаре на 2004 год*, Джорданвилл, 2004.

137

Roman Fischer

Austria

roman.ernestowitsch@yahoo.de

Patriarch Photius and the Significance of His Lifetime Achievement for the Slavic Orthodox Cultural Space

Patriarch Photius, who ruled the Patriarchy of Constantinople from 858 until 867 and again from 877 until 886 was not only an ecclesiastical dignitary but also an excellent scientist. Until today the positive attitude of the Orthodox Church towards science fostered by him is valid. By sending missionaries to Moravia and Bulgaria he kicked off the Christianization of the Slavic peoples which brought also the Byzantine culture to them. Using his extraordinary diplomatic skills he prevented the threatening division of the church arising from the Pseudo-Isidorian Decretals.

Key words: *Patriarch Photius, history of the 9th century, Byzantine humanism, Fourth Council of Constantinople*

Антон Циммерлинг

*Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина /
Московский педагогический государственный университет /
Институт языкознания Российской академии наук, Россия*
fagraey64@hotmail.com

138

**Предикативы и дативно-предикативные предложения
в старославянском и древнерусском языках***

Рассматривается класс предикативов, допускающих дативно-предикативные структуры (ДПС), в старославянском и древнерусском языках, и строится онтология конструкции ДПС. От дативно-инфинитивных структур, где вершиной является инфинитив, предложения ДПС отличаются в трех отношениях: а) они выражают предикатное значение внутреннего состояния; б) семантический субъект должен быть одушевленным; в) подъем аргумента из инфинитивной клаузы в главную невозможен.

Ключевые слова: *предикативы, дательный падеж, старославянский язык, древнерусский язык*

1. Конструкция ДПС.

Одной из характерных особенностей славянских языков является связочная конструкция с несогласуемым именным предикативом, где семантический субъект оформлен дат. п. (дативно-предикативная структура, ДПС). Класс предикативов ДПС лучше всего описан на материале русского [Циммерлинг 2017] и болгарского языков [Градинарова 2010], но предложения ДПС есть в большинстве современных славянских языков [Мразек 1987: 108–115]. Конструкция ДПС, с высокой вероятностью, сформировалась в праславянский период, она зафиксирована в разных частях славянского ареала и

* Работа написана при поддержке проекта РФФИ 17-04-00444 «Грамматические категории в структуре клаузы».

широко представлена в старославянских, древнеболгарских и древнерусских памятниках. Та же конструкция известна из древнескандинавского [Циммерлинг 2010], но в данном случае неясно, имеем ли мы дело с индоевропейским наследием или с параллельным развитием.

Парадигматический статус конструкции ДПС определяется тем, в какой мере за ней закреплено выражение предикатных значений определенного типа. Корреляция между семантикой и синтаксисом измеряется с учетом объема и условий пополнения класса предикативов ДПС, а также круга покрываемых ими лексических значений. Старославянские и древнерусские предикативы ДПС описаны с разной степенью точности. В классической работе [Ходова 1980: 240–253] перечислены все употребления ДПС и даны их переводные эквиваленты. В [Златанова 1990: 58–68] к списку К. И. Ходовой добавлены предикативы, встречающиеся в древнеболгарских памятниках XI в. Аналогичной работы для древнерусских памятников нет, а Словарь русского языка XI–XVII вв. [СРЯ 1975] не использует помет «пред.» и «пред. ДПС», что затрудняет поиск. В обзорных работах предикативы ДПС и предикативы без внешне выраженного семантического субъекта даются общим списком; так же поступают и К. И. Ходова с Р. Златановой, но при небольшом объеме памятников они отмечают все употребления ДПС. Такая практика поддерживается убеждением в том, что заполнение валентности на дат. п. при предикативе факультативно. При предикативах ДПС типа *Х-у было Z-во* обычно возможны употребления типа *было Z-во*, но в обратную сторону импликация не действует: на основе контекста *было Z-во* предсказать наличие валентности на дат. п. лица нельзя, ср. рус. *было пыльно*, *было абсурдно делать Р* при запрете на **Мне было пыльно*, **Мне было абсурдно делать Р*. Поэтому об объеме класса ДПС в любом языке и у любого автора нужно судить по тем предложениям, где позиция дат. п. лица при предикативе заполнена.

Отдельная проблема, возникающая при сравнении древнерусских и старославянских предикативов, состоит в том, что почти все старославянские предикативы ДПС отражены в церковнославянских памятниках, в том числе, в памятниках старорусского периода, в то время как часть древнерусских предикативов, ср. *жаль, надобѣ, вольно*, отсутствует в старославянском. Разные морфологические варианты реализации корней предикативов, ср. др.рус. *годѣно, угождѣно*, ст.сл. *оугождѣно*, др.болг. *годѣ*, следует рассматривать как разные единицы. Ст.сл. *оугождѣно* не встречается в ДПС, для др.болг. *годѣ* (Шест. 224а. 13–15) и др.рус. *угождѣно* такие употребления зафиксированы, ср. Оже **ти не угождѣно** държати Новгорода сыномъ, а въда ны брать (ІНПЛ, л. 94 об).

2. Онтология конструкции ДПС в старославянском языке.

Следует разграничивать семантический вариант конструкции ДПС, т. е. значение внутреннего состояния, соотношенного с одушевленным субъектом [Поспелов 1955], и онтологию конструкции, т. е. набор покрываемых ею денотативных ситуаций. Шаг в этом направлении сделан уже в классификации К. И. Ходовой, которая ориентирована не на лексемы, а на выражаемые смыслы, ср.: «отмечается своеобразная междуразрядная омонимия предикативов. Так, предикатив *добро*, употребляясь в зн. ‘счастливо, благополучно’, выражает эмоциональную окраску действия, а в значении ‘годно, уместно’ — морально-этическую оценку» [Ходова 1980: 239]. Однако четырех таксономических групп для описания онтологии ДПС недостаточно, а значение ‘морально-этической оценки’ выделено неверно. Значения типа рус. *Х-у стыдно, зазорно, грех делать Р* на базе старославянской конструкции ДПС вообще не выражаются, а примеры типа *добрѣе есть единомуу чловѣку оумьрѣти за люди* (И. XVIII, 14 Зогр.) вне контекста, скорее, неоднозначны, чем многозначны. Они либо передают оценочное значение ‘лучше, когда один человек умирает за всех людей’,

и в этом случае не являются предложениями ДПС — дат. п. при таком чтении относится к инфинитиву *оумьръгъти*, а не к предикативу *добръге*, либо модальное значение ‘самому X-у больше подходит умереть за всех людей’. В [Циммерлинг 2017] онтология конструкции ДПС в современном русском языке представлена в виде 15 классов ситуаций, на которые ориентированы группы предикатной лексики. Для русского языка тестировался словник из 342 предикативов ДПС (суммарная емкость 15 классов), средний объем активного словаря ДПС у носителя современного русского языка по итогам эксперимента составил 244 единицы. Применив эту онтологию к старославянским и древнеболгарским предложениям ДПС, мы выяснили, что в данный период ненулевое заполнение имели 9 классов из 15.

141

Онтология конструкции ДПС в современном русском и старославянском языках (с учетом древнеболгарских текстов XI в.)

	Классы ситуаций	Пример	Рус.	Ст. сл.
1	Физические состояния	X-у холодно, плохо ₁ , НЕ ПО СЕБЕ.	27	1
2	Модальности	X-у НАДО, неприлично, ПОРА.	44	23
3	Эмоциональные состояния	X-у грустно, НЕ ПО ДУШЕ.	57	8
4	Моральные оценки	X-у стыдно, ГРЕХ.	16	0
5	Удобство исполнения	X-у удобно ₁ , сподручно.	8	3
6	Уместность	X-у уместно.	13	0
7	Внутренняя потребность	X-у НЕВМОГОТУ, ПОТРЕБНО.	7	0
8	(Не) соответствие задаче	X-у ВПОРУ, жирно, ЛЕНЬ.	11	1
9	Трудность выполнения	X-у трудно, нелегко.	10	7
10	(Не) желание выполнять	X-у ОХОТА, НЕОХОТА.	9	0
11	Общая оценка	X-у хорошо, плохо ₁ .	41	6
12	(Не) релевантность	X-у важно, НАПЛЕВАТЬ.	16	0
13	Эффективность	X-у вредно, полезно.	6	4
14	Сенсорные и интеллектуальные реакции	X-у видно, слышно, ясно, известно, любопытно.	25	5
15	Параметризуемый признак	X-у темно, велик’о, ПО ПОЯС.	52	0
	Всего:		342	58

Старославянская конструкция ДПС, как показывает рис. 1, в отличие от современной русской, ориентирована на модальности (класс 2), а не на обозначения физических и эмоциональных состояний (классы 1 и 3), а продуктивные в современном языке классы 15, 12 и 4 в ней не заполнены.

3. Конструкция ДПС и дативно-инфинитивные предложения.

В современном русском и в древнерусском языках предложения ДПС могут быть омонимичны дативно-инфинитивным структурам (ДИС), где вершиной является инфинитив. Главные отличия между конструкциями состоят в следующем: 1) предложения ДИС не имеют значения состояния; 2) в ДИС нет ограничения на одушевленность субъекта; 3) в предложениях ДИС аргумент в дат. п. может переноситься из инфинитивной клаузы в главную. Ср. примеры (1) и (2), структура ДИС (2а) является трансформацией финитного предложения (2б):

(1) др.рус. Се у васѣ нѣту владыкы, а не лѣпо быти граду сему безѣ владыцѣ (ІНПЛ л. 108 об).

(2) рус. а. Нехорошо [_{InfP} **городу** быть без епископа].

б. Нехорошо, [_{CP} когда **город** без епископа].

Предложения ДПС требуют одушевленного субъекта, выражают значение внутреннего состояния и не допускают подъем аргумента инфинитивной клаузы. Поэтому ДПС и ДИС не могут быть вариантами одной структуры. Тем не менее, есть предикативы типа *лѣпо*, которые дают и предложения ДИС, и предложения ДПС, расширенные инфинитивом. Это поддерживает омонимию структур типа (3а-б), где аргумент в дат. п. является одушевленным. В зачине «Слова о Полку Игореве» *лѣпо* может быть либо предикативом ДПС, относящимся к глаголу *бѣшетъ* 'было' в главной клаузе [_{CP} *бѣшетъ лѣпо* [_{InfP} *начяти трудныхъ повѣстѣи*]], либо наречием

образа действия, относящимся к инфинитиву *начяти* —
[_{VP} *бяшетъ* [_{InfP} *лѣпо начяти трудныхъ повѣстѣи*]].

(3) др.рус.

а. Не **лѣпо**-PRED ли **ны**_{DAT} *бяшетъ*_{3SG.IMP} *братѣ*, [_{InfP} *начяти* старыми словесы трудныхъ повѣстѣи о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславичя?] (ДПС)

б. Не **лѣпо**-ADV_i ли **ны**_{DAT} *бяшетъ*_{3SG.IMP} *братѣ*, [_{InfP} **начяти**_i старыми словесы трудныхъ повѣстѣи...]? (ДИС).

143

Мы полагаем, что (3) — случай неразрешимой синтаксической омонимии. С одной стороны, есть бесспорные примеры употребления *лѣпо* как предикатива ДПС: ст.сл. *сице бо лѣпо кѣсть намъ* исправить вьсѣхъ правдѣж (Супр. 416, 19), ср. также (Клоц 6 а 34; Супр. 404, 8; 137, 1; 262, 14; 355, 17; 396, 21; 87; 2; 66, 6–7) [Ходова 1980: 242]. С другой, механизм выноса элемента из инфинитивного оборота и помещения его после начального отрицания засвидетельствован многими старославянскими и древнерусскими примерами [Зализняк, Падучева 2013: 297–300]. Если гипотеза о несводимости конструкций ДПС и ДИС верна, следует заключить, что предложения ДПС запрещают не только подъем дативного аргумента, но и вынос наречия.

Литература

Градинарова 2010a — Градинарова А. А. Безличные конструкции с дательным субъекта и предикативом на –о в русском и болгарском языках // Болгарская русистика. 2010. No. 3–4. С. 34–55.

Златанова 1990 — Златанова Р. Структура на простото изречение в книжовния старобългарски език. София, 1990.

Зализняк, Падучева 2013 — Зализняк А. А., Падучева Е. В. Об инициальном отрицании в древнерусском и старославянском // Е. В. Падучева. Русское отрицательное предложение. М.: ЯСК, 2013. С. 290–303.

Мразек 1987 — Мразек Р. Сравнительный синтаксис славянских литературных языков. Исходные структуры простого предложения. Brno: Univerzita J. E. Purkyně v Brně, 1987.

Поспелов 1955 — Поспелов Н. С. В защиту категории состояния // Вопросы языкознания, 1955, № 2. С. 55–65.

СРЯ 1975 — Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: ИРЯ РАН. 1975–.

Ходова 1980 — Ходова К. И. Простое предложение в старославянском языке. М.: Наука, 1980.

Циммерлинг 2010 — Циммерлинг А. В. Именные предикативы и дативные предложения в европейских языках // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 9 (16). Материалы международной конференции «Диалог 2010». М., 2010. С. 549–558.

Циммерлинг 2017a — Циммерлинг А. В. Русские предикативы в зеркале эксперимента и корпусной грамматики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, вып. 15 (23). Материалы международной конференции «Диалог 2017». М., 2017. Т. 2. С. 466–482.

Anton Zimmerling

Pushkin State Russian Language Institute /

Moscow State Pedagogical University /

The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Russia

fagraey64@hotmail.com

Dative predicatives and dative sentence patterns in Old Church Slavonic and Old Russian

This paper discusses Old Church Slavonic and Old Russian non-agreeing predicatives licensing dative-predicative-structures (DPS) and compares the ontologies of the DPS construction in Old Church Slavonic vs Modern Russian. DPS sentences differ from dative-infinitive-structures, where the infinitive is the head, in three respects: a) they

are stage-level predicates; b) the dative subject must be animate; c) raising of elements from infinitival clauses into matrix clause is not permitted.

Key words: *predicatives, dative case, Old Church Slavonic, Old Russian*

145

Татьяна Челбаева

Галле-Виттенбергский университет им. Мартина Лютера, Германия
tatjana.chelbaeva@slavistik.uni-halle.de

К предыстории первой грамматики русского языка Г. В. Лудольфа («Grammatica Russica», Оксфорд 1696)

В университетской библиотеке города Йены хранится экземпляр грамматики Мелетия Смотрицкого 1619 года. На полях книги содержится множество помет — как перевод основных терминов грамматики на латинский язык, так и пояснения к тексту, цитаты из других сборников, орфографические исправления. Авторство большинства записей с большой долей вероятности принадлежит Хиобу Лудольфу (1624–1704), известному ориенталисту и дяде Генриха Вильгельма Лудольфа (1655–1712) — автора первой грамматики русского языка «Grammatica Russica» (Оксфорд 1696). Роли Хиоба Лудольфа как слависта в создании первой русской грамматики посвящен предлагаемый доклад.

Ключевые слова: *Хиоб Лудольф, Генрих Вильгельм Лудольф, немецко-русские отношения в XVII веке, первая грамматика русского языка*

В университетской библиотеке города Йены хранится экземпляр грамматики Мелетия Смотрицкого 1619 года. На полях книги содержится множество помет: как перевод основных терминов грамматики на латин-

ский язык, так и пояснения к тексту, цитаты из других сборников, орфографические исправления. Авторство большинства записей с большой долей вероятности принадлежит Хиобу Лудольфу (1624–1704), известному ориенталисту. Хиоб Лудольф, знавший более двадцати языков, в том числе и славянские, занимался изучением русского языка во второй половине XVII века. Этому способствовала и его служба секретарем у герцога Саксен-Готского Эрнста I — Лудольф отвечал за переписку с русским царским двором.

Хиоб Лудольф имеет также непосредственное отношение к творчеству автора первой печатной грамматики русского языка, Генриха Вильгельма Лудольфа („Grammatica Russica“, Oxford 1696), которому он приходился дядей, к пиетисту Августу Герману Франке и его миссионерским проектам, получившим развитие позднее, уже в XVIII веке.

Деятельности Хиоба Лудольфа как слависта и его роли в создании первой русской грамматики Генриха Вильгельма Лудольфа посвящен предлагаемый доклад.

Tatjana Chelbaeva

Martin Luther University Halle-Wittenberg, Germany

tatjana.chelbaeva@slavistik.uni-halle.de

On the History of the First Grammar of the Russian Language by H. W. Ludolf (“Grammatica Russica”, Oxford 1696)

In the university library of the city of Jena a copy of Melety Smotrytsky’s 1619 grammar is kept. The margins of the book contain a lot of labels: as well translations of the basic terms of the grammar into Latin as well as explanations for the text, quotes from other collections, spelling corrections. The authorship of most of the records belongs to Hiob Ludolf (1624–1704), a prominent orientalist, and Henry Wilhelm Ludolf’s uncle — the author of the first

grammar of the Russian language, the “Grammatica Russica” (Oxford 1696). This report is devoted to Hiob Ludolf as a Slavist in the creation of the first Russian grammar.

Key words: *Hiob Ludolf, Heinrich Wilhelm Ludolf, German-Russian relations in the 17th century, the first Russian grammar*

Ольга Чумичева

Центр Восточнохристианской культуры, Россия

bening@mail.ru

Максим Грек об иконах: особенности присвоения идей в русской культуре

Идеи Максима Грека относительно иконопочитания, иконографии и аллегорий в искусстве оказались весьма новыми и важными для русской аудитории. Они сохранились в виде небольших статей и заметок по конкретным иконографическим сюжетам, в пересказе собеседников афонского книжника, а также в виде пространных статей, авторство которых было приписано Максиму Греку. В докладе будет определен круг подлинных текстов и высказываний Максима Грека, показаны причины появления псевдоэпиграфов и охарактеризовано влияние его идей на русскую богословскую культуру XVI в. и отчасти позже.

Ключевые слова: *Россия XVI века, иконопочитание, Максим Грек, иконография, религиозные споры, восприятие иконы, рукописная традиция*

В обширном наследии Максима Грека тема иконопочитания и иконографические сюжеты занимают довольно малое место, если судить по объему текста. Однако обращение к этим коротким сочинениям позволяет по-новому взглянуть на некоторые серьезные

проблемы, волновавшие русское общество XVI в. Следует отметить и тот факт, что рассуждения Максима Грека на данную тему никогда не становились предметом исследования. Обычно приводятся лишь короткие цитаты в работах, косвенно затрагивающих взгляды афонского старца. Единственной специальной статьей по некоторым аспектам этой темы была публикация автора данного доклада [Cumiceva 2010].

По содержанию статьи, подписанные в рукописной традиции именем Максима Грека по теме иконопочитания и иконографии, можно разделить на две группы. К первой относится «Слово о поклонении святых икон» — согласно Соловецкому собранию, «против еретиков», согласно Румянцевскому, против «иконоборца Лютера»; и «Сказание о святых иконах». Однако «Сказание...» является поздним псевдоэпиграфом, составленным на основе «Стоглава». А «Слово о поклонении...» было задолго до приезда Максима Грека в Россию использовано также Иосифом Волоцким, старцем Артемием и, вероятно, представляет собой перевод с греческого. В исследовательской литературе с этим сочинением связано немало путаницы, поэтому оно требует дополнительного текстологического изучения. Этот текст был включен в прижизненный Румянцевский сборник Максима Грека, а затем не раз переписывался и в составе больших собраний, и отдельно. Его высоко ценили старообрядцы. Однако и это псевдоэпиграф.

Ко второй группе сочинений относятся короткие статьи по частным вопросам иконографии (о них шла речь в указанной выше публикации автора доклада). Но это, безусловно, подлинные тексты Максима Грека, открывавшие русским слушателям и читателям понятие аллегорий в религиозном искусстве и иллюстрировавшие его на нескольких примерах.

Помимо этого, мы должны учитывать и рассказ Дмитрия Герасимова, переводчика, работавшего с Максимом Греком, о том, как афонский монах оценил

толкование сложной аллегорической композиции «Ты еси иерей вовек по чину Мелхиседекову», вызвавшей серьезные возражения у новгородского архиепископа Геннадия в самом конце XV в. Пересказ Дмитрия Герасимова можно признать аутентичным: и в силу личного короткого знакомства с Максимом, и в силу некоторых особенностей самого рассказа, передающего не только факты, но и реакции Максима, в частности, его уклончивость в одном особенно остром моменте.

—
149
—

Таким образом, перед нами стоят три задачи: оценить идеи, высказанные Максимом Греком; оценить идеи, приписанные ему, и сравнить их с позициями самого афонского монаха; проследить влияние его истинных и мнимых идей на русскую традицию дискуссий по иконографическим вопросам. Среди ключевых точек таких дискуссий следует назвать собор на Ивана Висковатого, сочинение Зиновия Отенского и его полемику против ереси Феодосия Косого, защиту иконопочитания в польско-литовских землях Артемием, печатный сборник 1647 г. о почитании икон и мнение старообрядцев. Понятие аллегории прочно вошло в XVI–XVII веках и в теоретический обиход русских книжников и иконников, и в практику иконописания, упомянутые Максимом сюжеты сохраняли актуальность. Главная проблема усвоения идей Максима Грека русскими книжниками заключалась в том, что тонкость его анализа оказалась не принятой в полном объеме, его читатели предпочитали более прямые и «лобовые» толкования. С другой стороны, авторитет Максима использовался для подкрепления базовых идей иконопочитания, которые он, несомненно, разделял, как любой грамотный православный человек, но о которых нигде не писал и не говорил напрямую. Таким образом, все ссылались на мнение Максима Грека, но одни сокращали его аргументы, другие приписывали ему собственные воззрения, и лишь немногие усваивали ключевые идеи. Наибольшую трудность

представляло собой понятие аллегории и ее роль в религиозном визуальном искусстве. Потребность в аллегориях была несомненной, но как ограничить набор приемлемых образов, как толковать их, — это оказалось серьезной проблемой, оказавшейся в центре многих богословских споров с середины XVI века и до самого конца XVII века. Однако изучение ключевых идей Максима Грека об иконописании позволяет по-новому оценить последующие события русской церковной жизни.

Литература

Cumiceva 2010 — Cumiceva O. V. Massimo il Greco sull'iconografia // Studi slavistici, VII. 2010. Pp 385–394.

Olga Chumicheva

Centre for East Christian Culture, Russia

bening@mail.ru

Maxim the Greek on Icons:

Peculiarities of Reception of Ideas in Russian Culture

Ideas of Maxim the Greek on icon veneration, iconography and the role of allegories in art were quite new and important for his Russian public. They were kept in the form of some short articles and notes on specific icon topics, as well as in the retelling of his interlocutors, and in some more vast texts which were doubtfully written by Maxim the Greek at all. In the report, there will be a survey of sources, some ideas on the origin of his pseudo-epigraphs, and a characteristic of his influence on Russian theological culture of the sixteenth century and later in the named field.

Key words: *sixteenth century Russia, icon veneration, Maxim the Greek, iconography, religious disputes, icon and its public, manuscript tradition*

Ирена Шпадиер

Белградский университет, Сербия

i.spadijer@gmail.com

Старое о новом —

речь Средневековья и современная культура

—
151

Специфика средневекового искусства (литературы) в сравнении с более поздним художественным творчеством давно известна и не раз обсуждалась в науке. Средневековая система жанров, отношение к оригинальности, принцип авторства, понятие времени и пространства значительно отличаются от искусства Нового времени (ренессанса, барокко, классицизма, рационализма, искусства XIX и отчасти XX века). В работе рассматриваются художественные течения XX и начала XXI века, которые предоставляют возможность обнаружить схожесть в приемах и во взглядах в эпоху средневековья и в литературе Нового времени (искусстве авангарда, модерна и постмодерна).

Ключевые слова: *средневековые, искусство парадокса, абстрагирование, современная литература, постмодерн*

Парадоксальный, на первый взгляд, фрагмент названия данной работы (*Старое о новом*) образованному человеку средневековья показался бы вполне логичным. Далекая ассоциация на символическое толкование Библии святого Августина: „Quid enim quod dicitur Testamentum Vetus nisi occultario Novi? Et quid est aliud quod dicitur Novum nisi Veteris revelatio?“ («Что называется Заветом Ветхим, как не прикровение Нового, и что — Новым, как не откровение Ветхого?») [Лихачев 1971: 76] выявляет не только взаимосвязанность символического способа мышления в средние века, но и его принципиальную «реверсibilitätность».

Специфика средневекового искусства (литературы) по сравнению с более поздним художественным творчеством (как и по сравнению с античностью) давно известна и не раз обсуждалась в науке [Хейзинга 1919; Бицилли 1919; Аверинцев 1977; Гуревич 1984; Эко 1987; Водолазкин 2013 и т. д.]. Средневековая система жанров, отношение к оригинальности, принцип авторства, восприятие времени и пространства — весьма отличаются от искусства Нового времени (ренессанса, барокко, классицизма, рационализма, искусства XIX и отчасти XX века) [Лихачев 1971; Аверинцев 1977; Богданович 1980; Браун 2006; Шпадиер 2012]. Вместо принципа авторства, доминирующего в искусстве Нового времени, который проявляется в выделении, особенности и оригинальности, средневековая поэтика подчеркивает принцип жанра, а вместо индивидуализированного художественного выражения — топику и литературный этикет, систему общего, совместного и универсального выражения [Богданович 1980: 62]. Конкретность, которая много внимания будет уделять внешности, описанию явлений и верному отображению действительности, с соблюдением некоторых, как считалось, вечных мерок «правильно скомпонованного» художественного произведения — напр. *триединства* в драме, но и в изобразительном искусстве, — не только обозначит века художественного творчества, последовавшие за ренессансом, но также останется, хотя и неосознанно, эталоном формирования мира человека и его опыта. Но уже в XIX веке на лоне романтизма, а затем и символизма, открывшем двери ярко выраженной субъективности, это массивное здание классицистических пропорций и рационалистической объективности начинает разрушаться. Искусство XX и начала XXI века закончит начатую работу — сравняет с землей дворец искусств старой доброй Европы и на его обломках соорудит нечто новое. В большинстве случаев, это не будут прочные, нерушимые конструкции, но, скорее, проекции непредсказуемых возможностей нового воображения.

Однако художественные течения в искусстве XX и XXI века не только демонстрируют новую сенсibilität, разрывающую связи с предшествующей традицией, но и своими решениями указывают на определенный художественный опыт. Они предоставляют нам возможность обнаружить схожесть в приемах и взглядах в литературе эпох средневековья и современности. Здесь имеются в виду, прежде всего, искусство авангарда, модерна и постмодерна. Выделим лишь несколько таких приемов:

- стилизация и абстрагирование;
- топики как ключ к пониманию;
- символ как знак — и средневековое искусство, и искусство XX века желает обозначить и недвусмысленно указать на суть и на внутреннее, и потому стремится к определенному *схематизму*, что не исключает несколько уровней обозначения / толкования / смысла;
- парадоксальность, противопоставление понятий, значений — их перечисление (напр., характеристики животных в *Физиологе*), которое способствует всеобъемлемости и цельности [ср. Водолазкин 2013: 40].

Средневековое искусство в своих лучших произведениях утонченно, неуловимо и никогда не однозначно. Искусство авангарда, модерна XX века и особенно постмодерна второй половины того столетия вновь поворачивается к этой неуловимости — к нереальным формам, непропорциональным телам, отсутствию перспективы, несоблюдению единства времени, места и действия. Гибридность жанров и фрагментарность, подчеркнутая (и интермедийная) цитатность, контрадикторность аргументации и характеристики образов, языковые бравуры (*плетение словес*), наряду со своеобразным «красноречивым молчанием» — следовательно, все то, что невозможно себе представить в доброй классической литературе Нового времени — найдет свое место не только в изобразительном искусстве и литературе (и отчасти в музыке), но и в новом виде художественного выражения, таком как искусство кино.

Литература

Аверинцев 1977 — Аверинцев С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.

Бицилли 1919 — Бицилли П. Элементы средневековой культуры. Одесса, 1919.

Богдановић 1980 — Богдановић Д. Историја старе српске књижевности. Београд, 1980.

Браун 2006 — Brown P. Chorotope: Theodore of Sykeon and His Sacred Landscape // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и древней Руси. п/ред. А. М. Лидова. М., 2006. С. 117–125.

Водолазкин 2013 — Водолазкин Е. О средневековой письменности и современной литературе // Текст и традиция, 1, СПб., 2013. С. 37–65.

Гуревич 1984 — Гуревич А. Категории средневековой культуры. М., 1984.

Эко 1987 — Eco U. Arte e bellezza nell' estetica medievale. Milano, 1987.

Лихачев 1971 — Лихачев Д. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971.

Хейзинга 1919 — Huizinga J. Herfstij der Middeleeuwen. Haarlem, 1919.

Шпадиер 2012 — Špadijer I. The Symbolism of Space in Medieval Hagiography // Средневековни текстове, автори и книги. Сборник в чест на Хайнц Миклас (Кирило-Методиевски студии. Кн. 21). София, 2012. С. 300–308.

Irena Špadijer

University of Belgrade, Serbia

i.spadijer@gmail.com

The Old about the New —

the Language of the Middle Ages and Modern Culture

The specificity of the medieval art/literature relative to the artistic creations of the successive periods has long been

known and discussed by the scholars. The medieval system of genres, the attitudes towards originality, the principle of authorship, the perception of time and space — are very different from those pertaining to the art of later centuries (Renaissance, Baroque, Classicism, Rationalism, the 19th century art and, to an extent, the 20th century art). The paper looks at the art trends of the 20th and the early 21st century which provide the opportunity for identifying similar procedures and perceptions in the epoch of the Middle Ages and in the literature of the modern era (avant-garde and modern art, postmodernism).

—
155
—

Key words: *Middle Ages, art of paradox, abstraction, contemporary literature, postmodernism*

Мария Шульга

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Россия
shoulga@mail.ru

«Нерегулярности» в развитии русских флексивных форм

В докладе продолжается заявленная на прошлых Седьмых Римских Кирилло-Мефодиевских чтениях тема о синтетизме как о векторе развития грамматической системы русского языка. Показано развитие и обогащение грамматических средств, характерных для синтетического языкового строя. Обсуждаются актуальные возможности морфонологии и супплетивизма, их участие в формировании новых грамматических значений у изменяемых частей речи.

Ключевые слова: *синтетический строй, супплетивизм, внутренняя флексия, морфонологические чередования*

Мы остановимся на усложнении структуры флексивных форм и флексивных парадигм и на характерных для языков синтетического строя «нерегулярностях»: проявлениях супплетизма, внутренней флексии, на грамматической функции морфонологических чередований.

156

Наблюдения показывают, что так называемые не-правильности выразительно обнаруживают себя при актуализации разных морфологических процессов: эволюции категории числа, становлении числительных, категории вида и залога. Это дает основание рассматривать их в одном ряду с регулярными морфологическими средствами.

1. Об усложнении структуры падежной словоформы можно говорить в связи с унификацией именных форм множественного числа. В русском языке, в отличие от других славянских языков, переживших аналогичную унификацию, в ходе этого процесса наблюдается тенденция к вычленению показателя множественности. У имен существительных эта тенденция формируется на базе флексий И.–В. -а и флексий косвенных падежей -ам, -ами, -ах: *поля, полям, полями, о полях; города, городам, городами, о городах*. Здесь -а- проявляет себя как своеобразный аффикс — показатель множественности. В формах согласуемых слов аналогичный процесс осуществлен во всех формах без исключения при всем их многообразии. Например: *те — тех, одни — одних, мои — моих, новые — новых*.

Следовательно, сформировалось новое — синтетическое по своей природе и грамматическое по функции — средство выражения числовых отношений. В результате этого морфемная структура формы мн. числа усложнилась.

2. Для языков синтетического строя характерен такой способ выражения грамматических значений, как супплетивизм. Важно отметить, что русский язык не только сохранил супплетивные отношения типа *я — меня, мы — нас, ухо — уши*, но и расширил сферу при-

ложения этого своеобразного грамматического средства, усложняющего строение парадигмы.

Имеются в виду инновации в падежной парадигме местоимения третьего лица *он* — *его*, числительных *оба* — *обоих*, *два* — *двоих*.

Совмещение корней и разных основ наблюдается в числовых парадигмах существительных и видовых парадигмах глаголов: *ребенок* — *дети*, *человек* — *люди*; *брать* — *взять*, *класть* — *положить*, *садиться* — *сесть*; *дерево* — *деревья*, *чудо* — *чудеса*, *судно* — *суда*; *писать* — *написать* — *написывать*.

3. У новообразованных на основе словосочетаний числительных активизируется специфическая для языков синтетического строя единица выражения грамматического значения — внутренняя флексия. Она связана с внешней флексией и может иметь разную структуру: двучленную, как в числительном *полтора* — *полтора*; трехчленную структуру, как в парадигме числительного *пятьдесят* — *пятидесяти* — *пятьюдесятью* (аналогично *пятьсот*, *шестьсот*, *семьсот*, *восемьсот*, *девятьсот*); она может иметь также четырехчленную структуру: *двести* — *двухсот* — *двумстам* — *двумястами* (аналогично *триста*, *четыреста*).

4. В ходе исторического развития русский язык приспособил старые нефункциональные чередования к выражению новых грамматических значений. Например, чередование [г — ж] может различать несовершенный и совершенный вид глаголов: *избегать*, *прибегать*, *убегать* и т. д. и *избежать*, *прибежать*, *убежать* и т. д.; эти же два видовых значения в некоторых случаях различаются чередованием в корне гласной [и] с нулем: *собирать* — *собрать*, *называть* — *назвать*, или чередованием сочетаний [им], [ин] с нулем: *выжимать* — *выжать*; чередованием [о] и [а]: *оспорить* — *оспаривать*.

Морфонологические чередования особенно широко используются в выражении числовых отношений: *сосед* — *соседи*; *слюна* — *слюни* и мн. др.

Новые функции появляются у такого морфонологического средства, как ударение. У существительных с подвижным ударением формируется тенденция к «колонности» ударения при противопоставлении форм ед. и мн. числа; у глаголов ударение может различать видовые формы: *пересы'пать* — *пересыпа'ть*, а также участвует в противопоставлении переходных и непереходных глаголов: *спеши'шь*, *но учи'шь*.

В. Б. Касевич отмечает, что «существуют устойчивые связи между типом языка и развитостью его морфонологии. ...Удельный вес морфонологических явлений, их «представленность» в системе языка убывают от флективного типа к изолирующему» [Касевич 1986: 143–144].

Следовательно, в динамике русского языка наблюдается характерное для языков синтетического строя усложнение структуры флективных форм и флективных парадигм.

Литература

Касевич 1986 — Касевич В. Б. *Морфонология*. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986.

Maria Shulga

Lomonosov Moscow State University, Russia

shoulga@mail.ru

“Irregularities” in the development of Russian fusional forms

The report develops the discussion of the synthetism as a vector of development of the Russian language grammatical system; the topic was declared at the last year's Seventh Cyrillomethodian Conference and Workshop. In the article we indicate the development and enrichment of the grammatical means typical of the synthetic language system. We also debate relevant capabilities of morphonology and

suppletivism, and their usage in the formation of new grammatical meanings in the inflectional parts of speech.

Key words: *synthetic system, suppletivism, inner inflection, morphonological alternations*

Ирина Юрьева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Россия

iriwonok@yandex.ru

—
159
—

О грамматических ориентирах в ранней летописной традиции*

В докладе будут представлены особенности языковых стратегий в ранних древнерусских летописях. Несмотря на разные задачи: к примеру, создание престижной хроники для галицкого книжника или гораздо более свободные записи для автора Киевской летописи, — грамматический выбор, пусть и достаточно широкий, всегда делается исходя из некой жанровой нормы, отдельных ключевых форм и конструкций. Для летописей это, в частности, соотношение претеритных форм, инфинитивных и других обособленных оборотов.

Ключевые слова: *древнерусский язык, летописи, нарративная стратегия, прошедшее время, инфинитивные обороты*

Поскольку в глагольной системе хорошо сохраняется исходное состояние текста, она достаточно показательна для анализа.

Для нарративной стратегии летописного повествования значимо использование претеритных конструкций

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02095), предоставленного через Институт русского языка им. В. В. Виноградова.

«**нача** (**поча**) + инфинитив». В летописях **нача**-конструкции оказываются встроенными в систему претеритов — возможно, вместо исчезнувшего живого имперфекта, которому функционально соответствуют.

—
160 —
Стратегии употребления конструкций с **нача** в ранних древнерусских летописях разные, причём выбор обусловлен установкой на большую или меньшую престижность. Наиболее яркий контраст показывают идущие друг за другом Галицкая (ГЛ) и Волынская (ВЛ) летописи: в ГЛ «**нача** + инфинитив» всего 13 (0,5 % всех претеритов), а в ВЛ — 108 (почти 7 %). В первой же статье ВЛ (за 1261 год) встречается 15 **нача**-оборотов, то есть больше, чем во всей ГЛ, при том что ГЛ в полтора раза длиннее.

ГЛ и ВЛ по отношению к **нача**-конструкциям оказываются на противоположных полюсах. Остальные ранние летописи придерживаются середины: число **нача**-оборотов составляет 1,5–3 % всех претеритных форм. Обычно это зависит от установки летописца: в более книжных текстах число рассматриваемых инфинитивных оборотов ближе к 1,5 %, как в Суздальской летописи (СЛ), где их 70 (1,5 %), в менее книжных — ближе к 3 %, как в Киевской летописи (КЛ), где их 233 (3 %). Несколько иная ситуация с Новгородской Первой летописью (НПЛ), в которой всего «**нача** + инфинитив» всего 48 (1,3 %). Причина такой немногочисленности — не в стремлении к высокой книжности. Рассказ НПЛ, что нехарактерно для других ранних летописей, — простая фиксация событий (повествование состоит из аористов на 91 %, что необычайно много), и таким образом вытеснены все остальные претеритные формы в летописи.

Роль грамматического ориентира **нача**-конструкции играют именно для ранних летописей. В ходе истории языка употребление начинательных конструкций становится всё ближе к современной ситуации.

Характерная черта летописного текста — достаточно активное использование обособленного оборота *da-*

tivus absolutus (DA). В порядке возрастания количества «дательных самостоятельных» летописи распределяются следующим образом: НПЛ (47 — 6 % от всех причастий), КЛ (287 — 9 %), СЛ (294 — 14 %), ПВЛ и ВЛ (376 и 103 примера соответственно — 16 %). По сравнению с **нача**-конструкцией, отношение к DA противоположное: в менее книжных текстах обыкновенно этих оборотов меньше. Правда, в этом случае DA в совершенно книжной ВЛ оказываются слишком частотны. Однако этому есть объяснение: в ГЛ, ориентации на которую волинский летописец, видимо, не мог избежать, экстремально много DA: 720 употреблений (45 % всех причастий). Такой высокий процент не встречается, похоже, больше нигде — это индивидуальный почерк галицкого книжника, нанизывающего DA подряд, ср. : Мѣстиславоу же пришедшю на рать. приде на Лысоуу гороу. Данилови же поѣхавшю в лахы. и возведшю кназа Лѣстка и поиде противоу емоу. Мѣстиславоу же помочь пославшю Сѣлександрови срѣтившимъ же имъ рать вогнаша и в гра(д) Белзь. и за мало города не взаша. наоутреа поидоша противоу имъ. Мѣстиславоу же не стерпѣвшю и возвратиса в Галичь. Данилоу же кназю воевавшю с лахы землю галичьскоую... (л. 253 / 253 об., за 1225 г.).

Как и в случае с **нача**-оборотами, галицкий книжник выбирает самое радикальное решение.

В противоположность распространённым конструкциям «**нача** + инфинитив» и *dativus absolutus* интересно рассмотреть антиориентир — конструкцию, которая в летописном тексте, напротив, всемерно избегалась. Это проспектив с **хотѣти**.

Хочю-конструкции с проспективной семантикой в летописях крайне редки: их 8 в ПВЛ, 3 в КЛ и 2 в СЛ (один параллелен КЛ). При этом в них безусловно действует ограничение на сочетаемость: из 13 летописных примеров в 10 используется инфинитив **быти**, ещё в двух — **оумрети (помрети)** и в одном —

летѣти. В дополнение к упомянутым выше жёстким условиям важно, что в конструкциях с **быти** всегда используется форма **хощеть**, а не **хочеть** (даже в КЛ, где всего 3 формы **хощеть**) — и **хощеть быти** выглядит штампом.

— Но живые перспективы в древнерусском языке, вероятно, всё же были. В пользу этого могут свидетельствовать летописные примеры без **быти** и с характерными для живого языка признаками, ср.: **и не може с того места ни мало поступити. и хотѣ летѣти** (*готов был упасть, чуть было не упал*). **и ту подхытиша и подь руцѣ. и несоша и въ горенку** (КЛ 166 об., за 1152 г.). Таким образом, можно предположить, что перспективов — кроме одного — в летописном тексте усиленно избегали.

Интересно, что и в более поздних текстах ситуация ровно та же: преобладают формульные варианты *хощеть быти*. И на огромное количество контекстов с этими конструкциями в старорусском подкорпусе НКРЯ имеется одно исключение — контекст XVI в., сходный с ранне летописным **хотѣ летѣти**: *И сия слышавъ благочестивая царица от государя своего благочестиваго царя о отшествии его... не може от великия печали стояти, аще не бы благочестивый царь свою супружницу своима рукама удержалъ, хотяше бо пасти (чуть не упала) на землю*. Троицкая повесть о взятии Казани (1552–1553) [НКРЯ].

Вероятно, функционирование в письменной традиции варианта **хощеть быти** всегда поддерживалось живыми древнерусскими перспективами. По крайней мере, наследники таких конструкций в русских диалектах дожили до сих пор, ср.: *дѣнь хочет быть хоробшим; виш, лѹк уш хоч'от гѣбнуть* [КАОС].

Несмотря на достаточно большое разнообразие вариантов, для ранней летописной традиции важны грамматические ориентиры и антиориентиры, и текст всегда строится исходя из них.

Литература

ВЛ 1998 — Волынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. Москва, 1998. С. 848–938.

ГЛ 1998 — Галицкая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. Москва, 1998. С. 715–848.

КАОС — Картотека Архангельского областного словаря

КЛ — Киевская летопись // Ипатьевская летопись (БАН 16.4.4). Л. 106 об.–245.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка: www.ruscorgpora.ru

НПЛ 2000 — Новгородская Первая летопись старшего извода по Синодальному списку // Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Москва, 2000. С. 13–100.

ПВЛ 1998 — Повесть временных лет // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. Москва, 1998. С. 1–285.

СЛ 1997 — Суздальская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. Москва, 1997. С. 287–540.

Irina Yurieva

*Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences, Russia
iriwonok@yandex.ru*

The paper presents language strategies in Old Russian chronicles. Despite the different tasks of the chroniclers — for example, creating a prestigious chronicle for the Galician compiler or relatively free writing for the author of the Kievan one — grammatical choice, albeit broad enough, is always made according to certain genre standards, individual key forms and structures. For chronicles these are the combination of preterit forms; infinitive and other specific grammar expressions.

Key words: *Old Russian language, chronicles, narrative strategy, past tense, infinitive constructions*

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВОСЬМЫЕ РИМСКИЕ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

РИМ — ФЛОРЕНЦИЯ
5—10 ФЕВРАЛЯ 2018 г.

Издательство «Индрик»

Редактор *М. Обижаева*
Оригинал-макет *А. С. Старчеус*

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 954-17-52
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.
This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5
Формат 60×84 1/16. Печать офсетная.
11,0 п. л. Тираж 300 экз.